
ФИЛИП
ДИК
вне времени

Человек в высоком замке

ФилипДик Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. «Человек в высоком замке»
Человек в высоком замке
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
Информация о книге

Аннотация

Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель. Эту книгу нужно обязательно прочитать, как «Основание» А. Азимова. В ней рассказывается о том, какая ситуация сложилась в мире после победы Германии и Японии во второй мировой войне. Шесть сюжетных линий пересекаются между собой, образуя увлекательный клубок событий. Хотя в основе «Человека в высоком замке» лежит символика «Книги перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное). Видно, что автор провел много времени над изучением книг, прежде чем сесть на перо. Надо отдать должное переводчикам Г. Корчагину и И. Петрушкину, которым в свою очередь пришлось также проштудировать восточную литературу и специальные посо-

бия перед локализацией этого необычного романа.

Филип К. Дик
«Человек в высоком замке»

PHILIP K. DICK

The Man in the High Castle (1962)

Перевод с английского языка выполнил А. Левкин

Дик Ф.

Д 45 Вне времени: Око небесное. Распалась связь времен. **Человек в Высоком замке** : [романы] / Филип Дик; [пер. с англ.]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 733 с.

В первый том трехтомника Филипа Дика вошли романы, условно объединенные темой «Вне времени», — романы, уже давно существующие «вне» чего бы то ни было. А потому вечные, навсегда.

© Philip K. Dick, 1962

© Левкин А., перевод на русский язык, 2008

ISBN 978-5-367-00814-2

Человек в высоком замке

ГЛАВА I

Вот уже целую неделю мистер Роберт Чилдэн с нетерпением поджидал почту. Но тщетно: ценная бандероль из штата Скалистых Гор никак не хотела добраться до его офиса. Поэтому, открыв свой магазин в пятницу утром и обнаружив на полу возле щели для корреспонденции лишь пару писем, он грустно вздохнул — не избежать объяснения с разгневанным клиентом.

Нацедив чашку растворимого чая за пять центов из встроенного в стену автомата, Чилдэн выпил его, взялся за метлу и принялся приводить в порядок помещения. Вскоре торговый зал «Американских шедевров» был уже вполне готов к приходу покупателей: кругом чистота, ни пылинки, в кассовый аппарат заблаговременно загружена мелочь для сдачи, повсюду стелется терпкий запах бархатцев, которому вторит тихая музыка, льющаяся из радиоприемника.

За витринными стеклами была видна Монтгомери-стрит, по которой в эту пору в свои конторы торопились чиновники. Вдалеке виднелся поднимающийся в горку вагончик фуникулера. Чилдэн с удовольствием проводил его взглядом и при-

нялся разглядывать идущих по улице женщин в длинных ярких шелковых платьях. Зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Алло, — послышался знакомый голос, и Чилдэн вздрогнул. — Говорит Тагоми. Как обстоят дела с моим заказом? Вы помните: вербовочный плакат периода Гражданской войны. Вы обещали мне еще на той неделе…

Голос говорившего был резок, на грани соблюдения приличий.

— Разве я не оставлял вам задатка, мистер Чилдэн? — не услышав ответа, продолжил позвонивший. — Вы же отлично знаете, что завтра уже поздно, что мне требуется подарок гостю. Клиенту.

— Разнообразные справки… — начал мямлить Чилдэн, — мне пришлось наводить их за свой счет, мистер Тагоми, дело в том, что почта между штатами…

— Значит, посылка не пришла, — оборвал его Тагоми.

— Нет, мистер Тагоми, сэр…

Ледяное молчание в трубке.

— Ждать я больше не могу, — наконец донесся ответ.

— Да, сэр, конечно, — мрачно согласился Чил-

дэн, глядя сквозь витрину на теплый солнечный день и на здания делового квартала Сан-Франциско.

— Ну что же, мистер Чилдон, предлагайте свои варианты. — Тагоми намеренно исказил его имя, от стыда и обиды Чилдэн покраснел как рак… Надо что-то срочно придумать… но страх и нерешительность объяли Чилдэна, и он не мог и слова вымолвить. Просто замер, сжимая в руке телефонную трубку. В воздухе пахло бархатцами, мягко играла музыка, а он словно тонул в каком-то холодном море за сотни миль от этой комнаты.

— Ну… — с усилием начал он, — маслобойка. Мороженица выпуска 1910 года. — Мозг отказывался шевелить извилинами. Чилдэн больше всего на свете хотел забыть обо всем этом, но как себя одурачишь? Ему было тридцать восемь лет, и он отлично помнил прежние, довоенные времена. Времена Рузвельта и Всемирной выставки. Прежний, лучший мир.

— Могу ли я занести вам в офис образцы на выбор? — промямлил он наконец.

Встреча была назначена на два часа пополудни. «Что же, придется закрыть магазин. Выбора нет, — стало понятно, едва он положил труб-

ку. — Отношения с такими клиентами следует сохранять. На них все дело держится».

Он стоял и все еще дрожал, будто в ознобе. И тут обнаружил, что в магазине он уже не один. Мужчина и женщина. Молодые, очень милые с виду. Одеты с иголочки, словно с обложки журнала. Чилдэн встряхнулся, собрался с духом и, профессионально натягивая на лицо улыбку, двинулся им навстречу. Вошедшие же в это время наклонились над застекленным прилавком и разглядывали вполне симпатичную пепельницу. «Женатые, — прикинул Чилдэн. — Живут, верно, в новых шикарных домах, в пригороде Морских Туманов».

— Доброе утро, — обратился он к посетителям и сразу почувствовал себя лучше.

Они улыбнулись ему в ответ, и в их улыбках не было ни тени превосходства, лишь искренняя доброжелательность. Ассортимент магазина захватил их, Чилдэн понял это и был им благодарен: что ж, они знали толк, магазин-то один из лучших на всем Побережье.

— Воистину изумительные вещи, — сказал молодой человек.

Чилдэн непроизвольно поклонился.

Взгляды, которыми обменялись вошедшие с

хозяином, были теплы, и теплы не только от обыкновенного человеческого взаимопонимания, но и оттого, что их вкусы совпали. Они были благодарны ему за то, что он обладает всеми этими вещами и они могут их видеть, брать в руки и разглядывать — пусть даже и не для покупки. «Да, — подумал Чилдэн, — они знают, куда и зачем пришли. Это вам не хлам для туристов с колечками-фитюльками для девчонок, открытками с видом Моста и поддельным мексиканским серебром. И какие необычные, большие и темные глаза у девушки… С какой легкостью я бы мог в нее влюбиться… — думал Чилдэн. — В нее или в подобную ей. Боже, как трагична моя жизнь, если остается ждать только чуда…» Модная стрижка, лакированные ноготки, уши с проколотыми мочками, в которых покачиваются длинные латунные сережки ручной работы.

— Ваши серьги… — пробормотал он, — вы их здесь купили?

— Нет. Дома.

Чилдэн кивнул. Ну конечно. Нет никакого современного американского искусства. Не существует. В художественных салонах, таких, как его собственный, найти можно только прошлое.

— Вы надолго к нам? — осведомился он. — В

наш Сан-Франциско?

— На неопределенный срок, — ответил мужчина. — Я служу в Комиссии по надзору за планированием повышения качества жизни в неблагополучных районах.

Тень самодовольства скользнула по его лицу.

Нет, это не военный. Не из этих вечно жующих резинку неотесанных мужланов, которые знай себе слоняются по Маркет-стрит, пялясь на похабные афишки секс-кинотеатров, на витрины порноателье и ночных клубов, где потрепанные блондинистые дивы средних лет старательно зажимают в пальцах соски и глазеют с тупой и вымученной похотью на прохожих… Кварталы притонов занимали большую часть равнинных районов Сан-Франциско: низенькие и плюгавые кварталы, крытые жестью и фанерой, возникшие еще до того, как на город упала последняя бомба.

Этот господин другой. Элита, высший свет. Воспитан, образован, да и чин у него, поди, повыше, чем у мистера Тагоми, не из последних в Промышленных Миссиях Тихоокеанского побережья. Тагоми был уже не первой молодости, и взгляды его сформировались еще во времена Военного Кабинета.

— Вы хотите приобрести что-либо из амери-

канских художественных изделий для подарка? — осведомился Чилдэн. — Или же… или же вы собираетесь обставить ваши апартаменты, раз уж остаетесь у нас надолго?

Сердце его затрепетало… если бы так…

— Вы угадали, — кивнула девушка. — Свое жилье мы обставлять уже начали, но вот никак не можем все решить окончательно. Вы нам можете посоветовать?

— О, мы можем договориться, что я навещу вас, — охнул Чилдэн. — Возьму с собой кое-что на выбор и приеду — когда вам удобно. Это же моя работа.

Он отвел глаза в сторону: чувствовал, как слишком уж откровенно в них разгорается огонек надежды. Тут речь о тысячах долларов.

— Скоро мне доставят стол кленового дерева из Новой Англии — сделан без единого гвоздя, только на деревянных шпильках. Изящество исключительное, качество — прекрасное. Еще у меня есть зеркало времен войны 1812 года. Искусство аборигенов: коврики из козьей шерсти, окрашенные естественными красителями.

— Я, в общем, предпочитаю городское искусство, — покачал головой мужчина.

— О, — легко согласился Чилдэн. — Тогда вот

что. У меня есть стенное панно времен Первопроходцев — деревянное, в четыре доски, изображает Горация Грилли. Лакомый кусочек для любого коллекционера.

— О! — поразился мужчина.

— И еще шкафчик в викторианском стиле, переделанный под бар для напитков…

— О!

— И еще, послушайте-ка: *обрамленный плакат Джин Харлоу и — с ее автографом!*

Мужчина замер, уставившись на Чилдэна.

— Так что же? Уговорились? — произнес осторожно Чилдэн, стараясь не упустить момент. Достал из внутреннего кармана пиджака ручку и записную книжку.

— Оставьте, пожалуйста, господа, мне ваш адрес. И скажите, как вас зовут…

Потом, когда они уже покинули его магазин, Чилдэн заложил руки за спину, подошел к витрине и принялся глядеть на улицу. Если бы все дни были похожи на этот… и речь тут даже не о бизнесе, не об успехе этого дела. Всё шло к тому, что он встретится с молодой японской парой в такой ситуации, когда принимать его станут не просто как янки-торгаша, а как человека. Да, именно такие молодые люди, не помнящие ни

довоенных дней, ни самой войны, — именно они составляют надежду мира. Для них не важна разница в положении.

«Однажды все это кончится, — размышлял Чилдэн. — Все социальные различия станут неважны, забудется сама их идея. Не будет ни управляющих, ни подчиненных, будут просто люди».

Но стоило ему лишь представить себе, что он стучится в их двери, как по позвоночнику пробежал холодок. Он проверил запись: «Казуора». Да, его пригласили. Ему, несомненно, предложат чай. Сумеет ли он достойно соблюсти этикет? Сумеет ли он все сделать так, как надо и когда надо? Или же постыдно оконфузится, срежется на сущем пустяке?

Девушку звали Бетти. «В ее взгляде сквозило такое понимание...» — вздохнул Чилдэн. Вежливые, понимающие глаза. Несомненно, даже за краткое время визита она увидела и его надежды, и его отчаяние.

Его надежды?! У Чилдэна внезапно закружилась голова. Что за безумие, что за самоубийственное желание его объяло?! Но все же, все же... известны ведь случаи связи между японцами и янки... хотя, конечно, обыкновенно между

японцем и женщиной-янки. А тут… Он вздрогнул, осознав, на что позарился. И вдобавок она замужем. Выбросив из головы эти сумасшедшие мысли, он принялся за разборку почты.

Пальцы, однако, все еще дрожали. И тут Чилдэн вспомнил о назначенном на два часа свидании с мистером Тагоми. Руки перестали дрожать, волнение сменилось решимостью. Делать нечего, прийти надо с чем-то несомненным. С чем? И где взять? Позвонить. Использовать связи. Профессиональный опыт. По щепочке собрать фабричный «форд» выпуска 1929 года, черный, с черным же матерчатым верхом. Это что «Большой шлем» выиграть — имя навеки останется в истории. Восстановить так, чтобы выглядел лучше новехонького, трехмоторный почтовый самолет, который он отыщет в каком-нибудь сарае в Алабаме… И так далее. Раздобыть мумифицированную голову мистера Буффало Билла с развевающимися на ветру светлыми волосенками… Новые шедевры американского искусства. Это поднимет мою репутацию на такую высоту, что видно ее будет не только по всему Побережью, но, поди, и с Островов Родины.

Чилдэн потряс головой и, чтобы взбодриться, закурил сигарету с легкой травкой, чудесное

творение фирмы «Страна улыбок».

Фрэнк Фринк лежал на постели в своей комнате на Хэйес-стрит и размышлял о том, как бы встать. Солнечный свет пробивался в щель между портьерами и падал на груду сваленной возле кровати одежды. Там же поблескивали и стекла очков. По дороге в ванную на них надо бы не наступить. Обязательно постараться не наступить. Выбрать кружной путь. На карачках, ползком, но добраться до ванной. Голова разламывалась, но это его в особое уныние не приводило. Что было — то было, что уж теперь самобичеванием заниматься. А что со временем? Часы на комоде показывают половину двенадцатого. Мамочка! А он лежит?!

«Погорел», — посетила ум нехитрая мысль.

Вчера, ко всему прочему, он еще и дров на заводе наломал. Зачем-то сцепился с начальником, наговорил ему кучу глупостей. С самим Уиндемом-Матсеном собственной персоной, — лицо у него плоское, что тарелка, а к ней в самой середке прилеплен сократовский нос. Еще у него имеются бриллиантовое кольцо и золотые запонки. Власть, иными словами. Трон, мантия, всякое такое.

«Ну вот, — подумал Фрэнк, — вот меня и выста-

вили. И, поди, еще и в черный список занесут. Прости-прощай любая работа. Пятнадцать лет стажа. И все коту под хвост».

А еще придется явиться в Комиссию по подтверждению квалификации, которая примется пересматривать его категорию. Однако поскольку он никак не мог разобраться в отношениях Уиндема-Матсена с *буратинами* — представителями марионеточного белого правительства, что в Сакраменто, то не мог и оценить влияния своего бывшего шефа на правителей реальных — японцев. Но комиссия все равно в руках буратин… так что он должен будет предстать перед четырьмя или пятью белыми опухшими физиономиями средних лет, и все они на подсосе у Матсена. А не получишь подтверждения квалификации — изволь, отправляйся на одну из Импорт-Экспортных бирж труда, управляемых из Токио и имеющих конторы по всей Калифорнии, Орегону, Вашингтону и Неваде, объединенных в Тихоокеанские Штаты Америки. Ну, а если и там шиш, то…

То что? Он лежал и тупо пялился на ветхий плафон под потолком. Можно, конечно, смыться в штаты Скалистых Гор. Но те слишком связаны с ТША и могут в два счета выдворить его обратно…

На Юг? Фринк вздрогнул. Вот уж куда соваться не следует… Понятно, он белый и место там найти ему будет куда проще, чем здесь, но… на кой черт ему такие радости…

Ведь Юг опутан паутиной связей с Рейхом: связей экономических, идеологических, еще бог весть каких. А Фрэнк Фринк — еврей.

Вообще-то звали его Фрэнк Финк. Родился он на Восточном Побережье, в Нью-Йорке, и в 1941 году, сразу же после разгрома России, был призван на Западный берег. Там он и застрял после окончания войны: в японской оккупационной зоне. И живет здесь вот уже пятнадцать лет.

В 1947 году, в День Капитуляции, он сделался чем-то вроде камикадзе. Ненавидел япошек всеми потрохами и жаждал отмщения любой ценой. Закопал в погребе собственное оружие, отлично промасленное и упакованное, — пусть дожидается дня, когда он с приятелями поднимет бучу. Вот только одного он не учел — того, что время — лучший лекарь. Стоило ему теперь вспомнить свои мысли тех лет— о кровавой бане, о мщении буратинам и их хозяевам, как он ощущал, будто открыл какой-нибудь пожелтевший дневник школьной поры. Мальчишеские грезы. Фрэнк «Золотая рыбка», Финк сделается палеонтологом

и непременно женится на Норме Парут, первой красавице класса. Нет, жениться на ней он и в самом деле хотел изо всех сил. Но… что было, то было. Сто лет назад, словно слушать Фреда Аллена или смотреть фильмы мистера Филдса… После 1947-го он переговорил уже, наверное, с шестью-стами тысячами японцев, и желание угробить кого-нибудь из них превращаться в действие совершенно не собиралось. Да и просто пропало после первых месяцев. Оказалось совершенно нелепым.

Впрочем… один из них… мистер Омуро, взявший под свой контроль львиную долю сдаваемой внаем недвижимости в равнинной части Сан-Франциско… Одно время Фрэнк жил в его доме. Этот оказался с гнильцой. Акула собачья, ремонта ни разу не делал, разгораживал комнаты на совершенно уже куриные клетушки и знай себе поднимал плату. Омуро нашел, на ком греть руки — на бывших военнослужащих, отставных и безработных, которых во времена депрессии начала пятидесятых хватало с избытком. Но при всем при том разве не сами японцы, не их Промышленные Миссии отрубили за спекуляции Омуре голову? И что в результате? Теперь на нарушения жесткого, но вполне добропорядочного японско-

го Гражданского кодекса не осмелится пойти уже никто. И это, несомненно, свидетельствует о неподкупности официальных лиц японской администрации, в особенности — пришедших на смену Военному Кабинету.

Вспомнив о стоической честности Промышленных Миссий, Фринк приободрился. Глядишь, и от Уиндема-Матсена они отмахнутся как от назойливой мухи. Каким бы владельцем-развладельцем корпорации тот ни был. Ну, по крайней мере, Фринк на это рассчитывал. «Кажется, я начинаю верить в крепость этого Взаимовыгодного Тихоокеанского Союза, — сказал он сам себе. — Странно, глядя в прошлое… казалось, все это обыкновенная болтовня. А вишь ты…»

Он поднялся-таки с кровати и нетвердыми шагами отправился в ванную. Пока мылся-брился, слушал дневные новости по радио.

— Не станем же иронически относиться к этим попыткам… — сказало радио и осеклось, заглушенное звуком падающей из душа воды.

«Какая уж тут ирония», — пожал плечами Фринк. Он знал, о чем там речь. Хотя, если рассудить, представить себе, как бесстрастные и мрачные немцы строем маршируют по Марсу, по красным пескам которого еще не ступала

нога человека… Принявшись скрести по скулам безопаской, Фринк бормотал себе под нос немецкую прибаутку: Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort, wo man das Kourentzatianslager bilden kann? Das Wetter ist so schon. Heiss, aber doch schon.[1]

— Цивилизации, объединенные взаимным сотрудничеством, должны сделать паузу и со всем вниманием рассмотреть вопрос о том, каким образом обеспечить всестороннее балансирование в отношении взаимных обязанностей, взаимной ответственности и сопряженных с моментом сотрудничества выгод… — «Типичное словесное недержание больших начальников», — подумал Фринк, а радио продолжило: — Мы не рискуем ошибиться, утверждая, что арена будущего, которую обживет своими трудами человечество в лице представителей европеоидных, японоидных, а также негроидных…

И так далее.

Фринк принялся натягивать на мокрое тело одежду, все еще бормоча себе под нос:

— Погода шён, очень шён, вот только дышать

---

[1] Примечания: 1

Боже мой, господин крайсляйтер. Вероятно, это именно то самое место, где можно устроить лагерь. И погода прекрасная. Жарко, но чудесно (нем.).

нечем...

Однако же от фактов никуда не денешься: тихоокеанцы к колонизации планет и не приступали. Завязли в Южной Америке. Немцы знай себе возились с гигантскими автоматическими системами, запускали их в космос, а японцы так и продолжали выжигать джунгли во внутренней Бразилии и строить восьмиэтажные дома для бывших охотников за черепами. К тому времени, когда японцы соберутся запустить хоть что-нибудь в космос, немцы приберут к рукам уже всю Солнечную систему. Однажды — как Фринк вычитал в какой-то древней книжке по истории — немцы уже оплошали, и весь остальной мир поделил у них под носом все колонии. А вот теперь-то уж они своего не упустят. Наука впрок пошла.

И тут он вспомнил об Африке, о том, что проделали наци там... Сердце его дернулось, словно захотело оторваться от тела, потом все же успокоилось. Словно передумало. На время. Но эти руины, гигантская пустыня, плоская смерть?!

— Мы должны, — знай себе тараторило радио, — с гордостью осознавать факт повсеместного удовлетворения основных физических потребностей, однако следует принять во вни-

мание и то, что и высшие духовные ожидания населения должны быть…

Фрэнк выключил радио. Отдышался и включил снова.

На крест Христа, еще разик. Африка. Тени живших там племен. Племен, сметенных оттуда ради того, чтобы… Ради чего? Кому это известно? Какая-то куча механизмов пыхтит и что-то там воздвигает. Воздвигает? Скорее перемалывает. Все эти строители родом из палеолита, которым не дает спокойно жить страсть дикарей изготовлять чаши из вражеских черепов. Гопкомпания ублюдков, обожающих закусывать сырыми мозгами. Чужими, вычерпывая ложечкой из вскрытых черепов. Что же, это разумно — не просто сожрать кого-то, кто тебе не по душе, но слопать его тепленьким, так ведь оно и вкуснее. Лучшие инженеры планеты! Доисторическое двуногое в стерильном белом халате экспериментирует в лаборатории Берлинского университета с частями тех людей: с кожей, ушами, жиром. На что бы это могло сгодиться? О, герр Доктор! Как вы додумались до этого блестящего использования сустава большого пальца ноги?! Как чудесно он приспосабливается для механизма зажигалки, какая легкость, какая плавность и какой бесшум-

ный ход! Если только герр Крупп в состоянии начать их массовый выпуск…

Эти мысли привели его в ужас: миром завладел сброд выродков. «Мы потратили миллион лет на то, — подумал Фринк, — чтобы стать иными. И что же! Все возвратилось на круги своя».

И они не просто вернулись. Они вернулись хозяевами.

— Мы можем порицать и считать предосудительным… — произнесло радио голосом маленькой желтокожей красотки из Токио.

«О боже, — вздохнул Фринк, — а мы-то называли их мартышками, этих цивилизованных, разве что слегка кривоногих малышей, которые никогда не строили газовых камер…»

— И мы порицаем столь обычное в прошлом уничтожение в невероятных масштабах человеческих существ, вызванное фанатичным стремлением поставить большую часть общества вне его пределов. — Эти япошки в законах кумекают. — И, выражаясь словами известного западного святого, можно сказать так: что пользы человеку в том, что он весь мир приобретет, если душу свою потеряет?

Радио замолкло. Фринк, повязывая галстук, тоже замер. Кажется, очередная промывка мозгов

закончилась.

«Но я должен с ними договориться, — внезапно пришла на ум мысль. — Исключили, уволили меня или нет? Я не могу покинуть страну, находящуюся под контролем Японии, и отправиться на Юг или в Европу. Там всюду Рейх, а значит, и смерть. Я должен договориться со стариком Уиндемом-Матсеном».

Усевшись на кровать и примостив рядом чашку едва теплого чая, Фринк достал Книгу. «*Книгу Перемен*», «*Ицзин*». Вытащил из кожаного футлярчика сорок девять черенков тысячелистника и какое-то время колебался, пытаясь собраться с мыслями и точно сформулировать вопрос.

— Как мне следует повести себя с Уиндемом-Матсеном, чтобы с ним помириться? — сообразил он наконец и записал вопрос в блокнот.

И принялся перебирать черенки. Ну что же, вот и первая линия гексаграммы. Отсечена половина из шестидесяти четырех вариантов. Снова манипуляции с черенками, вот и вторая линия. И так, пока не обозначились все шесть. Вот она, гексаграмма, перед ним, и ему совершенно незачем заглядывать в книгу, чтобы определить ее смысл. Гексаграмма пятнадцать. «Цянь». Смирение, свершение. Смиренный возвышается. Ему не

нужно было перечитывать комментарии, он их помнил наизусть. Что же, хороший знак. Оракул дал ему неплохой совет.

Но все же… Фринк ощутил разочарование: в гексаграмме присутствовало нечто бессмысленное, какая-то излишняя слащавость. Ну *разумеется,* ему следует быть смиренным. Что ему еще остается? Власти над стариком У-М у него нет никакой, как он его может заставить изменить решение? Остается примириться, просить, клянчить, надеяться. Небеса когда-нибудь вернут его к прежнему положению, а то, глядишь, и вознесут выше.

Во всей гексаграмме, как она у него получалась, не было ни единой скользящей строки, так что второй — зеркальной — гексаграммы тут не возникало.

Ну хорошо, тогда еще один вопрос: «Увижусь ли я с Джулианой?»

Джулиана его жена. Или, точнее, была его женой, потом ушла от него, и вот уже несколько месяцев он ее не видел. Да и где живет — тоже не знал. Верно, покинула Сан-Франциско или даже Тихоокеанские Штаты. Общие знакомые тоже о ней ничего не знали.

Он углубился в манипуляции с тысячелистни-

ком, внимательно глядя на собственные пальцы. Сколько раз он уже о ней спрашивал? И каждый раз происходило что-то случайное, управляющее расположением сухих стеблей растения, и каждый раз возникал ответ. Случайный, наверное, но все равно непостижимым образом связанный с тем мгновением, в который он задавал свой вопрос, связанный и с самим Фринком, и с его женой, и со всеми прочими жизнями и частичками мироздания. И выпадал ответ: непререкаемый и краткий ответ из шести длинных и слабых линий, ответ, описывавший все, заключавший в себе все. Он, Джулиана, заводик на Гоуч-стрит, Промышленные Миссии, которые заправляли всем на этой земле, люди, летящие к чужим планетам, миллионы горок пепла странного химического состава в Африке, где от человека остается только кучка пепла и не остается даже тела, которое можно было бы предать земле, чаяния тысяч бедняков в халупах Сан-Франциско, маньяков в Берлине, составляющих параноидальные планы, — все собиралось воедино в тот момент, когда он перекидывал стебельки из руки в руку, чтобы определить знак, который растолкует ему книга родом из тридцатого века до нашей эры. Книга, созданная мудрецами Китая, за пять тысяч лет

доведших до совершенства свою науку, зафиксированную на бумаге еще до того, как Европа научилась считать до десяти.

Ну вот, готово. Сердце Фринка дрогнуло. Гексаграмма сорок четыре. «Гоу». «Перечень». *«У женщины — сила. Не показано, чтобы брать жену»*. Опять, стоит лишь задать вопрос о Джулиане, выпадает все та же гексаграмма.

— Ой-ей-ей, — простонал он, откидываясь на постель.

Ну что же, значит, она не для меня. Но мне это и так прекрасно известно, и спрашивал я совершенно о другом. Как? Зачем судьба поступила так: заставила их встретиться? Зачем заставила в нее влюбиться? И любить по сей день?

Джулиана была самой красивой из всех его женщин. Черные как сажа волосы и брови — испанская кровь сказывалась во всем, даже в цвете кожи и изгибе губ. Походка была мягкой, кошачьей. Еще со школьных времен она ходила только в босоножках, вечно разваливающихся. Да и вся ее одежда была поношенной, выглядела выцветшей, застиранной. Жизнь сломала их так давно, что, несмотря на всю свою красоту, она таскала один и тот же хлопчатобумажный свитер, куртку на молнии, твидовую юбку и носки до

щиколоток. Она ненавидела свою одежду, потому что, по ее словам, выглядела в ней, словно дама, играющая в теннис или, того хуже, отправившаяся в лес за грибами. Но одежду не меняла.

А еще с самого начала их встреч Фрэнк был ошарашен ее сумасбродным поведением: бог весть отчего, но всех встречавшихся на улице она одаривала странной кокетливой улыбкой, что твоя Мона Лиза, и прохожие замирали в оторопи. Как поступить? Ответить, улыбнуться? Но она была настолько привлекательна, что обычно ей отвечали… Сначала Фринк думал, что причиной всему просто близорукость, но потом решил, что в этом, верно, проявляется ее скрытая глупость. Какая-то природная глупость. Потом он вдруг решил, что в ее улыбках, почти подмигиваниях встречным таится что-то сыщицкое, потом — почти мистическое: вот, я тут, чтобы появиться среди вас, и только. У меня такое поручение: приходить, глядеть на вас и уходить.

Но все равно, несмотря ни на что, даже когда большую часть времени они проводили в ссорах и размолвках, даже тогда он воспринимал ее не иначе как прямое, безусловное присутствие в его жизни Бога. И вот именно это, это почти религиозное чувство и не давало ему примириться

с утратой.

Казалось, она где-то неподалеку… рядом, будто они все еще вместе. И всякий, раз задумавшись об этом, он действительно начинал ощущать ее присутствие в доме и чуть ли не принимался искать ее по всем углам. Ну, а что же… она эту комнату знает, что мешает ей сюда заглядывать — пусть даже как призраку…

Сидя на кровати, среди холостяцкого беспорядка, собираясь выйти на улицу и начать наконец день, Фрэнк Фринк раздумывал о том, кто еще в Сан-Франциско испрашивал сегодня совета у Книги. И если такой человек был, то что же — и ему достался столь же мрачный ответ? И есть ли среди всех нас человек, которому сообщили хоть что-нибудь хорошее?

ГЛАВА II

Мистер Нобусуке Тагоми держал совет с божественной Пятой Книгой конфуцианской мудрости, с даосским Оракулом, многие века именуемым «*Книгой Перемен*» или «*Ицзин*». Сегодня в полдень ему на ум пришла мысль проконсультироваться у пятитысячелетней мудрости касательно назначенной на этот день встречи с мистером Чилдэном. До встречи оставалось два часа или около того.

Из окон офиса, занимавшего несколько комнат на двенадцатом этаже здания «Ниппон таймс», был виден весь берег. Можно было разглядеть суда, проходящие под мостом Золотых Ворот. Сейчас, например, неподалеку от Алькатраса был виден сухогруз, но мистера Тагоми это не заинтересовало нисколько. Подойдя к окну, он развязал узел на шнурке, и бамбуковые жалюзи с легким стуком осыпались вниз. В главном кабинете офиса сделалось сумрачно, Тагоми уже не приходилось щуриться от избытка света, и, следовательно, теперь и мыслить он мог более четко.

«Не в его, Чилдэна, власти и компетенции, — решил мистер Тагоми, — угодить моему клиенту».

Совершенно не важно, с чем именно заявится торговец, можно ручаться, что на клиента впечатления это не произведет. Примем это как данность. Но в таком случае надо поступить так, чтобы хотя бы разочарование клиента оказалось не слишком велико.

Поступить надо так, чтобы не обидеть его дурацким подарком.

Клиент летит в Сан-Франциско на новом германском ракетоплане «Мессершмитт 9-Е» и вскоре приземлится в здешнем аэропорту. Самому мистеру Тагоми на подобных аппаратах летать не доводилось, так что, когда он встретит возле трапа гостя, мистера Бэйнса, ему следует постараться сохранить невозмутимость, какое бы сильное впечатление летающий корабль на него ни произвел. Ну что же, к делу. Тагоми встал перед зеркалом и постарался принять вид человека рассеянного и слегка скучающего, наблюдая в зеркало за результатом. О да, они очень шумят, мистер Бэйнс. Читать совершенно невозможно. Зато весь полет от Стокгольма до Сан-Франциско занимает всего сорок пять минут. Вставить здесь ехидное словечко о вечных неполадках немецкой техники? Предполагаю, вы слушаете радио, мистер Бэйнс? Какой ужас эта катастрофа

над Мадагаскаром… Хотя, по правде, и прежние поршневые самолеты тоже не слишком…

Вот уж чего следует избегать, так это политики. Хотя бы по той причине, что ему совершенно неизвестно отношение гостя к нынешнему положению дел. Ну, а если разговор такого сорта и завяжется, то мистер Бэйнс, как швед, должен быть нейтралом. Хотя, конечно, предпочел он «Люфтганзу», а не «САС»… И еще один тонкий момент: мистер Бэйнс, ходят слухи, что герр Борман серьезно болен. Говорят, что осенью на партийном съезде будет избираться новый рейхсканцлер?

Ах, только слухи… Увы, в отношениях между Тихоокеанией и Рейхом всегда столько тайн и недомолвок…

На столе мистера Тагоми лежала вырезка из «Нью-Йорк тайме» — со статьей мистера Бэйнса. Низко склонившись над столешницей — к чему, по правде, его принуждали неточно подобранные контактные линзы, — мистер Тагоми еще раз перечел материал. Там речь шла о том, что нужно в очередной раз (в девяносто восьмой, что ли?) приняться за разведку источников воды на Луне. «Мы все еще не в состоянии разрешить эту разрывающую сердце дилемму, — цитировал мистер

Бэйнс. — Наша ближайшая соседка совершенно бесполезна для нас — если не принимать во внимание ее использование в военных целях».

«Sic!» — подумал, используя торжественное латинское слово, мистер Тагоми. Вот он, ключик к мистеру Бэйнсу: не хочет он принимать во внимание чисто военные цели! Мистер Тагоми немедленно взял это на заметку.

Нажав на кнопку интеркома, он сообщил в микрофон:

— Мисс Эйфрикян, зайдите, пожалуйста, ко мне. С диктофоном.

Дверь кабинета скользнула в сторону, и на пороге появилась мисс Эйфрикян, чья прическа была нынче украшена аккуратно заправленными в пряди голубыми цветочками.

— Если бы чуть меньше сиреневого оттенка, — чуть поморщился мистер Тагоми, бывший в свое время профессиональным цветоводом у себя дома, на Хоккайдо.

Мисс Эйфрикян, высокая и стройная, с каштановыми волосами армянка, церемонно поклонилась шефу.

— Итак, вы готовы? — осведомился шеф.

— Да, мистер Тагоми. — Эйфрикян села и включила свою машинку.

— Осведомившись сегодня у Оракула, — начал мистер Тагоми, — о том, окажется ли успешной и благоприятствующей дальнейшим событиям моя встреча с мистером Чилдэном, торговцем, я получил, к своему неудовлетворению, гексаграмму с комментарием: «*Переразвитие великого. Стропила прогибаются — несчастье*».

Катушки диктофона мерно крутились, но мистер Тагоми погрузился в размышления.

Мисс Эйфрикян внимательно следила за шефом и наконец выключила аппаратик.

— Позовите ко мне на минуту мистера Рэймси, — сказал Тагоми.

— Да, мистер Тагоми. — Эйфрикян поднялась с места, положила диктофон на стол, простучала каблучками и скрылась в коридоре.

Вскоре с папкой, заполненной счетами и накладными, в кабинете появился мистер Рэймси. Молодой, улыбающийся, он был одет в обтягивающие голубые джинсы без пояса, в клетчатую рубаху, украшенную галстуком в духе среднезападных равнин, — словом, вполне соответствовал нынешней местной моде.

— Ну и денек, мистер Тагоми! — радостно приветствовал он шефа. — Просто совершенно замечательный денек выдался!

Мистер Тагоми скупо кивнул.

Рэймси осекся и смущенно поклонился в ответ.

— Я проконсультировался с Оракулом, — продолжил Тагоми, когда мисс Эйфрикян снова включила диктофон. — Как вы понимаете, мистер Бэйнс, чье прибытие ожидается сегодня, является, скорее всего, приверженцем так называемой нордической идеологии, в известной степени противопоставляющей себя восточной культуре. Разумеется, я мог бы попытаться заинтересовать его сутью аутентичного искусства китайских каллиграфов либо же фарфористов периода Токугавы… но, полагаю, не наше дело обращать кого бы то ни было в свою веру.

— Ага, — вставил Рэймси, и его лицо представителя белой расы мучительно скривилось от умственных усилий.

— Поэтому нам не следует рисковать, полагаясь на его непредвзятость, из чего следует, что даром, ему вручаемым при встрече, должен быть предмет, созданный руками американских мастеров.

— Да, сэр, — кивнул, облизывая губы, Рэймси.

— Вы, сэр, этнический американец. И, хотя вы и дали себе труд придания вашей коже более темного оттенка… — Он внимательно взглянул на Рэймси.

— Это загар, сэр… — опешил тот. — Кварцевая лампа. Чтобы запастись на зиму витамином D. — Увы, выражение униженности на лице выдавало Рэймси с потрохами. — Уверяю вас, сэр, я сохраню чувство корней, этническую идентичность… — Он с трудом выговаривал слова и не знал, как закончить эту фразу. — Я не порвал еще все связи со своим естественным окружением!

— Продолжаем, — кивнул Тагоми секретарше, и та снова включила диктофон, выключенный на время объяснений Рэймси.

— Итак, — сообщил Тагоми. — Я получил от Оракула гексаграмму «Да-го», и, более того, на пятом месте в гексаграмме выпала неблагоприятная девятка. Ее появление толкуется следующим образом:

> *На иссохшем тополе вырастают цветы.*
>
> *Старая женщина получит этого служилого мужа.*
>
> *Хулы не будет, хвалы не будет,*

что с несомненностью сообщает нам то, что мистер Чилдэн не предложит нам в два часа ничего стоящего. — Тагоми сделал паузу. — Будем же честны в отношении самих себя. Я не могу

полагаться на собственный вкус, когда речь идет о произведениях американского искусства. И вот потому, — он запнулся, подбирая слово, — потому я и пригласил вас, мистер Рэймси, что вы являетесь *американским аборигеном.* Вместе с вами мы выберем лучший вариант.

Мистер Рэймси не ответил. И, несмотря на все его попытки не выдать себя, на его лице промелькнуло выражение злости, отчаяния и беспомощного протеста.

— Ну, а теперь, — снова заговорил Тагоми, — я продолжу. Я проконсультировался с Оракулом еще раз, но свой вопрос по вполне естественным соображениям обнародовать не стану. — «Иными словами, — означал его тон, — все вы и все прочие буратины к высоким материям, с коими имеет дело ваш шеф, допущены быть не можете». — Достаточно будет сказать лишь ответ. В высшей степени своеобразный. И я долго размышлял над его смыслом.

Рэймси и Эйфрикян стали само внимание.

— Вопрос касался мистера Бэйнса, — продолжил Тагоми.

Подчиненные кивнули.

— В результате непостижимого и мудрого действия дао ответом на заданный вопрос явилась

гексаграмма сорок шесть, «Шэн», «Подъем», в частности, с шестеркой на первом месте и девяткой на втором. Гексаграмма в общем благоприятная.

Вопрос, который он задал, был таков: «Успешными ли будут переговоры с мистером Бэйнсом?» И девятка на втором месте заверила его в том, что так оно и произойдет.

— Касательно девятки на втором месте, — продолжил Тагоми, — книга говорит:

> *Сильная черта на втором месте.*
>
> *Будь правдивым, и тогда это будет благоприятствовать приношению незначительной жертвы.*
>
> *Хулы не будет.*

Так что, судя по всему, мистер Бэйнс удовлетворится любым даром от Промышленных Миссий, преподнесенным ему мистером Тагоми. Однако, задавая вопрос, мистер Тагоми, оказывается, имел в виду гораздо более глубокую мысль, суть которой он понял лишь позже. Но, как это бывало обычно, Оракул сразу постиг тайную суть вопроса и, отвечая на простой вопрос, дал ответ и на скрытый.

— Как мы знаем, — продолжал Тагоми, — ми-

стер Бэйнс везет с собой материалы, имеющие отношение к новым технологиям литья под давлением, разработанным в Швеции. Если нам удастся подписать контракт с его фирмой, то, без сомнения, мы сможем заменить многие и всегда недостающие металлы на пластики…

Уже долгие годы тихоокеанцы пытались получить от Рейха технологии производства синтетических материалов. Но гигантские химические концерны Германии, к примеру «И. Г. Фарбен», пресекали все возможные попытки такого рода, создав мировую монополию на производство некоторых типов пластмасс, в особенности полиэстеров. И в результате уровень промышленности Рейха опережал уровень Тихоокеании лет на десять. Космические ракеты, стартующие с европейского космодрома в Фестуне, были сделаны в основном из высокопрочных пластиков, легких и в то же время настолько прочных, что выдерживали даже удары метеоритов. А у тихоокеанцев ничего подобного не было, и использовать им приходилось естественные материалы. Даже дерево. Ну, разумеется, и повсеместно распространенную металлокерамику. Тагоми поморщился, едва об этом подумал: на торговых ярмарках он видел последние разработки германцев… чего

стоит хотя бы новый, совершенно синтетический автомобиль D.S.S. — Der Schnelle Spuk, «Летящий Призрак»… то есть, вот именно, стоил-то он сущие пустяки — всего лишь шесть сотен тихоокеанских долларов…

А вот тот тайный смысл, который, как и суть вопроса, он не мог довести до сведения буратин, околачивающихся вокруг Промышленных Миссий… Он касался совершенно иного аспекта деятельности мистера Бэйнса — аспекта, о котором стало известно благодаря шифровке, посланной по кабелю из Токио. Ну, прежде всего, подобные шифрованные сообщения были редки и касались, разумеется, не производственных проблем. Кроме того, сам код представлял собой род метафоры, практически использовал поэтические аллюзии, справиться с которыми господам из Рейха было во сто крат сложнее, нежели с какой угодно обыкновенной шифровкой — такие они расшифровывали и читали мгновенно. И несомненно, в послании имелся в виду именно Рейх, а не какие-либо группировки, соперничающие на Островах Родины. Ключевая фраза сообщения: «Он пьет молоко с пенкой» — отсылала к «Пинафору», к весьма жутковатой песне, остальные слова которой вполне раскры-

вали смысл сообщения. «Вещи редко есть то, чем кажутся, — пенка часто похожа на сливки». И Оракул *«Ицзин»* лишь подтвердил это прочтение. В комментариях к гексаграмме говорилось так: «Здесь имеется в виду деятельность царя, поскольку она проявлена в его приближенном. Действует, собственно говоря, не приближенный, но для окружающих вся деятельность сосредоточена в нем».

Иными словами, мистер Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и истинная цель его визита в Сан-Франциско не слишком связана с литьем под давлением. То есть мистер Бэйнс — шпион.

Но чей? И зачем ему в Сан-Франциско? Тут весь жизненный опыт мистера Тагоми был совершенно бесполезен.

В час сорок пополудни того же дня Роберт Чилдэн с крайней неохотой запер двери «Американских шедевров». Подтащив тяжеленные сумки к краю тротуара, подозвал *рикшу* и указал тому отправляться к небоскребу «Ниппон таймс».

Сморщенный китаеза запыхтел с сумками Чилдэна, ставя их позади сиденья коляски, затем помог взобраться и сесть Чилдэну на покрытое ковриком сиденье, включил счетчик, взгромоз-

дился на свое место и закрутил педалями вдоль Монтгомери-стрит, шустро лавируя между машинами и автобусами.

Весь день, точнее, все утро было потрачено Чилдэном на то, чтобы раздобыть для Тагоми хоть что-нибудь приличное. Глядя на проплывающие мимо здания и перекрестки, он все еще морщился, вспоминая утреннюю нервотрепку. Но все же — триумф! Ему удалось отыскать нечто уникальное, так что мистеру Тагоми не останется ничего другого, как простить ему задержку, ну а его клиент, кем бы он ни был, просто ошалеет от счастья. «Еще ни один человек, — не без самодовольства подумал Чилдэн, — ни один клиент не уходил от меня с пустыми руками».

Совершенно непостижимым образом ему удалось отыскать экземпляр первого выпуска первой серии комикса *«В лучшем виде»*, издававшегося в тридцатые годы. Ценнейший образчик «Американы», одна из тех потешных книжек, до которых столь падки все собиратели. Ну разумеется, были у него и другие вещи… свои запасы он примется выкладывать постепенно, мягко подводя Тагоми к заветной книжке, лежавшей тщательнейшим образом упакованной в специальном ящичке на дне самой большой из сумок.

Радиоприемничек рикши извергал из себя популярные песенки, соревнуясь с радиоприемниками соседних машин, автобусов и рикш. Но Чилдэн всей этой какофонии не слышал, он привык к шуму. Точно так же, как не обращал внимания на неоновые вывески, облепившие все городские фасады. Подумаешь! У него и своя реклама сияла по ночам не хуже, чем у других. А что поделаешь? Как еще дашь о себе знать? Вот и приходится быть реалистом.

Шум радиоприемника, транспорта и городской толпы убаюкал Чилдэна. Нервы понемногу успокаивались. Приятно все же, когда тебя везут, когда тебя везет другой человек, а ты ощущаешь, как мучительные усилия напряженных мышц китаезы сообщают движению плавную мягкость. Лучше, конечно, когда тебя везут, а не самому других обслуживать. Приятно хотя бы на время ощутить свое более высокое положение.

Впрочем, Чилдэн вскоре одернул себя. Не время благодушествовать, не все еще обдумано. Надлежащим ли образом он одет для посещения здания «Ниппон таймс»? Как ему подняться в офис Тагоми? Несомненно, сделать это следует на скоростном лифте, но там, возможно, ему станет дурно. Впрочем, он запасся немецкими

таблетками против морской болезни. Что до манер и этикета, тут, кажется, ему все известно. Главное — разобраться, с кем быть вежливым, а с кем вести себя резко. Следует быть совершенно бесцеремонным со швейцаром, с лифтером, с секретарем в приемной, с курьерами и прочей обслугой. С японцами, хочешь не хочешь, придется раскланиваться. А вот как быть с буратинами? Совершенно непонятно. Лучше, наверное, так: стремительно проходить мимо, чтобы никто не мог разобрать — поклонился ты или нет. А если встретятся заезжие иностранцы? В «Ниппон таймс» частенько наведываются немцы, да и нейтралы бывают.

А как быть с *рабами?*

В Сан-Франциско частенько заходят германские суда или корабли с американского юга. Собственно, в порту они стоят почти всегда, и черных выпускают на короткое время в город. Группами, не меньше трех человек в каждой. И оставаться в городе после наступления сумерек они не могут, правила комендантского часа для черномазых действуют даже в Тихоокеании. И еще есть черные, работающие в самом порту, эти там так и живут, в бараках над самой водой. Разумеется, никого из них в помещениях Промышленных

Миссий быть не может, но если речь идет о разгрузке и переноске тяжестей… Вот, например, должен ли он сам нести свои сумки и коробки в офис мистера Тагоми? Ни в коем случае. Необходимо отыскать раба, даже если придется опоздать на час, раздражая мистера Тагоми. Речи не могло идти о том, чтобы какой-нибудь оказавшийся поблизости раб увидел, что он самолично несет свои вещи. В этом вопросе следует быть крайне осторожным, поскольку никто из заставших его за подобным занятием не будет считать его не то что равным себе, но и занимающим хоть какое-то относительно приличное место в мире.

«Хотя, — подумал Чилдэн, — мне, пожалуй, это даже доставило бы удовольствие. Ввалиться в помещения „Ниппон таймс“ среди бела дня навьюченным как верблюд. Шикарный жест. Да и запретного в этом ничего нет, и в тюрьму за это не потянут. А я продемонстрирую свои настоящие чувства, не имеющие выхода в обычной жизни. Но…

Я бы поступил так, — вздохнул он, — кабы не черномазые. Те, кто надо мной, они и так унижают меня каждодневно. А вот уловить сочувствие тех, кто ниже меня… как этот рикша, например. Что бы он подумал, увидев, как я *сам* волоку свои

пожитки?»

Вообще-то следовало бы упрекнуть немцев… Вечно им хочется откусить больше, чем могут прожевать. Едва победив в войне, они ринулись обживать Солнечную систему, издав у себя дома законы, которые… Идея, впрочем, была куда как неплоха: с евреями, цыганами и всякими там книгочеями они разобрались довольно успешно. И славян отправили назад, в их родную Азию, да на две тысячи лет обратно. Пусть себе разъезжают на яках и охотятся с луком и стрелами.

Или взять их глянцевые пестрые журналы, которые печатают в Мюнхене и рассылают по всем библиотекам… каждый может увидеть на фотографиях голубоглазых светловолосых арийцев, которые на современной индустриальной основе пашут, сеют и убирают урожай в главной житнице мира — на Украине. Ребята эти, несомненно, счастливы. Их фермы сверкают чистотой, на фотографиях не увидишь больше вечно пьяных поляков, тупо глазеющих в объектив, стоя возле своих замшелых халуп, или накидывающихся толпой на случайно заехавшую на рынок телегу с кучкой гнилой репы. Все это в прошлом. И разбитые дороги в любой дождь становятся просто сточными канавами, в которых по оси увязают

телеги.

Или Африка. Вот уж где германцы дали волю своему энтузиазму и исполнили все так, что ими остается лишь восхищаться! Ну да, если подойти со стороны, то, наверное, им следовало бы не торопиться, подождать хотя бы, пока не будет завершен проект «Фармланд»… Зато сам «Фармланд», «Сельская страна»!

Блестящая демонстрация арийского гения во всем присущем ему артистизме: Средиземное море осушено, превращено в плодородные поля при помощи атомной энергии — какой размах! Как были посрамлены многочисленные скептики, которых немало было даже среди ехидных предпринимателей с Монтгомери-стрит… Да и африканский проект на деле завершился успехом. Просто когда речь идет о действиях подобного размаха, никогда не обходится без злопыхательства. Но всем известен достойный ответ Разенбурга подобным чистоплюям: *«Что до окончательного разрешения африканской проблемы, то мы почти достигли наших целей…»*

Америка от своих аборигенов избавлялась две сотни лет, а немцы в Африке справились с подобной же задачей всего-лишь за пятнадцать. Где же тут место критике? Чилдэну приходилось

спорить на эту тему за ланчем с соседями-торговцами. Те, верно, ожидали чуда. Верили, что наци в состоянии изменить мир одной лишь чистой магией. Нет, не в магии дело — в науке, в технологии и в вызывающем лишь глубочайшее уважение восхитительном таланте к тяжелому труду. Германцы не знали устали. А уж когда они берутся за дело всерьез, то и доводят дело до конца.

Как бы там ни было, их полеты на Марс отвлекли внимание мира от некоторых возникших африканских проблем, то есть вот мы и вернулись к тому, с чего начали. К тому, о чем Чилдэн не уставал втолковывать своим соседям-коллегам: вот что присуще наци и чего нет у нас — размах, величественность. Можно восхищаться их любовью к труду, изумляться эффективностью, но лишь сила мечты, убежденности приводит все это в движение. Разве полеты в космос, на Луну и далее не вечная мечта человечества? И они ее исполнили. А японцы?

«Я отлично их знаю, в конце концов, с ними приходится иметь дело каждый день. Давайте взглянем правде в глаза: они — азиаты. Желтая раса. И мы, белые, вынуждены пресмыкаться перед ними лишь потому, что в их руках оказалась

власть. Но мы видим Германию, мы видим, что может быть осуществлено, когда у власти белые, и это — совсем другое дело».

— Скоро приедем, сэр, — обернулся к нему китаеза. От подъема в гору он задыхался, ехал теперь медленней.

Чилдэн попытался представить себе этого самого клиента Тагоми. Видать, персона невероятно важна! А то стал бы Тагоми названивать к нему в контору, да еще говорить таким нервным голосом. И тут Чилдэн вспомнил одного такого важного господина. Клиента, покупателя. А на деле — человека, много сделавшего для того, чтобы создать Чилдэну репутацию среди высокопоставленных обитателей Побережья.

Четыре года назад Чилдэн вовсе не продавал древности, да и репутации у него не было никакой. Он торговал старыми книгами в небольшой лавчонке в Гири. По соседству торговали старой мебелью, скобяными изделиями, неподалеку была прачечная. Соседство не из лучших. Вечные ночные потасовки, частые грабежи — с этим тут никто ничего поделать не мог. Даже полиция Сан-Франциско, даже *Кемпентай* — японская полиция, управляющая местными полицейскими. С закатом солнца все лавки района укрывались

за железными шторами, и это единственное, что могло помочь избежать ночного вторжения. И вот в этот район и забрел однажды пожилой японец, отставной майор Ито Хумо. Он был высок, сед, с сохранившейся военной выправкой. Майор-то и намекнул Чилдэну, чем следует заниматься.

— Я коллекционер, — сообщил он, потратив чуть ли не половину дня, роясь в развалах старых журналов. И мягким голосом объяснил Чилдэну то, что будущий владелец «Американских шедевров» не смог уловить сразу. То, что для многих состоятельных и культурных японцев предметы американского прошлого минувших времен ничуть не менее интересны и привлекательны, чем ценности общепринятые: антиквариат, произведения искусства. Отчего так произошло, майор не знал, но и сам был подвержен этому чувству. Он собирал старые журналы, где встречались изображения американских медных форменных пуговиц. Что-то вроде коллекционирования монет или марок, рациональному объяснению не поддающееся. И за серьезные коллекции собиратели платили хорошие деньги.

— Вот к слову, — продолжил тогда японец. — Вы знаете, что такое открытки «Кошмары войны»? — И уставился на Чилдэна не без алчного огня во

взоре.

Чилдэн напряг память и вспомнил, что действительно были такие открытки. Во времена его детства они продавались вместе с воздушными шариками. Цент, что ли, штука. Там были целые серии, и на каждой открытке изображался какой-нибудь один кошмар.

— Один из моих близких приятелей, — сообщил майор, — собирает «Кошмары». Он ищет сейчас открытку, на которой тонет крейсер «Панай». Готов выложить за нее серьезные деньги.

— Перевертыши, — внезапно произнес Чилдэн.

— Что?

— Мы их подкидывали вверх и глядели, как они лягут. Там же две стороны… — В ту пору Чилдэну было восемь лет. — Ну вот, у каждого пачка открыток, мы стоим друг против друга и одновременно подбрасываем по открытке в воздух. И глядим, как они лягут. Если у одного падает картинкой вверх, а у другого изнанкой, то первый забирает себе обе. — Ему приятно было воскресить в памяти безоблачные дни детства.

— Мой приятель часто рассуждает об этих сериях, — задумчиво произнес майор, — но он, похоже, никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Ему и в голову не приходило, что карточки использовали таким образом.

Через пару дней в лавочку пожаловал и сам приятель майора, пожелавший услышать столь важную информацию из первых уст. Как и майор, он пришел в полный восторг.

— А крышечки от бутылок! — неожиданно воскликнул Чилдэн.

Японец заморгал, ничего не понимая.

— В детстве мы собирали еще и крышечки от бутылок. Такие круглые, из фольги, и на каждой был оттиснут штамп завода, где молоко разливали в бутылку. А таких заводиков в Штатах были тысячи. И у каждого — своя этикетка.

— И у вас сохранилась коллекция?! — Глаза японца засветились.

Да нет, конечно… Хотя… может быть, еще и теперь возможно раздобыть эти крышечки… оставшиеся памятью о днях, когда молоко еще разливали в стеклянные бутылки, а не продавали в картонных коробках, как сейчас.

И вот так, шаг за шагом, он входил в дело. И другие поступали так же, уловив растущее помешательство японцев на американской старине… впрочем, Чилдэну удавалось держаться в лидерах.

— С вас доллар, — нарушил его воспоминания китаеза, успевший уже сгрузить на тротуар багаж седока.

Чилдэн машинально уплатил и сошел на землю.

«Ну что же, — подумал он. — Вполне возможно, что клиент мистера Тагоми напоминает майора Хумо. Ну хотя бы с точки зрения моих собственных интересов».

Он имел дело со множеством японцев, но все равно до сих пор испытывал сложности в общении с ними. Они могли быть какими угодно: крепкими коротышками, могли смахивать по виду на аптекарей, а некоторые — особенно те, что помоложе, — вообще на японцев были не слишком похожи. Ну, а клиент мистера Тагоми окажется, возможно, дородным бизнесменом с филиппинской сигарой во рту.

И вот тут, когда Чилдэн стоял со своими скарбом перед зданием «Ниппон таймс», его прошиб холодный пот. А с чего он взял, что этот клиент окажется японцем? И с ужасом Чилдэн принялся вспоминать о том, какой хлам он загрузил в сумки…

Да нет же, он просто обязан быть японцем. Ведь с самого начала Тагоми заказывал ему вербовоч-

ный плакат Гражданской войны, а кому, кроме японца, может понадобиться подобное барахло?! Это же типичная японская страсть ко всему обыденному, это их въевшееся в кровь благоговение перед любыми документами, прокламациями, объявлениями. Один такой сдвинулся, например, на том, что все свое время посвящал поиску газетных реклам патентованных лекарств начала века.

Во всяком случае, сейчас у Чилдэна другие проблемы. Более насущные. В здание «Ниппон таймс» входили люди, выходили оттуда, все они были прекрасно одеты, их голоса достигли наконец ушей Чилдэна, и тот опомнился. Взглянул вверх, на это самое высокое здание Сан-Франциско. Стеклянная стена, сказочный замысел японских архитекторов, сияющая, уходящая в небеса стена, и подле нее маленький садик из камней и вечнозеленых кривоватых растений. И между ними словно бы русло неширокой, давно пересохшей речки.

Он заметил черномазого, только что оттащившего чей-то багаж, а теперь слоняющегося без дела. Подозвал.

Тот с улыбкой до ушей немедленно кинулся к нему.

— Двенадцатый этаж, — грубо приказал Чилдэн. Грубо, как только мог. — Контора «В». Пошевеливайся!

Указал черномазому на сумки и коробки, повернулся и пошел к дверям здания. Разумеется, не оборачиваясь.

Вскоре он очутился в одном из скоростных лифтов. Окружали его в основном японцы, их чистые лица просто-таки светились под яркими лампами. Лифт понесся вверх, защелкал указатель этажей. Чилдэн закрыл глаза и, с трудом удерживаясь на ослабевших ногах, молился о том, чтобы этот полет поскорее закончился. Черномазого, понятно, тут не было. Разумеется, он отправился в служебный лифт. Чилдэн открыл глаза и обнаружил, что, кроме него, белых в кабине почти что и нет.

Ну, а когда лифт затормозил на двенадцатом этаже, мистер Чилдэн уже полностью взял себя в руки и был совершенно готов к тому, чтобы с легким поклоном войти в кабинет мистера Тагоми.

ГЛАВА III

Джулиана Фринк глядела на закат и увидела, как небо пересекает ослепительно сияющая точка. Точка описала плавную дугу по небу и исчезла на Западе. «Одна из пассажирских ракет наци, — сообразила она. — Летит на Побережье. А внутри ее — куча важных шишек. А я сижу себе тут, внизу». И помахала вслед давно уже улетевшей ракете.

Со стороны Скалистых гор надвигались тени, их вершины уже погрузились в сумрак. Вдоль гор прошла стая перелетных птиц. Машины на шоссе включали фары и сигнальные огни, и по дороге ползла двойная бело-красная полоса. Врубили подсветку на бензоколонке. В домах зажигались окна…

Вот уже несколько месяцев она живет здесь, в Каньон-сити, штат Колорадо. Работает инструктором по дзюдо.

Ее смена закончилась, и Джулиана собиралась отправиться в душ, но все кабинки сейчас забиты завсегдатаями «Спортзала Рэя», так что оставалось дожидаться очереди и дышать свежестью горного воздуха. Было спокойно и тихо. До нее

доносилось лишь приглушенное гудение в придорожной закусочной, чуть в стороне от душевых кабинок. Возле закусочной стояли два громадных дизеля, один из которых только что подъехал, и пара водителей натягивала кожаные куртки, собираясь отправиться перекусить.

«Дизель вроде покончил с собой, выкинувшись в иллюминатор собственной каюты? — вспомнилось ей. — Самоубийство в океанских пучинах. Неплохо. Использовать, что ли, его опыт? Вот беда — океана тут нет. Ну да ничего, способ всегда отыщется. Как у Шекспира, булавка сквозь платье — и прости-прощай, Фринк. Ах, милый мой, твоей бывшей девушке не страшны даже бродяги, выбравшиеся из пустыни. И ей известны все нервные узлы, легкий удар по которым поможет избавиться от любого надоедалы. А вообще-то… смерть ничуть не хуже, чем всю жизнь болтаться на этой обочине, дышать выхлопными газами, ну, или всасывать их в себя через трубочку для коктейля».

Научилась она всему этому от японцев. И спокойному отношению к смерти, и дзюдо. Что дает ей возможность зарабатывать денежки. Все от них. Как убивать, как умирать… Инь и ян. Ну, впрочем, вот с этим, кажется, покончено. Тут у

нас края англосаксонско-протестантские.

Так приятно глядеть, как над тобой пролетает германская ракета, которой ровным счетом нет никакого дела до Каньон-сити, штат Колорадо. Да и до штатов Юта и Вайоминг. И до восточной части Невады. Нет дела ни до одного из этих пустынных, пригодных лишь для пастбищ штатов. Не интересны мы им. И, значит, можем жить, как нам вздумается. Если, конечно, нам это вообще охота.

Отворилась дверка одной из кабинок, и оттуда появилась дородная и крупногабаритная мисс Дэвис. Одетая, с сумочкой под мышкой.

— О, я заставила вас ждать, миссис Фринк? Извините, ради бога.

— Да нет, ничего, — покачала головой Джулиана.

— Знаете, миссис Фринк, я хочу сказать вам, что дзюдо дает мне очень много. Очень-очень. Больше даже, чем дзен.

— Сжимайте губы по-дзенски, — вздохнула Джулиана. — Не забывайте об этом ни на секунду, и вы легко похудеете, достигнув легкого просветления. Извините, мисс Дэвис. Что-то я сегодня заговариваюсь. В облаках витаю.

— А они сильно вас мучили? — осторожно осве-

домилась мисс Дэвис.

— Кто?

— Япошки. Пока вы не научились себя защищать?

— Это было кошмарно, — закатила глаза Джулиана. — Но вы же никогда не были на Побережье. Ну, там, куда пришли они.

— Я никогда не выезжала за пределы Колорадо. — Голос мисс Дэвис задрожал от робости.

— А ведь они могли прийти и сюда. Могли оккупировать и Колорадо.

— Но теперь-то уж поздно!

— А никогда не поймешь, что у них на уме, — усмехнулась Джулиана. — Они свои мысли отлично скрывают.

— Но… но что они… заставляли вас делать? — Прижав сумочку к груди, мисс Дэвис подошла вплотную, дабы не упустить ни слова в сгущающихся сумерках.

— Всё, — бесстрастно ответила Джулиана.

— О боже! Я бы сражалась! — выдохнула мисс Дэвис.

Джулиана извинилась и ринулась в кабинку, поскольку туда направлялся еще один соискатель с полотенцем, перекинутым через плечо.

Потом, после душа, она направилась в закусоч-

ную «Вкуснятинка от Чарли», села за столик и машинально уставилась в тысячу раз виденное меню. Музыкальный ящик в углу издавал нечто плаксиво-народное: банджо и чьи-то страстные завывания… воздух был сиз от дыма, но все равно местечко теплое и уютное, ей тут нравилось. Водители у стойки, официантка, громадный повар-ирландец возле кассы бренчит мелочью, выдавая сдачу.

Завидя Джулиану, Чарли лично направился принять заказ. Улыбнувшись на подходе, он, демонстрируя, что ли, свою симпатию, принялся, по обыкновению, изо всех сил тянуть гласные:

— Миииииис, чайкуууууу зашлиииии выпиииить?

— Кофе, — поморщилась Джулиана. Привычные подначки повара пока еще не осточертели, но уже наскучили.

— Вот кааак…

— И сэндвич с ветчиной.

— А как насчет супца из крысиных хвостиков или коровячьих мозгов во фритюре?

Водители, сидевшие возле стойки, глянули в ее сторону и наверняка по достоинству оценили спортивную фигуру девушки. Не поднимая глаз даже на шутника-повара, Джулиана прекрасно знала, что шоферье откровенно пялится на нее.

Ну что же, последние месяцы в зале пошли ей на пользу. Подняли мышечный тонус, да и вообще вся фигура пришла в норму.

«А все благодаря плечевому поясу, ребятки, — усмехнулась она, взглянув в их сторону. — У танцоров дела точно так же обстоят. И все эти размеры и пропорции мало что значат. Отправьте-ка своих женушек ко мне в зал, и я сделаю из них что-нибудь приличное. А у вас, глядишь, и жизнь новым смыслом наполнится».

— Эй, парни, — повар подмигнул водителям. — Вы от нее подальше держитесь. А то она вас так лягнет, что вы свои жестянки головами насквозь пробьете.

— А вы откуда? — спросила Джулиана водителей, обращаясь к тому, что сидел к ней ближе, к более молодому.

— Из Миссури, — ответили оба в один голос.

— Из Штатов? — искренне удивилась она.

— Я из Филадельфии, — сказал старший. — У меня там жена и трое ребятишек. Старшему одиннадцать.

— А это правда, — спросила Джулиана, — что там проще простого раздобыть работенку?

— Ну, — хмыкнул молодой. — Если у тебя правильный цвет кожи. — Сам он был смугловат,

лицо вытянутое, обрамленное черными курчавыми волосами. Глаза его сделались жесткими.

— Он — «макаронник», — пояснил старший водила.

«А, итальяшка, их там так называют», — подумала Джулиана, а вслух спросила:

— Ну так и что же? Разве Италия не выиграла эту войну?

И улыбнулась молодому, вот только тот в ответ ей не улыбнулся, наоборот — сверкнул глазами, отвернулся и словно бы ощетинился.

«Ну извини, — подумала она, — кого я могу избавить от цвета кожи?» Задумалась о Фрэнке. Жив ли он еще? Мог нарваться на что-нибудь, ляпнуть сгоряча… Хотя вряд ли. Ему же японцы нравятся. Может, потому что они некрасивы, как он сам. Всю жизнь она изводила его тем, что он уродец. Ну а то? Крупные поры на лице, громадный нос. А у нее самой была очень хорошая кожа, белая, чистая и гладкая. Чересчур даже замечательная. «Не умер ли он без меня? Он же птичка такая, птичка-невеличка. Зяблик. А с птицами, говорят, такое от одиночества бывает».

— Вы сегодня отправляетесь? — спросила она у итальянца.

— Нет, наутро.

— Послушай, если тебе так паршиво в Штатах, — взглянула она на него внимательнее, — то почему бы тебе не перебраться сюда насовсем? Я в Колорадо уже довольно давно, и в общем тут не так уж и плохо. Раньше я болталась на Побережье, в Сан-Франциско. Ну, там те же заморочки насчет цвета кожи.

— Леди, — усмехнулся итальянец, дернув плечами. — Даже ночь в такой дыре, как ваш город, провести тоскливо. А жить тут? О господи, если бы я только мог раздобыть себе нормальную работу, чтобы не елозить по шоссе и не жрать всякую пакость в подобных забегаловках! — Заметив, что повар побагровел, он не стал продолжать и принялся отхлебывать кофе.

— Сноб ты, Джо, — покачал головой его напарник.

— Так живи в Денвере, — хмыкнула Джулиана. — Там уже совсем по-людски.

«Знаю я вас, восточных американов, — подумала она. — Вам подавай только, чтобы пыль столбом стояла. Великие времена, великие планы. А мы тут среди скал от тоски воем. С довоенных лет ничегошеньки тут не происходило. Старики на покое, фермеры кругом, бедные, глупые, ленивые… все толковые ребятки давно уже

отсюда деру дали на восточный берег. Легально, нелегально. Им казалось — там деньги. Деньги, вложения, индустрия, экспансия. Ну да, все немцы… они свои штаты быстренько из руин отстроили».

— Знаешь, приятель, — свирепо прохрипел повар. — Я отношусь к тем, кто евреев любит, понял? И беженцев видал. Они драпали из твоих Рассоединенных Штатов так, что подметки сверкали. В сорок девятом. И если у вас там бум и деньги туда-сюда ходят, так только потому, что эти денежки украли у тех же евреев, когда их из Нью-Йорка выставили по Нюрнбергскому закону. В детстве я в Бостоне жил, до евреев мне особого дела нет, но мне и в голову прийти не могло, что своими глазами увижу, как в Нью-Йорке дойчевские расовые правила введены. Просрали мы войну, не просрали. И вообще, ребятки, что же это вы на дороге околачиваетесь, вам же прямой путь в армию. И вперед, гробить какую-нибудь махонькую страну в Южной Америке, японцев оттуда выкорчевывать, чтобы немчуре больше места досталось…

Оба водителя вскочили на ноги, лица их побагровели. Старший схватил со стойки за горлышко бутылку кетчупа. Повар, не оборачиваясь, от-

ступил на шаг и нашарил рукой одну из своих гигантских вилок для мяса.

— В Денвере сейчас как раз строят огнестойкую посадочную полосу, — вздохнув, произнесла Джулиана. — Чтобы эти люфтганзовские ракеты могли приземляться.

Никто из троих мужчин не пошевелился. Остальные посетители закусочной сидели словно воды в рот набрав.

— Да, одна такая штуковина недавно над нами пролетала, — вымолвил наконец повар.

— Она не в Денвер шла, — покачала головой Джулиана. — Куда-то на запад. В сторону Побережья.

— Вечно я забываю, — пробурчал старший, — что они тут все слегка пожелтели…

— Так ведь япошки евреев не убивали, — еще раз огрызнулся повар. — И камер газовых не строили.

— Ну и зря, — буркнул, совсем уже успокаиваясь, старший водитель и вернулся к своему кофе.

— А ты где ночью собираешься пристроиться? — спросила Джулиана у молодого.

— Понятия не имею, — пожал плечами тот. — Я ведь только что из колымаги вылез и сразу сюда. Нет, что-то мне ваш Колорадо не по душе. В ма-

шину, наверное, спать пойду.

— Тут есть мотель «Пчелиный мед», — сказал повар. — Там не так уж и плохо.

— Ну вот и ладно, — зевнул итальянец. — Туда и отправлюсь. Если, конечно, их устроит итальяшка. — В его речи явно чувствовался акцент, хотя он и старался его скрыть.

«Идеализм все это, — подумала Джулиана, внимательно глядя на него. — Идеализм делает его озлобленным. Слишком уж от жизни многого ждет. Без передышки, без отдыха все куда-то рвется, вот нервы и измотались. Со мной ведь то же самое: ну не могу я на Западном Побережье, да и тут, похоже, не могу. Удеру куда-нибудь. Первопроходцы, наверное, такими же были. Хотя, — усмехнулась она, — неизведанные земли нынче на других планетах.

Вот с этим парнем мы запросто могли бы записаться на какой-нибудь германский корабль, стали бы колонистами. Только его из-за цвета кожи не возьмут, а у меня волосы слишком уж темные. Им белобрысых ведьмочек подавай, тех, что в замках Баварии готовят. А этот парень… Джон он, что ли? Он даже верного выражения лицу придать не может. Ему бы такой холодный, но горящий взор, чтобы за сто метров было видно,

что ни во что он не верит, хотя и обладает какой-то сверхверой. Сильной, абсолютной. Те, что летают, они именно такие. Не идеалисты, как этот Джон или я, циники с абсолютной верой. У них это вроде дефекта мозгов, как после лоботомии — той процедурки, которую немцы устраивают шизикам, чтобы с ними не нянчиться.

А вообще-то, — решила она наконец, — все их проблемы связаны с сексом. Как они в свои глупости в тридцатые вляпались, так все и пошло-поехало. С кем там Гитлер в первый раз? С тетей? С сестрой? Нет, с племянницей, кажется. И в семье у него это был не первый случай, у него отец и мать были кузеном и кузиной. Что-то их всех на инцест тянуло, этакий первородный грех по части собственных мамочек. У тех эсэсовских бестий, наверное, потому такие невинные и ангельские лица, что для мамочки себя хранят. Или друг для друга.

А кто у них нынче Мамочка? Вождь, герр Борман, который, говорят, помирать собрался? Или Невменяемый? Старикан Адольф, который вроде доживает в санатории. Сенильный маразм. А все из-за сифилиса мозга, еще со времен его праздношатания в Вене по юности… нищета, длинное черное пальто, грязное исподнее, ночлежки.

Это сам Господь, наверное, издевается. Язвительная такая месть, словно из старого немого кино. Этот чудовищный старикашка захлебнулся в собственном дерьме. Что ж, воздаяние так воздаяние.

Но весь ужас-то в другом… большая часть Рейха есть не что иное, как продукт этого мозга. Сначала — политические партии, потом — вся нация и наконец — весь мир. Ну, пока половина. И ведь наци сами себе диагноз поставили, докторишко этот, который Немощного пользует, шарлатан-гомеопат, доктор Морелли… Пичкает Гитлера патентованными пилюлями герра Кёстера, он же всю жизнь венерологом был… Странно, все об этом знали, всегда знали и все равно — любое словечко Вождя воспринимали как откровение, будто Священное Писание. Это же эпидемия, весь мир уже болен, а белокурые нацистские стервочки с остекленевшим взглядом летят на другие планеты, чтобы заразить все и там…

Вот вам за инцест: сумасшествие, слепота, смерть».

Бррр! — ее передернуло.

— Чарли, — окликнула она повара. — Так где же мой заказ?

Почувствовав себя совершенно одинокой, она

встала из-за столика и перешла к стойке, сев поблизости от молодого шофера.

Ее перемещения никто не заметил, кроме итальянца, и его темные глаза уперлись в нее. Как же его зовут? Джо… «Ну, что, Джо, как делишки?» — молча усмехнулась Джулиана.

Когда он сидел так, недалеко, становилось понятным, что не слишком-то он и молод. И вообще он был какой-то взвинченный, и эта взвинченность распространялась от него во все стороны как флюид и мешала получше его рассмотреть. Постоянно ерошил прическу пятерней и тут же приводил волосы в порядок, приглаживая ладонью. Грубый, с кривыми крепкими пальцами. «Что-то в нем есть опасное, — подумала Джулиана. — Будто дыхание смерти от него исходит». Ее это подавляло, но — странно — в то же время и привлекало. Старший водитель наклонился к уху итальянца и что-то прошептал. Оба повернулись к ней, но в их взглядах читался какой-то иной, не просто мужской интерес.

— Мисс, — окликнул ее старший. Оба мужчины держались словно бы настороженно. — Знаете, что это? — старший извлек из кармана плоскую белую коробочку, не слишком большую.

— Да, — кивнула Джулиана, разглядев пред-

мет. — Чулки. Нейлоновые. Из синтетических волокон, которые производит «И. Г. Фарбен». В Нью-Йорке. Жутко редкие и дорогие.

— Видите, — натянуто усмехнулся старший, — вы признаете превосходство немецкого образа мысли. Монополии, выходит, не такая уж плохая вещь.

Он подтолкнул коробочку компаньону, а тот в свою очередь толкнул ее еще дальше, в сторону Джулианы.

— У тебя машина есть? — спросил итальянец и отхлебнул кофе.

Из кухни наконец появился Чарли с заказом.

— Ты не могла бы отвезти меня? — Дикие, цепкие глаза открыто изучали ее. Джулиана начала нервничать, но это лишь еще больше удерживало ее на месте.

— Ну, в тот мотель или куда-нибудь еще, где я мог бы переночевать? А?

— Да, — кивнула она. — Есть у меня машина. Паршивый «студебекер».

Повар взглянул на нее, перевел взгляд на молодого водителя и шмякнул поднос с заказом на стойку, прямо перед Джулианой.

— *Ахтунг, майне дамен унд херрен,* — изрек динамик в конце прохода.

Мистер Бэйнс пошевелился в кресле и открыл глаза. Сквозь иллюминатор справа он разглядел внизу немного коричневого и зеленого и очень много синего — Тихий океан. Ракета, как он понял, начала свой неторопливый, пологий спуск.

На немецком, потом на японском и наконец на английском громкоговоритель сообщил, что ни курить, ни вставать с места теперь не положено. Полет, как было сказано, закончится через восемь минут.

Резко, с шумом включившиеся тормозные двигатели принялись так сильно мотать корабль из стороны в сторону, что часть пассажиров от испуга вжалась в кресла. Мистер Бэйнс покачал головой и улыбнулся. Сидевший через проход от него коротко стриженный молодой человек улыбнулся ему в ответ.

— *Зи фюрхтен дас,* — начал было он, но мистер Бэйнс сразу же пресек его попытки.

— Извините, я по-немецки не говорю.

Молодой человек взглянул на него с полным изумлением, так что Бэйнсу пришлось кое-как повторить эту же фразу и по-немецки.

— Не говорите по-немецки? — изумленно изрек молодой немец, перейдя на довольно-таки ломаный английский.

— Я швед, — пояснил Бэйнс.

— Но вы же садились в Темпельхоффе?

— Да, я был в Германии по делам бизнеса. У меня такая работа, что все время приходится разъезжать.

Судя по всему, молодой немец не мог себе представить, что кто-либо еще в мире — особенно из тех, кто занимается международным бизнесом и летает на кораблях «Люфтганзы», — не может или не хочет говорить по-немецки.

— Чем вы занимаетесь? — осведомился он у Бэйнса.

— Пластмассами. Полиэстерами. Резинами. Эрзац-материалами. Но все это только для промышленного использования. Понимаете? Не для широкого потребления.

— В Швеции существует индустрия пластмасс? Невероятно.

— Существует, и весьма неплохая. Если вы соблаговолите сказать мне свой адрес, то я вышлю вам наш рекламный проспект. И имя. — Мистер Бэйнс достал ручку и записную книжку.

— Не стоит. Пустая трата времени и сил. Я же не бизнесмен, а художник. Может, вам встречались мои работы на континенте. Меня зовут Алекс Лотце. — Он сделал паузу.

— Увы, я не слишком большой знаток современного искусства, — вздохнул Бэйнс. — Предпочитаю по старинке довоенных кубистов и абстракционистов. Мне нравится, когда картина сама является чем-то, а не просто представляет идеи.

— Но ведь в этом-то и состоит задача искусства! — вспыхнул Лотце. — В том, чтобы представлять духовность человека! Духовность — это то, что выше чувственности. Ваше абстрактное искусство относится к периоду упадка духовности, к периоду хаоса, возникшего в результате распада старого общества и козней старой плутократии. Это искусство поддерживали еврейские и космополитические сообщества миллионеров. Но прежних времен уже нет, искусство преодолело кризис, оно не могло топтаться на месте…

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— А вы уже были на Тихоокеанском побережье? — сменил тему Лотце.

— Несколько раз.

— Я — нет. У меня в Сан-Франциско выставка, ее устроило ведомство доктора Геббельса при поддержке тамошних японцев. В рамках культурного обмена с целью улучшения дружеских отношений и взаимопонимания. Следует

ослаблять возможные трения между Востоком и Западом, не правда ли? Мы должны больше знать друг о друге, и искусство помогает в этом.

Бэйнс кивнул. Внизу, чуть сзади, за сполохами дюзового шлейфа, виднелся Сан-Франциско. Линия побережья.

— А где можно нормально поесть в Сан-Франциско? — осведомился Лотце. — Номер у меня зарезервирован в «Палас-отеле», но, как я понимаю, хорошо поесть можно не только там, но и в каком-нибудь международном районе. Или в Чайнатауне?

— Да, — кивнул Бэйнс.

— А дорого все в Сан-Франциско? Мошна у меня не слишком тугая, — усмехнулся Лотце. — В министерстве сидят сплошные скупердяи.

— Учтите еще и курс обмена, он не во всех местах одинаков. Вы, я полагаю, везете с собой чеки Рейхсбанка. Лучше всего их обменять в отделении Банка Токио, на Сэмсон-стрит.

— *Данке зер,* — признательно кивнул Лотце. — А то бы я обменял их прямо в отеле.

Ракета уже почти касалась земли. Бэйнс видел аэропорт, посадочную полосу, ангары, стоянки, ведущее в город шоссе, домики… «Милый вид», — подумал он. Горы, океан, клочья облаков над

Золотыми Воротами.

— А что это за монстр там внизу? — удивился Лотце. — Одна половина, не закончили, что ли? Космопорт? Я думал, у японцев нет космических кораблей.

— Да нет, — улыбнулся Бэйнс. — Это стадион «Золотой Мак». Бейсбольный.

— Ну конечно, — расхохотался Лотце. — Они же любят бейсбол… а там нужны такие стадионы, открытые с одной стороны. Последнее слово архитектуры. Очень они этим гордятся. Евреи, поди, проектировали.

Бэйнс какое-то время приглядывался к соседу. Ей-богу, в мозгу молодого германца присутствовал какой-то сдвиг, что-то психическое. Интересно, он действительно имел в виду то, что сказал, или это так… машинальная реплика?

— Надеюсь, нам еще удастся повидаться в Сан-Франциско, — сказал Лотце, когда ракета приземлилась. — Так тяжело оказаться в чужом краю без соотечественника рядом.

— Ну какой я вам соотечественник, — пожал плечами Бэйнс.

— Как сказать. Вы нам довольно близки. И у вас те же идеалы и цели. — Лотце принялся ерзать в кресле, освобождаясь от ремней.

«Что же, у меня действительно есть с ним что-то общее? — задумался Бэйнс. — И я точно такой же психотик? Или все это сходство просто от мира, в котором мы живем, в котором к власти пришли безумцы? Сколько людей на свете это осознает? И уж не Лотце, разумеется. Может, если ты знаешь, что ты — безумец, то и перестаешь им быть? Становишься нормальным, просыпаешься? Но кто этим озабочен… отдельные люди… А все остальные, о чем они думают? Вот эти сотни тысяч обитателей Сан-Франциско? Ощущают, угадывают правду?»

Но что означает само это слово «безумие»? Как это точно назвать? Что именно я имею в виду? Чувствую, вижу, но как определить?

Нечто, что они осуществляют, нечто, составляющей чего являются сами. Их самоуглубленность, полное игнорирование остальных. Те разрушения, которые они производят. Нет, все это не то. Не знаю… Чувствую, понимаю интуитивно, но… Намеренная жестокость — да, конечно. Но даже не в этом дело. О Боже, помоги мне, никак не свести концы с концами. Они игнорируют реальность? Да, несомненно. Но дело в большем, в их планах. Захваты, овладения… планетами хотя бы. Что-то бешеное и безумное, как все их

захваты Африки, Азии, Европы.

Вот их взгляд на мир — совершенно космический. Для них нет ни человека, ни ребенка, существуют лишь абстракции: Народ, Страна, Земля, Кровь. Volk, Land, Erd, Blut. Для них нет добрых людей, есть лишь Добро как таковое. Die Gute — а не вот именно этот хороший человек. Для них реальна лишь абстракция, реальность им не видна. Они смотрят сквозь нее, вглядываясь в какую-то черную пустоту, желая найти там вечность и неизменяемость, и это слишком опасно для самой жизни. Ее в конце концов не останется вовсе, будет просто горящий водород и частицы пыли в мировой пустоте. И больше ничего. Цикл замкнется, космические жернова перемелют, раскрошат жизнь, превратят ее в гранит и метан. Это звездное колесо вращается вечно, все остальное — преходяще. И вот этому-то метану, этому граниту они и пытаются соответствовать в своем безумии, вот этим пылинкам, этой нелепой бесконечности… Они хотят соответствовать Природе…

И, кажется, понятно почему. Они хотят стать сообщниками Истории, а не ее жертвами. Они сравнивают себя с Божьей силой и решают, что они ею и являются. Богоподобны сами. Вот в

чем корень их безумия. Они побеждены чем-то древним, архетипическим: их психотичное, невротичное «я» настолько расширилось, что сами они уже не могут понять, где находятся их границы. Где — еще они, а где — начинается область божественного. Это не высокомерие даже, не гордыня. Это болезнь — распространив свое «я» в бесконечность, они его просто-напросто потеряли, забыли, кто управляем и кто управляет. Кто поклоняется и кому следует поклоняться. Не человек пожрал Бога, наоборот.

Потому что они не осознали одной простой вещи. Человек беспомощен. Слаб, мал и не может быть объектом внимания Вселенной. Ей меня не заметить, уж слишком она огромна. Мы для нее невидимы, и отлично. Чем плох этот путь? Кого боги видят, того уничтожают. Будь мал, и ты избежишь… их ревности.

Расстегивая ремень и приводя в порядок одежду, Бэйнс сказал:

— Знаете, мистер Лотце, обычно я не склонен распространяться об этом, но вам скажу. Я — еврей.

Лотце ошеломленно уставился на него.

— Да, вы не заметили, — продолжил Бэйнс. — Но это потому, что я выгляжу немного иначе. Я

изменил форму носа, химически осветлил кожу, избавился от крупных пор на лице. Даже форма черепа слегка изменена. То есть физически меня не распознать. И я вхож и регулярно бываю в высших кругах Рейха. Никто меня не раскрыл и никогда не раскроет. И… — Он сделал паузу и, подойдя близко, очень близко к Лотце, добавил ему на ухо, так чтобы лишь тот мог его услышать: — Таких как я — много. Слышите? Мы вовсе не умерли. Мы живем невидимками среди вас.

— Но… Служба безопасности… — наконец смог выдавить Лотце.

— Ну что же, — улыбнулся Бэйнс. — СД может изучить мое досье. Вот вы, скажем, можете на меня донести. Но у меня очень хорошие связи. Связи с арийцами или с евреями, занимающими очень высокие посты в Берлине. Ваше донесение кинут в корзинку, а вот потом уже я, скорей всего, напишу на вас. И с помощью все тех же связей добьюсь вашего ареста. — Он улыбнулся собеседнику и зашагал по проходу к дверям.

Пассажиры спустились на холодное, продуваемое ветром поле. Неподалеку от трапа Бэйнс вновь обнаружил рядом с собой Лотце.

— Да, вот еще, — добавил он. — Не нравится мне что-то ваша наружность, герр Лотце… Нет, не

нравится. Думаю, донесение о вас я отправлю в любом случае. — И пошел вперед, оставив Лотце приросшим к плитам аэродрома.

В конце поля, возле входа в здание аэропорта пассажиров поджидала толпа встречающих. Родственники, друзья, они вертели головами, выискивая в толпе своих, махали руками, что-то возбужденно кричали. Коренастый японец в прекрасном английском плаще и подчеркнуто оксфордском котелке стоял чуть сбоку, в сопровождении японца помоложе. На лацкане японца блестел значок Тихоокеанских Промышленных Миссий Имперского правительства. «Это он, — сообразил Бэйнс. — Мистер Тагоми собственной персоной. Какая честь…»

— Добрый вечер, мистер Бэйнс, — изрек, делая шаг вперед, японец. И почтительно склонил голову.

— Добрый вечер, мистер Тагоми, — ответил Бэйнс, протягивая руку.

Джентльмены подали руки, а затем и поклонились друг другу. Молодой японец-референт тоже поклонился, искренне улыбаясь при этом до ушей.

— Здесь немного прохладно, на этом поле, — сказал мистер Тагоми. — Ветрено. Если вы не

возражаете, мы сразу же отправимся в город на вертолете Миссий? Или вам надо уладить здесь какие-либо иные дела?

Он со вниманием взглянул на прибывшего.

— Да нет… — ответил Бэйнс. — Я предпочел бы сразу отправиться в отель. Вот багаж только…

— Об этом позаботится мистер Котомичи, — сообщил Тагоми. — Доставит прямо в ваш номер. Дело в том, что в этом аэропорту багажа дожидаться приходится чуть ли не час. Дольше, чем вы летели.

Мистер Котомичи улыбнулся.

— Ну что ж… — согласился Бэйнс.

— Сэр, — осторожно начал Тагоми, — у нас для вас есть маленький сюрприз.

— Что? — не сразу понял Бэйнс.

— Дабы с самого начала между нами сложились искренние и доброжелательные отношения, исполненные совершенного взаимопонимания. — Тагоми полез в карман плаща и извлек оттуда маленькую коробочку. — Выбрано среди множества иных шедевров американского искусства.

И протянул коробочку гостю.

— Благодарю вас, — пробормотал Бэйнс, открывая коробочку.

— Лучшие официальные эксперты подтвердили абсолютную подлинность данного предмета, — пояснил Тагоми. — И отметили, что данный предмет наиболее аутентично соответствует прежней, умирающей культуре США, являясь одновременно истинным раритетом, сохраняющим в высокохудожественной форме аромат и запах прежних, давно минувших, безоблачных дней.

Бэйнс открыл коробочку. Там на черной бархатной подушечке лежали небольшие наручные часы в форме головы Микки-Мауса.

Что это?! Шутка? Он искоса взглянул на Тагоми, но лицо того было совершенно серьезным и напряженным. Нет, не шутка.

— Благодарю вас, — растерянно произнес Бэйнс. — В самом деле совершенно невероятная вещь…

— Сейчас в мире существует не более десяти экземпляров подобных часов, — оживился Тагоми, у которого после ответа Бэйнса словно камень с души свалился. — И ни один из известных мне коллекционеров подобным шедевром не обладает.

Они вошли в помещение аэропорта и поднялись на крышу, где располагалась площадка для вертолетов.

— *Харусаме ни нурутсутцу яне но темари кана…* — неожиданно произнес идущий позади мистер Котомичи.

— Что это? — Бэйнс взглянул на мистера Тагоми.

— Стихотворение. Старое-старое, — ответил Тагоми. — Середина периода Токугавы.

— *Весенний дождь, в его струях мокнет на крыше детский тряпичный мячик,* — перевел Котомичи.

ГЛАВА IV

Когда Фринк увидел своего работодателя, ковыляющего в главный цех завода, ему пришло на ум, что не слишком-то Уиндем-Матсен похож на хозяина. На кого угодно похож — на бездомного бродягу из трущоб, на попрошайку, которого забрали в участок, отправили в ванную, побрили и постригли, переодели в чистую одежду, впрыснули витаминов, а потом всучили пять долларов и отправили куда подальше — начинать новую, праведную жизнь. Манеры его были какие-то сомнительные, болезненные, что ли? Заискивающие, нервные, вызывавшие скорее сочувствие. Он словно бы в каждом встречном видел врага, которого ему не одолеть, вот и остается лишь покорно вилять перед ним хвостом. «Вот-вот меня обидят», — словно бы сообщал его облик.

Тем не менее Уиндем-Матсен был господином весьма могучим. Обладал контрольными пакетами нескольких предприятий, торговых фирм. Владел недвижимостью. Да и сам этот завод принадлежал его корпорации.

Следуя за ним, Фринк толчком отворил массивную железную дверь, ведущую в главный

цех. Все это он видел каждый день: люди возле станков, сполохи огня, движение, пыль, грохот. Туда хозяин и шел. Фринк ускорил шаг.

— Мистер Уиндем-Матсен! — позвал он идущего впереди.

Тот остановился неподалеку от цехового мастера, Эда Маккарти. Оба глядели, как приближается Фринк.

— Извини, Фрэнк, — нервно облизнув губы, произнес Уиндем-Матсен, не дожидаясь, пока заговорит сам Фрэнк. — Я уже взял человека на твое место. Я был совершенно уверен, что после того, что ты вчера наговорил, здесь ты уже не появишься. — Его маленькие черные глазки блеснули, старикан явно хитрил — понял Фринк.

— Я пришел за своими инструментами, — ответил Фринк. — Только за ними. — Голос, к его удовлетворению, звучал твердо, даже резковато.

— Ну-ну, — пробормотал Уиндем-Матсен, который явно не мог сообразить, как поступить с фринковскими инструментами: отдать, не отдать? Наконец он обернулся к Эду Маккарти: — Думаю, это по твоей части, Эд. Разберись с Фринком, а мне пора. — Он взглянул на карманные часы. — А накладную, Эд, мы позже посмотрим, я уже опаздываю.

Он потрепал Маккарти по волосатой руке и, не оглядываясь, засеменил прочь.

Фринк и Маккарти стояли рядом.

— Ты ведь пришел, чтобы вернуться, — произнес после паузы Маккарти.

— Ну, — кивнул Фринк.

— Я был горд за тебя вчера. За то, что ты сказал.

— Сказал и сказал, — поморщился Фринк. — О боже, где я найду себе еще место? Ты ведь отлично это знаешь.

Чувствовал он себя препогано, а с Эдом общие проблемы и раньше обсуждать доводилось.

— Сомневаюсь, — ответил тот. — Ты же лучший станочник на всем Побережье. Своими глазами видел, как за пять минут ты из заготовки сделал деталь. Вместе с первоначальной полировкой. Сваривать вот только…

— А я никогда и не утверждал, что умею варить.

— Тебе никогда в голову не приходило открыть собственное дело?

— Какое еще дело? — опешил Фринк.

— Ювелирное.

— Ты что, спятил?

— Оригинальные вещи. Не ширпотреб. — Мак-

карти взял его под локоток и повел в угол цеха, подальше от шума.

— А ты подсчитай, — продолжил Эд. — Оборудовать гараж или небольшой подвал стоит примерно тысячи две — две с половиной. А я одно время делал эскизы для женских серег и кулонов. Ты же помнишь — такой постмодерн.

Он взял кусок наждачной бумаги и принялся водить по нему с изнанки карандашом — старательно, неторопливо.

Заглянув ему через плечо, Фринк увидел эскиз браслета — абстрактного, из сложных переплетающихся линий.

— А рынок? — взвился Фринк. Все, что ему доводилось видеть в художественных лавках, имело отношение к антиквариату, вещам из прошлого. — Кому нужны современные американцы? Такого со времен войны в помине нет.

— Так создай этот рынок, — скривился Маккарти.

— Что, самому торговать?

— Сдавать в магазины. Ну вот в этот хотя бы, на Монтгомери-стрит. Как бишь его? Ну та шикарная лавка, торгующая всяким старьем.

— «Американские шедевры», — подсказал ему Фринк, который на самом-то деле в этот магазин

и не заходил никогда. В такие шикарные лавки только японцы могут себе позволить зайти.

— Знаешь, что торгаши там сбывают? — спросил Маккарти. — На чем денежки гребут? На поганых серебряных пряжках из Нью-Мехико, тех, что индейцы стряпают. Туристское барахло. А называется «истинным народным искусством».

Какое-то время Фринк пристально глядел на Маккарти.

— Я знаю, что еще там продают, — произнес он наконец. — И ты знаешь.

— Да, — кивнул Маккарти.

А как им было этого не знать, когда сами были втянуты в это дело, и уже довольно давно.

Официально корпорация Уиндема-Матсена занималась производством железных лестниц, чугунных решеток, всяческих черных украшений для балконов и тому подобным. Все это было штамповкой по стандартным образцам, рассчитанной на массовый спрос. Сорокаквартирному дому требуется ровно сорок штук одинаковых деталей. То есть завод был чем-то вроде металлообрабатывающего производства. Но основной доход приносили несколько иные занятия.

Используя оригинальные материалы, хитрые инструменты и точные станки, завод Уиндема-

Матсена штамповал подделки. Свежие шедевры американской художественной культуры прошлых лет. Готовую продукцию аккуратно, дозированными порциями, отправляли на рынок, и подделки растворялись среди настоящего антиквариата и реликвий. И точно так же, как в случае с марками или старинными монетами, никто не смог бы сказать, какой процент от общего оборота вещей составляют подделки. Да, собственно, никто — особенно сами дельцы и коллекционеры — знать этого и не желал.

В день, когда Фринка выставили на улицу, на его верстаке лежал почти готовый кольт времен освоения Запада: Фринк собственноручно изготовил форму, сделал отливку и отшлифовал детали. Рынок исторического оружия был практически безразмерным. Корпорация могла сбыть все, что изготовит Фринк. Это и было его специальностью.

Он медленно подошел к своему верстаку, взял в руки еще не обработанный шомпол револьвера. Дня через три револьвер был бы полностью готов. «Неплохая работа», — подумал Фринк. Эксперты, разумеется, отличили бы подделку… но японские коллекционеры в подобных тонкостях не искушены, они просто не знают, какой именно

положено быть этой вещи. У них нет никаких данных, стандартов, по которым можно было бы установить истину.

А вообще, насколько было известно Фринку, им и в голову не могло прийти, что некоторые из так называемых «исторических шедевров» Западного Побережья поддельны. Возможно, когда-нибудь они этим и заинтересуются, и рынку художественных изделий придет конец. Даже рынку изделий настоящих: закон Грешема — подделки уменьшают и цену оригинала. Так что довольны были все, и никто ничего проверять не собирался. Изготавливающие древности заводы сбывали товар оптовикам, те — отправляли его по магазинам, продавцы его рекламировали и продавали. А коллекционеры спокойно выкладывали денежки и совершенно счастливые шли домой, где хвастались приобретением перед знакомыми, приятелями и дамами сердца.

Точно так же было после войны с бумажными деньгами. Пока никто не задавал вопросов, все было отлично. Никого не задевало. До поры до времени. А потом… Все это, конечно, рухнет. Но не скоро, потому что о подобных вещах не распространялся никто — тем более люди, подделки изготовлявшие. Они старались не забивать себе

головы подобными сложностями: их дело — работать, а там — хоть трава не расти.

— А ты давно пробовал делать что-то свое? — спросил Маккарти.

— Давно. Несколько лет, — пожал плечами Фринк. — Скопировать-то я могу что угодно, а вот…

— Знаешь, что мне кажется? — усмехнулся Маккарти. — Ты согласился с нацистами, вот что. С их идеей, что евреи не в состоянии творить. Что они могут только копировать или продавать. Что они народ-посредник.

— Может быть… — только и сумел ответить Фринк.

— Так попробуй же, черт возьми! Сделай что-нибудь свое! Хотя бы набросок, эскиз. Или сразу в металле. Поиграй. Как в детстве.

— Нет, — отмахнулся Фринк.

— Веры у тебя нет, — вздохнул Маккарти. — Ты совершенно потерял веру в себя, вот что. Хуже не бывает. Я же знаю, у тебя бы это дело пошло.

Маккарти отошел от верстака.

«Да уж, чего хорошего…» — подумал Фринк. Но это правда. Факт. И не обретешь ни веру, ни энтузиазм одним только желанием. Или решив, что их обрел.

Этот Маккарти — чертовски хороший мастер. Умеет завести человека, умеет сделать так, что тот будет из кожи вон лезть, чтобы сделать все в лучшем виде. На что только способен и даже больше. Прирожденный лидер. Почти было вдохновил, но вот отошел, и все пропало.

«Жаль, нет у меня с собой Оракула, — подумал Фринк. — Спросил бы совета у него, у пятитысячелетней мудрости». Но тут он вспомнил, что экземпляр *«Ицзина»* есть в комнате отдыха. Он вышел из цеха и по коридору отправился туда.

Усевшись на пластмассовый стул в холле, он написал на обороте конверта вопрос: «Принять ли мне предложение Маккарти и открыть свое дело?» И принялся подкидывать монетки.

Сильная черта, снова сильная черта и еще раз сильная черта. Нижняя триграмма — «Цзянь». «Хорошо», — подумал Фринк. «Цзянь» — творчество. Но далее — инь, еще раз инь. «О боже, — подумал он, — еще один инь, и я получу гексаграмму одиннадцать, „Тай“, „РассвеТ[1], и трудно представить себе более благоприятный исход…» Когда он в шестой раз кидал монетки, руки его дрожали. Или ян, сильная черта? Значит, гексаграмма двадцать шесть, «Да-чу», «Воспитание великим». Что же, тоже хорошо… Два варианта, и оба неплохие.

Наконец он выбросил жребий.

Инь. «Рассвет».

«Малое отходит, великое приходит. Счастье, развитие».

Ну что же, остается только принять то, что советует Маккарти. Открыть собственное дельце. Шестая черта, единственная во всей гексаграмме, была переходящей, но что означает инь на шестом месте? Он не мог вспомнить, может быть, оттого, что общий смысл гексаграммы оказался крайне благоприятным. Союз Неба и Земли… но к первой и последней линиям всегда стоит присмотреться повнимательнее, так что же означает слабая черта наверху?

Наверху слабая черта.

Городской вал падает обратно в ров.

Не применяй войско.

Из мелких городов будет изъявлена их собственная воля.

Стойкость — к сожалению.

На это же полный крах?! Комментарий гласил: «…поскольку пятая позиция выражает максимум развития, о котором идет речь в гексаграмме, то шестая позиция может выражать уже только

упадок, только снижение достигнутых результатов. Все, что было подчинено субъекту на предыдущих ступенях, начинает выходить из подчинения, приобретает самостоятельность, и начинается распад».

Несомненно, это были самые жуткие строки в книге, вмещающей в себя более трех тысяч строк. А вот в целом суждение гексаграммы было очень благоприятным.

Как это понять?

Откуда взялось это противоречие? Такого с ним никогда раньше не случалось: удача и гибель одновременно, что за странная судьба? Будто Оракул собрал в одну бочку тряпье, кости, мусор и сухие какашки, потряс бочку и вывалил ее содержимое на землю. «Будто две кнопки сразу нажал, — подумал о своей участи Фринк. — У меня теперь будто взгляд двоится».

Нет, так не бывает. Или одно, или другое. Удача и беда вместе не ходят.

Или…

Например, удачными могут оказаться попытки основать свое дело, суждение отчетливо на это намекает. А верхняя линия, проклятая верхняя линия… она, похоже, относится к чему-то более серьезному, к беде, которая постигнет не только

его. Трагический исход, который ожидает всех?

«Война! — подумал Фринк. — Третья мировая война. Смерть двух миллиардов обитателей Земли, конец цивилизации. Словно град, с неба сыпятся водородные бомбы».

Силы небесные! Что это значит?! Я замешан во всем этом деле? Или кто-то другой, о ком я не знаю, но почему тогда об этом сообщают мне? Или сегодня об этом сообщат всем сразу, кто обратится к Книге? Проклятые физические теории о синхронных событиях, о том, что всякая частичка вещества связана со всеми остальными и уже и чихнуть нельзя без того, чтобы не нарушить равновесие Вселенной?! Веселенькая шуточка, только смеяться нисколечко не охота. Открываешь книгу, а там тебе пять тысяч лет назад сообщают о таком, что лучше бы и не знать никогда. И при чем тут Фринк? Фринк тут ни при чем, заверяю вас.

Я зашел, чтобы забрать свое барахлишко, открыть лавочку, начать свой ерундовый бизнес, и мне нет никакого дела до этой Дерьмовой шестой линии. Буду жить как живется, работать, пока работается, а рухнут эти стены в ров, так для всех рухнут. Вот что сообщает мне Оракул. Судьба нас всех как захочет, так и настигнет, а ты занимайся

лучше пока своим делом. Вот и все.

Суждение гексаграммы относилось только к моей работе. А шестая линия — для всех.

«Я же очень мал, совсем незаметен, — думал Фринк. — Я умею только прочесть, что написано, взглянуть вверх, опустить голову и брести с миром по своим делам дальше, словно бы и не прочел на Небе ничего особенного. Господь не уполномочил меня бегать по улицам, чтобы криками и воплями возглашать остальным горькую правду».

В силах ли кто-нибудь изменить ход истории? Или все мы вместе, или кто-то один, великий? Или просто тот, кто в нужное время оказался в удачном месте? Случайно, просто потому, что так вышло… И вся наша жизнь держится на этом…

Закрыв книгу, Фринк покинул холл и отправился обратно в цех. Поймав взгляд Маккарти, он махнул ему рукой в сторону закутка, где они недавно разговаривали. Предложил продолжить.

— Знаешь, чем дольше я размышляю, тем больше мне нравится твоя идея, — сообщил он подошедшему мастеру.

— Вот и чудесно, — повеселел тот. — А теперь слушай. Надо добыть денег у Уиндема-Матсе-

на. — Он подмигнул Фринку. — И я знаю, как это можно сделать. Да, я ухожу вместе с тобой. Ты видел мои эскизы. Они ведь неплохи, правда? Знаю, что хороши.

— Ну… конечно… — Фринк от изумления открыл рот.

— Давай встретимся вечером, — предложил Маккарти. — У меня. Приходи часиков в семь, и мы поужинаем. Вместе с Джин, если тебя мои сорванцы не пугают.

— Хорошо, — согласился Фринк.

Маккарти похлопал его по плечу и отошел к своему станку.

«За последние десять минут я проделал немалый путь, — подумал Фринк, собирая свои инструменты. — Так подобные вещи и должны происходить. Благоприятная возможность и…

Всю жизнь я ждал чего-то подобного. И если Оракул говорит, что „нечто должно быть достигнуто“, то так оно и есть. Угадать время — вещь великая, но что такое „время“? Что такое „подходящий момент“? Все переходит, как меняется гексаграмма, в которой есть скользящие черты… Боже?! Но ведь верхняя линия этой проклятой гексаграммы у меня и была скользящей?! Значит, инь переходит в ян и гексаграмма одиннадцать

порождает гексаграмму двадцать шесть, „Воспитание великим“, а я об этом забыл…

Потому-то меня так ошарашила эта проклятая шестая строка… Я забыл о том, что время движется, вот и получил, осел этакий, этот ужас. Время движется, одиннадцатая переходит в двадцать шестую, и все в полном порядке!»

Но все же, несмотря на радость от своего открытия, Фринк не мог вытравить из памяти жуткие строки.

«Ничего, — подумал он. — К семи вечера от них и следа не останется».

Дело, затеянное Эдом, может выгореть. Идея у него просто замечательная. И отступать нельзя.

«Пока я никто, — размышлял Фринк. — Но если дело пойдет в гору, то, как знать, может быть, мне удастся вернуть Джулиану. Я знаю, что ей нужно, — ей нужен серьезный мужчина, с весом в обществе, а не какой — то чокнутый пройдоха. Раньше, да, мужчины были мужчинами. Но давно, еще до войны. Где они теперь?»

Ничего удивительного, что Джулиана мечется с места на место, от одного к другому. Просто сама не знает, что ей нужно, чего требует ее физиология. «Я знаю, — решил Фринк. — И я добьюсь этого. Вместе с Эдом. Чего бы это мне ни стоило

— ради нее».

Роберт Чилдэн вернулся в свой магазин после ланча. Обычно он ел напротив, в закусочной, и времени на это уходило у него примерно полчаса. Сегодня же он управился куда быстрее — минут за двадцать. Вчерашняя трата времени на визит к мистеру Тагоми до сих пор сказывалась на аппетите.

Вчера, возвращаясь обратно, он сказал себе: «Все, никаких частных визитов, никаких звонков. Делами надо заниматься только в магазине».

Два часа он показывал Тагоми образцы. С дорогой туда и обратно — все четыре. Куда уж там было открывать магазин. За весь день, выходит, он продал одну-единственную вещицу — Миккимаусовы часики, вещь, конечно, дорогую, но все же…

Чилдэн отпер «Американские шедевры», отправился в угол помещения повесить плащ на вешалку, а когда обернулся, то сразу же обнаружил посетителя. Белого. «Ничего себе сюрприз…» — изумился он.

— Добрый день, сэр, — сказал Чилдэн, едва поклонившись.

Буратино, видимо. Стройный, слегка смугловатый. Одет неплохо, по моде. Вот только держится

немного скованно да и вспотел — лоб блестит.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, расхаживая по магазину и глядя по сторонам. Потом подошел к прилавку, достал из кармана плаща небольшой лощеный футляр для визитных карточек и достал оттуда одну — многоцветную, не без изящества исполненную.

На карточке был герб Империи и военный значок. Военно-морские силы. Адмирал Харуша. Роберта Чилдэна это впечатлило.

— Адмиральский флагман, — пояснил посетитель, — в настоящее время находится на рейде Сан-Франциско. Авианосец «Сиокаку».

— Да… — только и вымолвил Чилдэн.

— Адмирал Харуша ранее не посещал Западное Побережье, — продолжил гость. — У него большие планы касательно нынешнего посещения, и, в частности, он желал бы посетить ваш знаменитый магазин. Об «Американских шедеврах» молва идет не только на Побережье, знают о них и на Островах Родины.

Чилдэн в полном восхищении поклонился.

— Увы, — развел руками посетитель, — из-за напряженности официальной части визита адмирал не смог посетить ваше исключительное заведение лично. Он прислал меня, его поверен-

ного в делах.

— Адмирал — коллекционер? — Ум Чилдэна заработал на полных оборотах.

— Не совсем так. Он — ценитель искусства, знаток хороших вещей. Но не собиратель. И вот причина моего визита: адмирал бы хотел сделать подарки офицерам команды, а именно — преподнести каждому из них произведение искусства, личное оружие времен американской Гражданской войны. — Гость сделал паузу и закончил: — Офицеров на корабле двенадцать.

Чилдэн охнул, сообразив, что общая стоимость — примерно десять тысяч долларов. Он задрожал от возбуждения.

— Отлично известно, — продолжил между тем гость, — что ваш магазин торгует подобными раритетами, словно сошедшими со страниц американской истории. Предметами, увы, слишком быстро исчезающими с ходом времени…

Собравшись, внимательно выслушав клиента и тщательно подбирая слова, Чилдэн осторожно начал:

— Да, это так. В «Американских шедеврах» можно найти то, чего нельзя отыскать ни в одном другом магазине на всем Побережье. Я буду счастлив услужить адмиралу Харуше. Следует ли мне

лично явиться на борт авианосца с образцами? Сегодня же?

— Нет, — покачал головой гость. — Я уполномочен осмотреть образцы на месте.

«Двенадцать…» — подсчитывал в уме Чилдэн. Двенадцати у него не было, было-то всего три, но если как следует постараться, то можно раздобыть и двенадцать… задействовать все каналы, заказать по воздушной почте с Восточного Побережья. Местные посредники…

— А вы, сэр, имеете соответствующий опыт? — осведомился он у поверенного адмирала.

— Более или менее, — ответил тот. — У меня есть небольшая коллекция личного оружия. Даже небольшой пистолетик, исполненный в форме костяшки домино. Года примерно 1840-го.

— Прелестная вещица, — улыбнулся Чилдэн и отправился к сейфу, в котором хранились револьверы.

Когда он вернулся, то обнаружил, что поверенный заполняет чек.

— Адмирал желает уплатить вперед, — сказал тот. — Задаток — пятнадцать тысяч долларов. Тихоокеанских.

Все поплыло перед глазами Чилдэна. Но все же ему удалось произнести достаточно твердым

голосом:

— Как пожелаете. Но это не обязательно, чистая формальность.

Поставив на прилавок чемоданчик из кожи и фетра, он сообщил:

— Вот «Кольт-44» образца девятнадцатого века. Исключительного качества и сохранности. — Открыл чемоданчик. — Тут также пули и порох. Находился на вооружении армии Соединенных Штатов. Ребята в голубой форме пользовались такими в битве за Ричмонд, например.

Поверенный принялся изучать кольт. Изучал долго и тщательно, наконец взглянул на хозяина магазина и прохладно произнес:

— Сэр, это имитация.

— Что? — переспросил Чилдэн, не поняв смысла слова.

— Этому экземпляру не более полугода. Вам всучили подделку, сэр. Кто бы мог подумать… Вот, взгляните. Дерево рукоятки. Состарено химическим способом. Кислотами. Какая досада.

Он положил револьвер на прилавок.

Чилдэн взял оружие в руки и уставился на него. Ни сообразить что-либо, ни сказать он не мог. Крутил револьвер в руках и наконец выдавил:

— Не может быть.

— Это имитация исторического оружия, — повторил клиент. — И ничего более. Боюсь, сэр, вас провели. Вам следует немедленно сообщить об этом в полицию Сан-Франциско. — Он поклонился. — Весьма прискорбно. Очевидно, в вашем магазине могут быть и другие подделки. Как же так, сэр, как это возможно, что вы — предприниматель, специалист, знаток — *не в состоянии отличить настоящую вещь от копии?*

Повисла пауза.

Протянув руку, посетитель забрал наполовину заполненный чек, сунул его в карман, убрал авторучку и поклонился:

— Крайне сожалею. Но, разумеется, в свете произошедшего я не могу иметь дело с «Американскими шедеврами». Войдите и в мое положение — адмирал будет крайне разочарован.

Чилдэн глаз от револьвера отвести не мог.

— Всего доброго, — поклонился посетитель. — Советую вам последовать моему совету. Наймите эксперта, чтобы тот предварительно осматривал ваши потенциальные приобретения. Ваша репутация, сэр… Надеюсь, вы понимаете…

— Сэр, вы не могли бы… — пробормотал Чилдэн.

— О, разумеется, сэр, — кивнул посетитель. —

Об этом случае я не расскажу никому. Адмиралу я сообщу, что, к сожалению, ваш магазин закрылся. В конце концов… — гость обернулся в дверях, — в конце концов, мы оба белые…

Поклонился и исчез.

Оставшись в одиночестве, Чилдэн продолжал сжимать кольт в руке.

«Быть такого не может», — подумал он.

Но, похоже, может. О Господь всемогущий, я же разорен. Из-под носа уплыла сделка на пятнадцать тысяч. А если все это выплывет наружу, что будет с репутацией? Если этот чертов поверенный окажется болтуном?

Застрелюсь. Я лишусь бизнеса. Не смогу его продолжить, это же как белый день ясно.

Но… он мог ошибиться…

Или лгал.

Его подослали «Исторические предметы Америки». Они хотят меня уничтожить. Или «Искусство Западного Побережья».

Конкуренты.

А оружие — настоящее.

Как это выяснить? Чилдэн напряг весь свой ум. Да очень просто, отправить на экспертизу. В Калифорнийский университет. Там есть Полицейское отделение. Однажды я к ним уже

обращался, кое-кого там знаю. Были подозрения, что один древний казенник оказался подделкой.

Он торопливо позвонил в агентство и затребовал к себе посыльного.

Упаковал оружие и написал записку в университетскую лабораторию с просьбой сделать экспертную оценку предмета, после чего тут же уведомить о результатах. Появился посыльный.

Чилдэн вручил ему груз, записку и адрес и сказал, чтобы тот отправлялся на вертолете. Посыльный исчез, и Чилдэн принялся расхаживать взад-вперед по магазину.

Наконец в три часа позвонили из университета.

— Мистер Чилдэн? — произнес голос в трубке. — Вы просили нас провести экспертизу на аутентичность кольта. «Кольт-44», армейской модели девятнадцатого века… — Пауза, во время которой Чилдэн только что не раздавил трубку пальцами. — Вот заключение лаборатории. В данном случае мы имеем дело с репродукцией, произведенной путем литья в пластмассовую форму с последующей доработкой. Рукоятка выполнена из орешника. Номера орудия поддельны. Корпус химически не закален. Оружие состарено искусственно, с применением современных

технологий.

— Мне предложили его купить. Один человек, — быстро пробормотал Чилдэн.

— Скажите ему, что его, видимо, провели, — откликнулся университет. — Но очень квалифицированно провели. Работа просто замечательная. Настоящий мастер руку приложил. Вот, скажем, металлические части с синеватым отливом… Настоящее оружие такой цвет приобретает со временем, а здесь этого добились иначе. Завернули в кожу и потом все вместе нагрели в цианидной атмосфере. Процедура довольно хлопотная и произведена, несомненно, в хорошо оборудованной мастерской. Мы обнаружили еще и некоторые компоненты шлифовочных и полировальных паст — весьма необычные. С полной уверенностью говорить нельзя, но, похоже, существует целая индустрия по производству подобных подделок. Слишком уж эта штука здорово сделана.

— Да нет же, — чуть не вскричал Чилдэн в трубку. — Слухи все это. Заверяю вас. — Голос у него вел себя как-то странно: то съезжал на дискант, то вдруг принимался хрипеть. — Я же этим бизнесом занимаюсь, мне ли не знать? А эту штуку я вам почему послал? Потому что она сразу показалась мне подозрительной. У меня же опыт,

не первый год в деле. Все это шутка какая-то. Дурачится кто-то.

Он замолчал, чтобы перевести дух.

— Благодарю вас, что подтвердили мои подозрения. Пришлите, пожалуйста, счет. — И положил трубку.

И немедленно бросился к своему гроссбуху. Откуда поступил к нему этот револьвер?

Вот от кого: от Ассоциации Рэя Келвина, улица Ван-Несс. Одного из крупнейших в Сан-Франциско посредников. Немедленно набрал его номер.

— Мистера Келвина, как можно быстрее. — Голос его уже заметно окреп.

В ответ послышалось нечто невнятное, наконец к трубке подошел сам Келвин.

— Это Боб Чилдэн говорит. Из «Американских шедевров». С Монтгомери-стрит. Рэй, вопрос деликатный. Надо с тобой встретиться. Или у тебя, или где угодно, только чтобы наедине. Дело серьезное! — Он только теперь обнаружил, что почти орет в трубку.

— Ну ладно, — согласился Келвин.

— Никому не говори. Совершенно конфиденциально.

— Часа в четыре?

— В четыре так в четыре, — согласился Чил-

дэн. — У тебя? Тогда до встречи.

Он яростно швырнул трубку на рычаги, так что телефон рухнул на пол. Нагнулся, поднял, поставил на место.

Оставалось еще полчаса, и это время придется мучиться в ожидании. Что делать? Идея! Он набрал номер Сан-Францисского отделения «Токио геральд», на Маркет-стрит.

— Простите, — произнес он в трубку, стараясь быть вежливым. — Мне сообщили, что на рейде Сан-Франциско находится авианосец «Сиокаку», так ли это и если да, то какое время он пробудет у нас? Был бы очень признателен вашей уважаемой газете за эту любезность с вашей стороны.

Мучительные секунды ожидания, и наконец девичий голосок в трубке:

— Как сообщила наша справочная служба, — девушка едва не хихикала в трубку, — авианосец «Сиокаку» в настоящий момент покоится на дне филиппинского моря, будучи потопленным американской подлодкой в 1945 году. У вас есть еще вопросы? — В газете, похоже, привыкли ко всяким розыгрышам.

Он положил трубку… Авианосец не существует вот уже семнадцать лет. Не существует на свете, судя по всему, и адмирала Харуши. Тот человек

оказался обманщиком… Но…

Он сказал правду. «Кольт-44» — подделка.

Ничего не понятно…

Что же, у визитера были свои конкретные цели? Может, он пытался подорвать рынок личного оружия периода Гражданской войны, чтобы этим рынком завладеть? Несомненно, он эксперт. Профессионал из профессионалов, раз сумел моментально распознать подделку.

Да, на это способен только профессионал. Тот, кто занимается этим делом всерьез. Коллекционеру не сообразить.

У Чилдэна отлегло от сердца: значит, мало кто еще сумеет распознать подделку. Может, вообще никто.

Так что же, оставить все как есть?

Поразмыслив, он решил, что не стоит. Сначала надо все расследовать. Ну, то есть прежде всего надо вернуть себе деньги — заставить Келвина их вернуть. И отправить остальные экземпляры на экспертизу в университет.

А если подделками окажутся и они?

Сложное дельце.

Вот что остается, идти к Келвину и не просто вернуть ему этот кольт, но припереть к стенке и потребовать объяснений, откуда это барахло

берется. Да он может и сам не знать. А может и знать. В любом случае придется ему заявить, что новые подделки у него покупать не будут.

«С потерей денег придется смириться ему, — рассуждал Чилдэн. — Не мне. А если он откажется, то придется обратиться к другим посредникам и подорвать его репутацию. Почему я должен один отвечать? Зачем мне подставлять мое дело? Пусть уж в яму валится тот, кто ее вырыл.

Но все это надо держать в тайне. Вести дела только между собой».

ГЛАВА V

Звонок Рэя Келвина сильно озадачил мистера Уиндема-Матсена, который, держа трубку в руке, никак не мог сообразить: в чем, собственно, дело? Произошло это оттого, что, во-первых, Келвин, по обыкновению, тараторил, во-вторых же — учитывая момент, в который Келвин позвонил: в половине двенадцатого ночи и как раз тогда, когда Уиндем-Матсен вознамерился предаться наслаждениям в компании одной молодой и симпатичной особы. Происходило все это в апартаментах У-М, располагавшихся в отеле «Муромачи».

— Да послушай же… — талдычил в трубку Келвин. — Мы возвращаем тебе всю последнюю партию. Я бы тебе и остальное твое барахло отослал, да там счета уже оплачены. А эту мы еще не оплатили, так что забирай ее обратно.

Понятное дело, мистер Уиндем-Матсен счел необходимым выяснить причины подобного поступка.

— Все это дрянные подделки, — заявил Келвин.

— Но ты же об этом прекрасно осведомлен… — У-М был в совершенном недоумении. — То есть,

Рэй, ты же отлично знаешь положение вещей…

Он огляделся — девушки в комнате не было, вышла куда-то, в туалет наверное.

— Да знаю я, что покупал подделки, — взвился Рэй. — Но я не о том. Об их качестве. О том, до какого паршивого качества вы докатились. Послушай, мне совершенно плевать, из какого вашего револьвера в какую Гражданскую войну палили, но я хочу быть хотя бы уверенным, что твои кольты совпадают с тем, что нарисовано в каталогах. Стандарты существуют, понимаешь? Кольт — это кольт, а не бабушкин чепчик. Ты такого Чилдэна знаешь?

— Вроде… — У-М что-то такое помнил, хотя сразу представить себе этого человека и не мог. Какой-то серьезный тип, судя по всему.

— Ну вот, он ко мне зашел. В мою контору. Сегодня. Я все еще оттуда говорю, никак с ним закончить не можем. Ну, значит, он пришел и бушует по твоему поводу. Взбешен совершенно, говорит, что к нему какой-то адмирал-япошка прислал своего человека… Чилдэн болтает о заказе на двадцать тысяч баксов, но это он, похоже, завирается. Но это неважно, слушай дальше, тут никаких сомнений. Пришел этот япошка или прислал кого-то, собрался купить оружие. Взял в

руки «Кольт-44» из твоих штучек и тут же разглядел, что это подделка. Сунул денежки обратно в карман и был таков. Каково?

У мистера Уиндема-Матсена комментариев не нашлось. И тут он внезапно сообразил, чьих это рук дело. Фринк и Маккарти. На прощанье они сказали, что кое-что предпримут. Вот оно. Но понять, что именно им удалось сделать, из слов Келвина он не мог.

Его охватил какой-то мистический ужас. Эти двое добрались до экземпляра, сделанного еще в феврале, — что они там подменили? Шло, видимо, к тому, что эти двое могут обратиться в газеты, в полицию или даже к представительству *буратин* в Сакраменто. Жуткое дело! Он не знал, чем успокоить Келвина, только бормотал в трубку несущественные утешения и каким-то образом все же закончил разговор.

Когда он положил трубку, то обнаружил, что Рита уже вернулась в гостиную из спальни и слушает разговор, беспрестанно расхаживая по комнате. На ней была уже только коротенькая черная комбинашка, и светлые волосы свободно спадали на обнаженные, чуть тронутые веснушками плечи.

— Сообщи в полицию, — посоветовала она.

«Вот еще, — подумал У-М. — Дешевле выйдет заткнуть пасть этим ребятишкам. Выдать им пару тысчонок. Или чуть больше. Возьмут — видимо, этого и добиваются. Мелкота мелко и плавает, для них эта сумма почти состояние. Вложат ее в свое дело да и прогорят за месячишко».

— Нет, — покачал он головой.

— Почему? Я поняла так, что все это похоже на вымогательство, а это преступление.

Ну как ей объяснить? Он привык платить людям; в конце концов, это была та же часть накладных расходов, что-то вроде платы за услуги, налог на прибыль. Если, разумеется, сумма достаточно скромна. Впрочем, в ее рассуждениях был определенный смысл… Он задумался.

«Я дам им эти две тысячи, — принялся составлять план действий Уиндем-Матсен. — И все равно пойду в полицию. С тем знакомым инспектором поговорю, из Гражданского отдела. Пусть-ка пороется в их досье, а ну как там заваляло кое-что любопытное? Если придут еще раз — будет чем их встретить.

Например, — начал припоминать он, — ходили слухи, что Фринк — жиденок. Изменил форму носа и фамилию. Дело совершенно простое, надо только сообщить германскому консулу. Тот

потребует у японцев его выдачи. Заберут этого педика да и живо утилизуют, как только перетащат через демаркационную линию. В штате Нью-Йорк печки еще сохранились».

— Как странно, — с изумлением взглянула на него девушка. — Вот уж никогда бы не подумала, что могут шантажировать и людей твоего положения.

— Послушай, — отмахнулся он, — весь этот антикварный бизнес вообще сплошная нелепица. А япошки — лопухи, да и только. Сейчас ты поймешь, в чем дело.

Он поднялся, отправился в кабинет и тут же вернулся с двумя зажигалками, которые и положил на кофейный столик.

— Вот, взгляни. Не отличишь, правда? А теперь слушай. Одна из них совершенно историческая. — Он усмехнулся. — Возьми, возьми в руки обе. Разберись-ка, одна из них сто́ит… ну, примерно сорок или пятьдесят тысяч долларов. Любой коллекционер их с радостью выложит.

Девушка взяла зажигалки и принялась тщательно изучать.

— Ну, что? Ощущаешь историчность?

— А что это такое — историчность? — капризничала девушка.

— Как что? Когда вещь заключает в себе историю. Так вот, одна из этих штуковин находилась в кармане Франклина Делано Рузвельта в тот миг, когда на него совершили покушение. А другая — просто зажигалка. В первой — куча истории, она сама — история. Найди-ка мне другую вещицу, в которой истории было бы больше. А во второй нет ничего. Чувствуешь, а? — Он все еще продолжал подначивать ее. — Не чувствуешь. Не можешь сказать, какая из них какая. Нет вокруг нее никакого мистического ореола, нету никакой такой ауры.

— Послушай. — Девушка взглянула на него широко раскрытыми глазами. — Что, в самом деле? Одна из них была у него в тот самый день?

— Клянусь. И я знаю, какая именно. Ты пойми, о чем я говорю. Все эти исторические реликвии — сущее шарлатанство, люди обманывают сами себя. Винтовка, из которой в тридцатых прикончили какого-нибудь знаменитого гангстера, точно такая же, как любая другая той же модели. И останется такой, *пока ты не узнала,* в какую историю она влипла. Но все это тут. — Он постучал по голове. — В мозгу, а не в винтовке. Когда-то я сам был коллекционером. Я марки собирал, постепенно в этот бизнес и вошел. Марки, ранние,

Британской Колонии.

Девушка отошла к окну и встала возле него, скрестив руки на груди. Внизу под ней расстилались огни Сан-Франциско.

— Мои мама и папа часто говорили, что если бы он тогда остался жив, то мы войну бы не проиграли, — медленно произнесла она.

— Ну и вот, — продолжал Уиндем-Матсен, не вслушиваясь в ее слова. — Предположим, что в прошлом году канадское правительство или кто угодно обнаруживает матрицы, пластины, с которых печатались старые марки. И чернила. И запасы…

— Нет, не верю, что одна из зажигалок в самом деле была у Рузвельта, — перебила его девушка.

Уиндем-Матсен расхохотался.

— Так ведь я тебе о чем?! Подобные истории приходится подтверждать документально, бумажками. Справками, свидетельствами об аутентичности. Так что все это — сущая ерунда. Бумажка главнее, а не сама вещь.

— Покажи мне, пожалуйста, свидетельство.

— Чего проще. — Он вскочил с места и снова направился в кабинет. Снял там со стенки обрамленный и застекленный сертификат Смитсоновского института и пошел обратно в гостиную.

Свидетельство и сама зажигалка обошлись ему недешево, но тех денег стоили — потому что давали ему возможность демонстрировать свою правоту в подобных случаях. Доказывать, наконец, что слово «подделка» в итоге не означает ничего, потому что ровно столько же означает слово «оригинал».

— «Кольт-44» — это просто такой револьвер, — сказал он с самого порога девушке. — Речь может идти о его конструкции, о калибре, а вовсе не о том, когда его изготовили. И связано это с…

Она протянула руку, он передал ей документ.

— Значит, настоящая вот эта, — сказала она чуть погодя, прочитав бумагу.

— Да, именно эта. — Уиндем-Матсен взял в руки зажигалку с длинной царапиной на боку.

— Ладно, — вздохнула она. — Я, пожалуй, пойду. Встретимся в следующий раз. — Она положила на столик свидетельство и вторую зажигалку, встала и пошла в спальню одеваться.

— Почему? — разволновался Уиндем-Матсен, отправившись следом. — Ты же знаешь, сегодня не будет никаких проблем, жена еще несколько недель пробудет в госпитале. Отслоение сетчатки — дело серьезное. Я же тебе объяснил.

— Да не в том дело.

— Но в чем?

— Вызови мне, пожалуйста, рикшу, — попросила Рита. — Я пока оденусь.

— Да отвезу я тебя… — раздраженно ответил Уиндем-Матсен.

Она вышла одетой и, пока он доставал из шкафа плащ, расхаживала по комнате. Казалось, она чем-то угнетена или даже впала в депрессию. «Прошлое делает людей печальными, — подумал он. — Ну и черт с ним, только зачем надо было все это затевать? Но она такая молоденькая, откуда было знать, что она помнит его имя?»

Возле книжной полки она задержалась.

— Ты это читал? — спросила, достав какую-то книгу.

Он невнимательно взглянул в ее сторону. Близоруко сощурился: роман, наверное. Обложка только слишком уж мрачная.

— Нет, — отвернулся. — Жена. Она все подряд читает.

— Прочел бы.

По-прежнему чувствуя себя не в своей тарелке, он подошел и взял из ее рук книгу. Взглянул на обложку: «*Саранча застилает небо*».

— Это та, что запрещена в Бостоне?

— В Бостоне и во всех Соединенных Штатах. И

в Европе, разумеется. — Она стояла в дверях.

— Слышал я об этом Готторне Абендсене… — пробормотал он, хотя слышал-то не слишком много. Все, что он об этой книжке знал… в самом деле, что именно? Популярна, очень популярна. Именно теперь. Какая-то очередная мания. Еще одно массовое помешательство. Сунул книгу на место.

— Нет у меня времени на всякие выдумки. Я на работе слишком занят, — пробурчал он. «Секретарши, — подумал, — секретарши всю эту белиберду читают. Ночью, в постели. В одиночестве. Книжки их возбуждают. Вместо того чтобы заняться нормальными вещами, которых они боятся. Хотя только того и хотят».

— Одна из всех этих любовных историй? — осведомился он, открывая дверь.

— Нет. — Рита покачала головой. — О войне.

Они направились по коридору к лифту.

— Там написано о том же, о чем рассказывали мои родители.

— Где, у этого Абендсена?

— Да. У него целая теория. О том, что было бы, если б Джон Зангара промахнулся. Он вытащил бы Америку из кризиса и вооружил бы ее так, что… — Она замолчала, в холле стояли люди, уже

дожидавшиеся лифта.

Позже, когда они ехали в «мерседесе» Уиндема-Матсена по ночному городу, Рита продолжила:

— Теория Абендсена состоит в том, что Рузвельт оказался бы очень сильным президентом. Таким же, каким был Линкольн. Собственно, это уже стало понятным за единственный год его президентства. Книга, конечно, придумана, вымысел. Ну, то есть она написана в форме романа. Рузвельт в Майами не погибает, с ним все в порядке, его переизбирают в 1936 году, так что в президентах он до 1940-го, до времени, когда Германия нападет на Англию, Францию и Польшу. И он все это видит. К этому времени ему уже удается сделать Америку сильной. Гарднер же, по правде, президентом был довольно никудышным. Во многом, что произошло, его вина. А тогда, в 1940-м, в президенты был бы избран не демократ Брикнер, а…

— Судя по твоему Абельсону… — оборвал ее Уиндем-Матсен, с неудовольствием взглянув на девушку. «Боже, прочла раз в жизни книжку и будет теперь разглагольствовать до утра».

— Его теория в том, — продолжила она, — что вместо изоляциониста вроде Брикнера в сороковом году к власти приходит президент Рексфорд

Тагвел. — Ее лицо, освещенное уличными фонарями, горело от возбуждения. Глаза расширились, разговаривая, она жестикулировала. — И тот оказался очень активным человеком, особенно в том, как он проводил антинацистскую политику Рузвельта. Продолжил ее. Так что Германия в сорок первом году перепугалась и на помощь Японии не пришла. «Ось» не состоялась, понимаешь? — Она повернулась к нему на сиденье и, вцепившись в его локоть, почти крикнула: — И Германия, и Япония войну проиграли!

Он расхохотался.

Рита пристально уставилась на него, пытаясь что-то понять по выражению его лица. Он не мог понять, что именно, — приходилось ведь глядеть и на дорогу.

— Ничего тут смешного нет, — вздохнула девушка. — Так и в самом деле могло произойти. Америка могла расколошматить япошек. И…

— Как? — прервал он ее.

— Там у него все описано. — На миг она замолчала, припоминая. — Там все в виде романа… Всякие обыкновенные истории… ну, чтобы развлечь простого читателя. Двое молодых людей, юноша из американской армии, девушка… президент Тагвел очень хорошо описан. Он понимает,

что собираются предпринять японцы… — она вскинула голову, — обо всем этом можно свободно говорить. Японцы против автора ничего не имеют и допустили, чтобы книга продавалась на Побережье. Ее многие читали. Она даже на Островах Родины популярна, ее обсуждают, спорят о ней.

— А что он написал о Перл-Харборе? — осведомился Уиндем-Матсен.

— Президент Тагвел оказался настолько дальновидным, что вывел флот в море. Американский флот остался цел.

— Вот как…

— Так что не было никакого Перл-Харбора. Они атаковали, да, но потопили только несколько лодчонок.

— Как эта штука называется? Саранча… что она там делает?

— *«Саранча застилает небо».* Это вроде откуда-то из Библии.

— И японцы разбиты, потому что не было Перл-Харбора! Послушай, они выиграли бы в любом случае! Даже если бы его и не было.

— Но по книге американский флот не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Да они могли захватить все, что хотели.

Их флот был просто великолепен. Я достаточно хорошо знаю японцев, так вот, это было их предназначением — захватить то, что они захватили. Они просто обязаны были взять под свой контроль Тихий океан. Америка сидела в депрессии начиная с Первой мировой. И в еще более сильном упадке были все страны союзников. В моральном и духовном.

— А немцы, — Рита словно бы не обращала внимания на его слова, — немцы не взяли Мальту. Так что Черчилль остался у власти и привел Англию к победе.

— Как? Где?

— В Северной Африке. Там он в конце концов одолел Роммеля.

Уиндем-Матсен захохотал.

— А как только британцы разбили Роммеля, они переместили свою армию в Турцию на соединение с остатками русских войск. И вместе остановили Восточный фронт немцев в России. У города на Волге. Я о таком никогда не слышала, но на карте он действительно есть, я смотрела.

— И как же он называется?

— Сталинград. И британцы там переломили ход войны. По книге Роммель так и не соединяется с немецкими армиями, которые возвращаются из

России, — армиями фон Паулюса. Так что они не в состоянии захватить Средний Восток, не могут добраться до нефти и не могут дойти до Индии, где они соединились бы с японцами. И…

— Нет на свете стратега, который мог бы победить Эрвина Роммеля, — почти благоговейно изрек Уиндем-Матсен. — И никакие события, вроде тех, что приснились этому парню о русском городке, торжественно названном Сталинградом, ничего бы не изменили и не остановили. Ну, разве что задержали бы ход событий. Слушай, я *встречался с Роммелем* в Нью-Йорке, когда был там по делам в 1948 году… — На самом деле У-М преувеличивал, он только мельком видел Военного Управляющего Соединенными Штатами. На приеме в Белом доме, да и то с отдаления. — Какой человек! Что за выправка, достоинство! Я знаю, о чем говорю.

— Какой ужас начался, когда Роммель был смещен, — переменила тему Рита, — когда вместо него был назначен этот выродок Ламмерс! Тогда все эти зверства и концлагеря начались.

— Да нет, они и при Роммеле уже были.

— Но не официально же! — Она помотала головой. — Может, эти бандиты из СС все и делали… но он не был похож на остальных. В нем оста-

валось еще что-то от старой Пруссии. Суровый, жесткий…

— Знаешь, — разгорячился Уиндем-Матсен, — я тебе скажу, кто по-настоящему поставил Америку на ноги. Кто возродил ее экономически. Альберт Шпеер. Не Роммель, не организация Тодта. Назначение Шпеера было лучшим ходом, который когда-либо делала нацистская партия. Во всяком случае, что касается Америки. Он же запустил все фабрики, все заводы и корпорации. Причем — на эффективнейшей основе. Если бы и теперь у нас тут было бы как при нем… а то в каждой отрасли не менее пяти конкурентов. Кому это надо? Сплошная трата сил впустую. Что может быть глупее экономического состязания? Вот монополии — это сила.

Нет, я бы не смогла жить в тех трудовых лагерях, какие построили на Востоке, — вздохнула Рита. — У меня там подружка жила. Ее почту прочитывали, так что она мне только потом все рассказала, когда вернулась. Им приходилось вставать в половине седьмого утра, да еще под звуки *духового оркестра*…

— Ничего, привыкла бы. У тебя была бы чистая постель, нормальная еда, время для отдыха. Медицинское обслуживание. Чего тебе еще? Мо-

лочных рек захотелось?

Большой немецкий автомобиль медленно скользил сквозь холодный ночной туман, опустившийся на Сан-Франциско.

Мистер Тагоми сидел на полу, поджав под себя ноги. В руке у него была пиала с черным китайским чаем, в которую он дул, одновременно улыбаясь мистеру Бэйнсу.

— У вас тут уютно, — промолвил тот. — И очень спокойно. У нас там совсем по-другому. — Он не стал уточнять, где именно.

— Бог говорит с людьми в знаке «Цзинь», «Восход», — изрек на это Тагоми.

— Прошу прощения?

— О, это из Оракула. Речь о склонности человеческого сознания к импульсивной реакции и немного поспешным выводам.

«Иначе говоря, слишком простецкое поведение, — подумал Бэйнс. — Вот о чем все это». И улыбнулся.

— Да, — вздохнул Тагоми. — Мы, наверное, выглядим немного абсурдно, когда проверяем наши действия по книге пятитысячелетней давности. Мы задаем ей вопросы, как если бы она была живым существом. Но эта книга действительно живая. Как Библия у христиан. Ведь на деле

оказываются живыми многие книги. И даже не в метафорическом смысле. Дух живет в них и их оживляет. Не так ли? — Он взглянул на Бэйнса, ожидая его реакции.

— Я не слишком хорошо разбираюсь в религии, — ответил тот после паузы, тщательно подбирая слова. — Это не моя область. И я предпочитаю иметь дело с областями, в которых разбираюсь хотя бы отчасти…

На деле он вполне понял, о чем ему говорит Тагоми. «Устал я, должно быть, — сказал он сам себе. — В этой жизни, тут, где я оказался, есть что-то… будто среди гномов. Жизнь уменьшилась, разговор нелепый, будто дурака валяем. И что еще за книга пятитысячелетней давности? А еще часы в виде головы Микки-Мауса, сам мистер Тагоми, пиала в его руке… что это за морда буйвола, прибитая к стенке и глядящая прямо в лицо?»

— Что это за морда? — неожиданно для самого себя произнес он, указав на буйвола.

— О! — оживился Тагоми. — Это создание, ни больше ни меньше, поддерживало саму жизнь аборигенов в незапамятные времена…

— Вот как…

— Продемонстрировать вам, как их убивали? — Мистер Тагоми поставил пиалу на пол и встал

на ноги. Одет он был по-домашнему, в шелковом халате, в шлепанцах и белом шарфе. — Вот я на своем быстром скакуне, — он слегка подогнул колени, — а вот на груди у меня мой верный «винчестер» из моей коллекции, «винчестер» 18.. года. — Он взглянул в сторону мистера Бэйнса и мигом переменил тон. — Вы, верно, утомлены дорогой.

— Боюсь, что да, — вздохнул гость. — На меня навалилось сразу так много нового. И еще заботы о деле.

«И другие заботы», — подумал он уже про себя. У него болела голова. Бэйнс задумался, возможно ли здесь, на Побережье, отыскать чудные анальгетики «И. Г.Фарбен», которые он привык употреблять в подобных случаях.

— Нам всем следует верить во что-то, — произнес Тагоми. — Все ответы на свои вопросы мы знать не можем. Нам нужна вера, чтобы с уверенностью глядеть в будущее.

Мистер Бэйнс кивнул.

— Моя жена принесет вам сейчас что-нибудь от головной боли, — сказал Тагоми, увидев, как гость приподнимает очки и трет лоб. — Верно, ее вызвала усталость глазных мышц. Извините. — Поклонившись, он вышел из комнаты.

«Все, что мне требуется, — подумал Бэйнс, — просто выспаться. Ночь отдыха. Или все дело в том, что я не могу контролировать положение? Не могу разобраться во всей этой путанице?»

Когда мистер Тагоми вернулся с какой-то пилюлей и стаканом воды, мистер Бэйнс сказал:

— Знаете, я бы в самом деле распрощался с вами до утра и отправился в отель. Но есть одна деталь, обсудить которую мы смогли бы завтра, если вы не против. Вам что-либо известно о третьей стороне, которая примет участие в наших переговорах?

Лицо мистера Тагоми лишь на миг дало волю изумлению, тут же снова став совершенно бесстрастным.

— Нет, касательно этого мне неизвестно ничего. Однако же это крайне любопытно.

— Речь идет об особе с Острова Родины.

— Вот как? — произнес Тагоми, на чьем лице в этот раз вообще не появилось ни тени удивления. Уж кто-кто, а он контролировал ситуацию полностью.

— Некий пожилой, удалившийся от дел джентльмен. Бизнесмен в прошлом, — пояснил Бэйнс. — Он направляется сюда морем. В дороге уже около двух недель. К сожалению, он не пере-

носит перелеты.

— Да, пожилым людям свойственны некоторые слабости, — кивнул Тагоми.

— Его род деятельности дает ему возможность быть хорошо информированным о состоянии рынка на Островах Родины. Он предоставит нам имеющуюся у него информацию. Вообще же он направляется в Сан-Франциско для отдыха. И, возможно, подлечиться в госпитале Калифорнийского университета, где обслуживание гораздо дешевле. Информация, которой он обладает, не является нам абсолютно необходимой, но, думаю, не повредит. По крайней мере, наполнит переговоры конкретной информацией.

— Да, — согласился Тагоми. — Подобная информация будет очень полезной. Сам я дома не был уже два года и, боюсь, состояние тамошнего рынка представляю не вполне отчетливо.

— Вы хотели дать мне таблетку.

Взглянув на ладонь, мистер Тагоми обнаружил, что там по-прежнему лежит пилюля, а в другой руке он держит стакан.

— Прошу прощения. Это замечательное средство, называется «заракаин». Производится в одной из провинций Китая. — Он протянул ладонь с таблеткой и стакан, добавив: — Главное,

это средство не вызывает привыкания.

— Пожилой господин, — продолжил мистер Бэйнс, вставая, чтобы принять таблетку, — может выйти на контакт с вами непосредственно через Промышленные Миссии. Я напишу вам его имя, чтобы не возникло нелепой ситуации. Сам я с ним лично не встречался, но, как мне говорили, он слегка глуховат и, прошу прощения, отчасти вздорен. Хотелось бы, чтобы он не настроился скептически. — Казалось, мистер Тагоми понимает, в чем дело. — Надо, верно, обезоружить его сразу… Знаете, больше всего на свете ему нравятся рододендроны. У вас найдется в штате кто-нибудь, кто сумеет занять его разговором об этих цветах, пока мы не подготовимся к встрече? Он будет просто счастлив, и наши дела пойдут лучшим образом. Сейчас я напишу его имя.

Он принял таблетку, запил водой, после чего достал ручку.

— Мистер Шиниро Ятабе, — прочел Тагоми, взяв листок бумаги. Прочел, сложил пополам, старательно и аккуратно положил в записную книжку.

— И еще…

Мистер Тагоми сел на пол, взялся за край пиалы, поднес к губам и приготовился слушать дальше.

— Очень деликатный момент. Этот старый джентльмен, ему уже почти восемьдесят… некоторые из его предприятий последних лет успехом не увенчались. Так что обстоятельства его… вы понимаете?

— У него не осталось сбережений и он живет только на пенсию? — предположил Тагоми.

— Именно. И эта пенсия прискорбно мала. Вы понимаете, ему приходится все время где-то перехватывать какие-то крохи.

— Что входит в противоречие с некоторыми пунктами из Пенсионного уложения, — кивнул Тагоми. — Уложений Островов Родины. Да, в иных случаях наша бюрократия слишком уж… я понял суть ситуации. Что же, пожилой господин получит вознаграждение за свои консультации, о чем в его Пенсионный отдел сообщено не будет. Иными словами, основная цель его визита должна остаться в тайне. Он приехал только на отдых и на лечение.

— Вы человек опытный, — заметил Бэйнс.

— Такие случаи уже бывали, — кивнул Тагоми. — В нашем обществе, к сожалению, проблема пожилых людей еще не решена с должным вниманием. Много проблем с обеспечением, да и с медицинским обслуживанием. Именно китайцы

учат нас бережному отношению к старости. А Германия, похоже, склоняет совсем к другому. Я понимаю дело так, что своих стариков они просто уничтожают.

— Германия, — пробормотал Бэйнс, снова потирая лоб. На него начала наваливаться сонливость. Таблетка, что ли, действовать начала?

— Будучи из Скандинавии, вы, несомненно, имеете много контактов с Арийской Европой? Например, в ракету вы садились в Темпельхоффе. Как вы считаете, насколько там распространены подобные мнения? Вы нейтрал, скажите, пожалуйста, ваше мнение на сей счет.

— Я не понял, о каких мнениях вы говорите? — потряс головой Бэйнс.

— Об отношении к старикам, к больным, к ущербным. К сумасшедшим, к калекам, к беспомощным. К людям, в той или иной степени бесполезным для общества. «Какая польза от новорожденного?» — задавался, помнится, вопросом один из англосаксонских ученых, философ. Знаете, я запомнил его вопрос и многократно о нем думал. Так вот — в самом деле, от них нет ни малейшей пользы. В самом деле.

Мистер Бэйнс произнес нечто, что можно было воспринять как несогласие.

— Разве же не очевидная правда, — продолжил Тагоми, — что человек не может быть орудием в руках другого человека? — Он наклонился в сторону Бэйнса. — Прошу вас, скажите, что думают на сей счет нейтральные страны? Скандинавы?

— Не могу точно сформулировать, — попытался ускользнуть Бэйнс.

— Во время всей войны, — продолжал Тагоми, — я занимал не слишком важный пост в одной из провинций Китая. В Шанхае, если точно. И там, в Хонгку, было еврейское поселение — тех евреев, которых на неопределенный срок интернировало Императорское правительство. Содержали их на средства «Джойнта». И вот нацистский представитель в Шанхае потребовал их всех перерезать. Я помню ответ моего начальника. Он сказал так: «Это противоречит заключенным соглашениям в гуманитарной сфере». И отверг запрос как варварство. Меня эта история весьма впечатлила.

— Да, — кивнул Бэйнс.

«Он что же, пытался подстроить какую-то ловушку?» — спросил он себя. И моментально насторожился.

— Евреи, — продолжал Тагоми, — всегда рассматривались нацистами в качестве азиатов и

представителей не белой расы. Сэр, подобный взгляд на вещи никогда не упускался из виду официальными лицами Японии, даже времен Военного Кабинета. И я никогда не обсуждал этот вопрос с жителями Рейха — с теми, с кем мне доводилось встречаться.

— Хорошо, — прервал его Бэйнс. — Я скандинав, а вовсе не немец. И за них мне рассуждать трудно. — Он встал и направился к двери. — Возобновим нашу дискуссию завтра. Прошу меня извинить. Сегодня думать я уже просто не в состоянии.

По правде, мысли его сделались совершенно ясными. «Надо выбираться отсюда, — понял он. — Этот человек и так уже загнал меня слишком далеко».

— Простите ослепление фанатика. — Тагоми поднялся, чтобы открыть дверь. — Философствования увели меня от простых человеческих необходимостей. Будьте любезны, сюда.

Он сказал кому-то несколько слов по-японски, открылись наружные двери. Появился молодой японец, который поклонился и уставился на мистера Бэйнса.

«Мой шофер», — подумал Бэйнс.

«Или же все это результат моих идиотских

донкихотских разглагольствований в салоне „Люфтганзы“? — внезапно пришло ему на ум. — С этим, как его? Лотце? Он связался с японцами. Каким образом?»

«Лучше бы я ему всего этого не наговорил, — подумал Бэйнс. — Но что поделаешь. Поздно каяться».

«Не подхожу я для всех этих дел, — вздохнул он, — совершенно не подхожу».

Но тут же передумал. Нет, ничего страшного. Швед бы ответил Лотце именно так. Все в полном порядке, не надо просто быть таким мнительным. Здесь совсем другие нравы. Не надо проецировать привычные отношения на эту среду. Здесь можно позволить себе говорить вполне открыто. И это нужно иметь в виду постоянно.

Хотя бы этому и противилось все существо. А оно — противится. Кровь в жилах, все кости, любая мышца. Нет, надо побороть это, открыть рот, произнести что угодно. Необходимо пересилить себя, чтобы дела пошли успешно.

— Возможно, ими руководят некие архетипы подавленного подсознания, — произнес Бэйнс с трудом. — В юнгианском смысле.

— Я читал Юнга, — кивнул обрадовавшийся Тагоми. — Кажется, я понимаю, что именно вы

имеете в виду.

Они обменялись рукопожатием.

— Я позвоню вам завтра утром, — сказал гость. — Спокойной ночи.

Он поклонился, Тагоми ответил ему тем же.

И тут юный улыбающийся японец обратился к Бэйнсу со словами, которых он не понял совершенно.

— Что-что? — переспросил он, подхватывая с вешалки плащ и выходя наружу.

— Он обратился к вам по-шведски, — пояснил Тагоми. — Он занимался в Токийском университете Тридцатилетней войной и совершенно очарован вашим великим героем Густавом Адольфом. — Мистер Тагоми дружелюбно улыбнулся. — Как же все-таки нелепы эти попытки изучить язык заочно. Не сомневаюсь, он учил язык с помощью грампластинок. Он же студент, а такие курсы дешевы и потому особенно популярны у студентов.

Молодой японец по-английски, похоже, не понимал, стоял рядом и продолжал улыбаться.

— Да уж… — пробормотал Бэйнс, — ну что же, желаю ему удачи.

«У меня собственных лингвистических проблем хватает», — сказал он себе.

О боже, этот японский студент измучает его, пока довезет до отеля… Своими попытками найти с ним общий шведский язык… По-шведски Бэйнс понимал с трудом, да и то если говорили, как говорят дикторы, а уж понять выговор японца, изучившего язык по грампластинкам…

«Не добиться ему от меня ничего, — грустно подумал Бэйнс. — Но он же будет пытаться, снова и снова. Его шанс. Когда он еще живого шведа увидит». Мистер Бэйнс внутренне содрогнулся — что за испытание суждено им обоим.

ГЛАВА VI

Наслаждаясь прохладой раннего солнечного утра, миссис Джулиана Фринк отправилась в поход по магазинам. Она не спеша двигалась по тротуару, уже нагруженная двумя картонными пакетами, то и дело останавливаясь возле витрин и исследуя их. Времени у нее было много.

Надо ей было что-то в аптеке или нет? Никак не могла вспомнить. А в зал ей сегодня во второй половине дня, так что все утро в ее распоряжении. Зашла все же в аптеку и, усевшись возле стойки, пристроила сумки на полу и принялась листать журналы.

Новый «Лайф», статья «*Телевидение в Европе: каким оно будет*». Заинтересовалась, развернула и обнаружила фотографию какой-то немецкой семейки, глядевшей в экран аппарата, стоящего в углу гостиной. «Уже сейчас, — сообщалось в статье, — Берлин передает телепередачи четыре часа в день. В ближайшем будущем следует ожидать появления телевизионных студий во всех важнейших городах Европы. А к 19.. году студию построят и в Нью-Йорке».

Еще фотография, на которой были электронщи-

ки Рейха, посетившие Нью-Йорк. Они помогали местным разобраться с их проблемами. Немцев даже на снимке легко было отличить. Выглядели по-другому: здоровые, энергичные, уверенные. Американцы… ну, те люди как люди. Ничем не примечательные.

Один из немецких техников на фотографии указывал на что-то рукой, а американцы следили за направлением его руки. «У них-то зрение получше будет, чем у наших, — подумала Джулиана. — Как это нам говорили? Они видят то, что никто, кроме них, не может увидеть. В витамине А, что ли, все дело?»

Вообще-то интересно, как это: сидеть дома, в гостиной, и видеть на экране маленькой серой трубки весь мир. Уж если эти наци могут себе позволить мотаться на Марс, то отчего бы им, в самом деле, не устроить телевидение? Все приятней глядеть на представления с Бобом Хоупом или Дюранте, чем по марсианским пескам шляться.

«Может, в этом-то и дело? — пришло ей на ум. — Нету у наци чувства юмора, так зачем им телевидение? Да и всех своих знаменитых комиков они поубивали. Ну, те как-то все евреями оказались. Да… — сообразила она, — они же в самом деле поубивали почти всех тех, кто развле-

кал людей». Интересно, как это еще Хоупу удается говорить то, что он говорит? Хотя, конечно, он в Канаде, а там немножко посвободнее… А говорит он дельные вещи. Как там было в его байке про Геринга? Скупил весь Рим и теперь по кусочку перетаскивает его к себе в горы и складывает заново. И собирается возродить христианство, чтобы его львам на завтрак было что…

— Мисс, вы берете этот журнал? — обратился к ней маленький сморщенный старичок, владелец аптеки.

Она виновато положила номер обратно на стойку.

Снова оказавшись на улице и медленно шествуя вдоль витрин, Джулиана раздумывала о том, станет ли Геринг фюрером, если вдруг умрет Борман. Геринг вообще-то от остальных отличался. Ну что Борман, тот стал первым только потому, что изо всех сил угодничал, когда Гитлер стал вконец развалюхой. Старины Геринга тогда в Берлине не было, отсиживался в своем горном дворце. Фюрером после Гитлера следовало стать ему, потому что это его авиация уничтожила британские радарные установки, а потом и покончила с их авиацией. Гитлер, тот бы иначе поступил — стер бы Лондон в порошок, как по-

ступил с Роттердамом.

А он, Геринг, может быть, им и станет. Самым главным. Все так говорят. И уж точно им не станет Гейдрих. Дубина полная. Тут же нас перережет.

«Вот кто был бы по душе мне, — подумала она, — так это Бальдур фон Ширах. Единственный из них, кто нормально выглядит. Но у него, похоже, ни малейшего шанса».

Завернув за угол, она подошла к дверям старого деревянного дома, в котором жила.

Открыв дверь в комнату, она обнаружила, что Джо Чинандела как лежал на ее постели, так там и валяется — совершенно в том же положении, в каком Джулиана его оставила, уходя. Лицом в подушку, на животе, свесив правую руку вниз. И продолжал спокойненько спать.

«Ничего себе, — подумала она. — Как это он еще тут? Грузовик-то уже должен был уехать. Проспал, что ли? Похоже на то».

Джулиана отправилась на кухню и поставила сумки с провизией на стол.

«Интересно, он *специально* проспал? — задумалась она. — Очень любопытно».

Странный он какой-то… так с нею всю ночь возился, будто… но все равно — это происходило так, будто бы он занимался сексом совершенно

машинально, словно бы при всем этом отсутствовал. Блуждал мыслями бог весть где.

Она принялась перекладывать продукты из пакетов в старенький холодильник, «Дженерал Электрик», еще довоенного выпуска. Покончив с этим делом, стала накрывать на стол.

«Может, он потому так старался, — подумала она, — что это дело стало просто его второй натурой: тело двигается само по себе, в самом деле машинально, как я машинально ставлю грязную посуду в мойку. Наверное, если у него даже три пятых мозга удалить, тело все равно сможет заниматься тем же самым. Как лягушачья лапа на уроках биологии».

— Эй! — крикнула Джулиана в сторону комнаты. — Вставай уж, что ли!

Было слышно, как Джо пошевелился на кровати и вздохнул.

— Ты не слышал Боба Хоупа позапрошлым вечером? — спросила она, заходя в комнату. — Потешная история. Какой-то немецкий майор задержал парочку марсиан, а те никак не могут представить ему свидетельства об арийском происхождении. Ну, майор, понятное дело, шлет на Землю, прямиком в Берлин, сообщение, что Марс, значит, заселен только евреями. К тому же

ростом в один фут, и у каждого из них — по две головы. Ну, Хоуп это умеет.

Джо открыл глаза, ничего не сказал, только, не моргая, уставился на нее. На подбородке уже успела вырасти щетина, глаза были темными, глядели болезненно… Джулиана тоже приутихла.

— Да что с тобой? — спросила она наконец. — Боишься ты, что ли, чего-то?

«Да нет, — подумала она. — Это Фрэнк вечно всего боялся, а этот — вряд ли».

— Мошенник, поди, уже улизнул, — пробормотал Джо, садясь в кровати.

— Что ты теперь будешь делать? — Она присела на край кровати, вытирая руки кухонным полотенцем.

— На обратном пути перехвачу. Ничего, он никому не проболтается. Знает, что на его месте я поступлю точно так же.

— Ты и раньше такие штучки проделывал? — полюбопытствовала она.

Джо не ответил.

«Значит, — решила Джулиана, — знап, что грузовик уедет. Никаких сомнений».

— А если он поедет по другой дороге?

— Нет, он ездит только по пятидесятому шоссе. По сороковому — никогда. Там он однажды в

аварию попал: на дорогу выбрались какие-то лошади, он и врезался в них. В Скалистых горах. — Собрав одежду, висевшую на спинке стула, он принялся одеваться.

— Тебе сколько лет, Джо? — спросила она, разглядывая его нагое тело.

— Тридцать четыре.

«Тогда, — подумала она, — ты должен был участвовать в войне». Но никаких следов ран или увечий на теле видно не было. Вполне приличное тело, стройное, длинные ноги. Увидев, что она его изучает, Джо поморщился и отвернулся.

— Что же, я и взглянуть не могу? — возмутилась она. — Всю ночь была с ним, а теперь, нате, такая застенчивость?! Что же, мы друг на дружку на свету и взглянуть не можем? Обязательно в темные щели забиваться?

Что-то недовольно пробормотав, он в трусах и носках направился в ванную, на ходу потирая подбородок.

«Но, в конце-то концов, это же мой дом? — подумала Джулиана. — Я тебя пустила, позволила остаться, а на тебя и не взгляни? Зачем тогда оставался?»

Она пошла следом за ним в ванную, он как раз набирал в плошку горячей воды, чтобы по-

бриться.

На его руке голубела татуировка — буква «К».

— Что это у тебя? — спросила она. — Жена? Конни, Корина?

— Каир, — ответил он, умывая лицо.

«Надо же, имя какое красивое, — подумала она с завистью и почувствовала, что краснеет. — Вот уж в самом деле дура…» Итальянец, тридцати четырех лет, сражался на стороне нацистов, на стороне «Оси». С другой стороны… А татуировка, значит, знак того, что он брал Каир. Такая была у немцев и итальянцев — ветеранов той кампании: когда разбили британскую и австралийскую армии под общим руководством генерала Готта. А войсками «Оси» командовал Роммель.

Она вышла из ванной, вернулась в комнату и принялась приводить в порядок постель. Руки ее немножко дрожали.

На стуле лежали вещи Джо: кое-что из одежды и небольшой чемоданчик. Она не утерпела и заглянула внутрь. Ничего особенного, всякие личные мелочи, но там была одна такая коробочка, немного похожая на футляр для очков… Джулиана взяла коробочку в руки и открыла.

«Да, ты в самом деле сражался за Каир… — сказала она про себя, разглядывая Железный Крест

второй степени с выгравированной датой: 10 июня 1945 года. Таких штук всем не раздавали, их получали лишь особо отличившиеся. — Могу себе представить, как ты… всего лишь семнадцатилетний…»

Джо вышел из ванной как раз в тот момент, когда она клала орден обратно в бархатную коробочку. Почувствовала себя виноватой и отпрянула от вещей. Но он, похоже, не рассердился.

— Я только взглянула, — решила все же оправдаться Джулиана. — Никогда такого раньше не видела. Тебе его сам Роммель вручал?

— Генерал Байэрлэйн. Роммеля к тому времени уже перевели в Англию, чтобы с той покончить. — Голос Джо был спокоен, вот только руки снова машинально принялись теребить волосы, одновременно их приглаживая и взъерошивая, — это немного походило на нервный тик.

— Ты мне расскажешь обо всем этом? — спросила Джулиана, увидев, что он снова отправляется в ванную бриться.

Но после того как побрился и вволю наплескался под душем, Джо Чинандела рассказал ей не слишком многое. Да и вовсе не о том, о чем она хотела бы услышать. Ему было тринадцать

лет, он жил в Милане, был членом молодежной фашистской организации, а его двое старших братьев уже сражались в Эфиопии. Потом братья оказались в знаменитой артиллерийской бригаде Риккардо Парди, там их и застало начало Второй мировой. Джо к тому времени уже вырос и присоединился к ним. Воевали они под началом Грациани. Вооружение, особенно танки, было совершенно ужасным. Британцы подстреливали их, как кроликов, даже старших офицеров. Во время боя к люкам танков приходилось приваливать мешки с песком — чтобы люки не распахнулись в самый неподходящий момент. Майору Парди приходилось возиться со снарядами, которые дали осечку, менять капсюли и стрелять тем, что получилось в результате. И все равно его батарея остановила в сорок третьем году отчаянное наступление танков генерала Вавеля.

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Братья погибли в сорок четвертом, их удавили проволочными лассо британские десантники из специальной бригады «Дальний маршрут», осуществлявшей рейды по тылам противника. Британцы дрались с возрастающим фанатизмом, доходящим до озверения — особенно к концу войны.

— А как ты теперь относишься к англичанам? — осторожно осведомилась она.

— Я бы устроил им в Англии то, что они устраивали в Африке, — холодно ответил Джо.

— Но с тех пор прошло восемнадцать лет… — пробормотала Джулиана. — Я знаю, что они творили жуткие вещи, но…

— Они болтают о том, как наци обошлись с евреями, — перебил ее Джо. — А как они поступали сами в битве за Лондон? Со всеми своими огнеметами — нефтяными и фосфорными? Мне довелось встретить нескольких немцев, которым тогда удалось выжить… Лодки вспыхивали факелами. У англичан под водой были проложены трубы — и все море вспыхнуло, как лужа бензина. А их бомбардировки городов, массовые, уничтожающие все гражданское население, потому что в последний момент Черчилль решил, что так ему удастся повернуть ход войны? Эти жуткие налеты на Гамбург и Эссен, на…

— Давай не будем об этом, — оборвала его Джулиана.

Ушла на кухню и принялась поджаривать бекон, включив для разнообразия небольшой пластмассовый радиоприемничек — подарок Фрэнка на день рождения.

— Я приготовлю тебе что-нибудь на завтрак, — сказала она, крутя ручкой настройки «Эммерсона», стараясь поймать какую-нибудь приятную музыку.

— Вот взгляни-ка! — крикнул Джо из комнаты.

Она зашла туда и увидела, что он сидит на кровати, держа в руке книгу, которую он извлек из своего чемоданчика. Книга была потрепанной, явно побывавшей во множестве рук, не всегда чисто вымытых. Он усмехнулся.

— Иди сюда. Знаешь, о чем люди рассуждают? Вот этот тип, например? — Он ткнул пальцем в обложку. — Потешная история. Сядь-ка. — Он взял ее за руку и усадил на кровать рядом с собой. — Хочу тебе кое-что зачитать. Вот ты представь себе, что войну выиграли они. Можешь? Знаешь, что произошло бы? Да не старайся, не выдумывай, этот тип все уже продумал и записал. — Джо открыл книгу и стал медленно перелистывать страницы. Британская империя захватывает всю Европу. И Средиземноморье. Никакой Италии и в помине нет. И Германии, понятное дело, тоже. По всей Европе только «бобби» и те потешные мелкие ребята в своих меховых шапках. От Атлантики до самой Волги.

— А чем бы это было плохо? — тихо выговорила

Джулиана.

— Ты эту книжку читала?

— Нет, — призналась она, взглянув на название Об этой книге она слышала, ее многие читали. — Но Фрэнк и я… Фрэнк — это мой муж, бывший, — так вот, мы часто говорили о том, что было бы, если б в войне победили союзники.

Джо, казалось, ее не слушал, полностью погрузившись в «*Саранчу, застилающую небо».*

— Ну вот, нашел, — произнес он наконец. — Знаешь, по какой причине Британии удается разбить «Ось»?

Она покачала головой, ощущая, что в сидящем рядом человеке растет возбуждение. Его подбородок задрожал, язык снова и снова облизывал пересохшие губы. Он снова теребил волосы, голос сделался хриплым…

— Потому что Италия предала «Ось», — выдавил он наконец.

— О, — вздохнула Джулиана.

— Италия, видите ли, переметнулась к союзникам. Присоединилась к англосаксам и открыла, как это у него называется… «мягкое брюхо Европы». Ну что же, он по-другому думать и не может. Кому же не известно, что эти поганые и трусливые итальяшки драпают, едва завидят ан-

гличан. Им бы лишь вино хлестать да макароны трескать, какая у них может быть армия… Этот парень… — Джо закрыл книгу и положил обложкой вниз на кровать. — Этот Абендсен… я к нему не в претензии. Его дело — сочинять выдумки, представлять себе, как выглядел бы мир, если бы «Ось» проиграла. Ну, а как она еще может проиграть, если Италия ее не предаст? — Голос сделался скрипучим. — Дуче, это же всем известно, просто клоуном был. Клоуном, не больше. Потешал всю Италию. Ничем другим не отличался…

— Мне надо перевернуть бекон, — сказала Джулиана и выскользнула на кухню.

Прихватив книгу, Джо поплелся следом.

— А США сначала расколошматили япошек, а потом присоединились к англичанам. Победили и разделили мир. Точно так же, как поступили Япония и Германия.

— Германия, Япония и Италия, — поправила его Джулиана.

Он уставился на нее.

— Ты Италию пропустил, — сказала она очень спокойно. «Да и сама ты о ней совершенно забыла, — призналась она себе. — Какая там Италия? Маленькая империйка на Среднем Востоке… Опереточный Новый Рим».

Она поставила на стол перед Джо тарелку и выложила на нее яичницу с беконом. Положила поджаренный хлеб, повидло, кофе.

Джо с удовольствием накинулся на еду.

— А чем тебя в этой Северной Африке кормили? — спросила она, накладывая яичницу и себе.

— Дохлыми ослами, — ответил Джо.

— Тьфу! — передернулась Джулиана.

— «Азино Морте», — ухмыльнулся Джо. — Там на банках с тушенкой почему-то были буквы «А. М.». Немцы, те по-другому расшифровывали: «Альтер Менш» — «Старикашка».

И продолжил трапезу.

«Хотела бы я прочитать эту книгу, — подумала Джулиана, взяв ее со стола, из-под локтя Джо. — Сколько он у меня еще пробудет?» Книга было засалена, многие страницы надорваны. Куча отпечатков пальцев. Похоже, книгу читали все на свете шоферы на всех стоянках. В автоматах-забегаловках вечерами… «А ты, похоже, читатель не слишком скорый. — Она взглянула на Джо. — Возился с книжкой неделями, если не месяцами».

Открыв, она прочла наудачу:

«…теперь, достигнув тихой гавани, он в старческом спокойствии созерцал владения, коих жаждали достичь многие из его древних предше-

ственников, а достичь сумел лишь он. Один мир, одна Империя, одни деньги, один флаг: старина „Юнион Джек“ полоскался над всей планетой, и не было момента, когда бы его не освещало солнце. Да, это исполнилось наконец: флаг и солнце стали равны — вечны и единственны для всей планеты».

— А я с собой обычно ласкаю тоже только одну книгу, — сказала Джулиана, закрывая *«Саранчу»*. — В общем, это не совсем книга. Это Оракул, *«Ицзин»*. Меня Фрэнк на нее навел, и я теперь всегда ею пользуюсь, когда надо что-нибудь для себя решить. Никогда с ней не расстаюсь. Хочешь взглянуть? Или попробовать?

— Нет, — скривился Джо.

Она положила руки на стол и легла подбородком на сложенные друг на дружку ладони.

— А ты к нам сюда насовсем перебрался? Чего ты добиваешься вообще?

«Чего он добивается… — подумала она. — Ничего. Вечно размышляет над своими обидами. Пугаешь ты меня, приятель, тем, что все-то тебе не по душе. Но есть все же в тебе что-то. Ты вроде зверька, не из самых важных, но симпатичных».

«Как я могла подумать, что ты меня моложе? — пришло ей на ум, когда она пристально

взглянула на его резкое, смуглое лицо. — Может, потому, что в тебе сохранилась детскость, ты все еще младший братик, боготворишь старших, Парди этого, генерала Роммеля. Тебе бы еще вырваться на свободу и перерезать всех оставшихся „томми“. Что же, они в самом деле передушили твоих братьев проволокой? О таких историях нам слышать доводилось, и еще эти снимки, которые публиковали после войны…» Ее передернуло. Но ведь эти британские десантники давным-давно осуждены, с ними разобрались.

Радио прекратило транслировать музыку. Сейчас, похоже, начнется выпуск новостей или какая-то передача из Европы. Долгая пауза, потом началось всякое шуршание, какое бывает на коротких волнах, потом шуршание стихло и стало совсем тихо, словно приемник выключили. Потом раздался знакомый голос диктора денверского радио, прозвучал очень чисто, словно бы говорил прямо тут, на кухне. Джулиана протянула руку, чтобы его выключить, но Джо руку перехватил.

— …Известие о смерти канцлера Бормана потрясло и ошеломило Германию, которая после вчерашних заверений вра-

чей…

Оба — и Джо, и Джулиана — вскочили на ноги.

— …Все радиостанции Рейха отменили запланированные программы, и радиослушатели теперь могут слышать торжественные звуки хора дивизии СС «Дас Райх», исполняющего партийный гимн *«Хорст Вессель»*… В Дрездене, где работает в настоящий момент Секретариат партии и руководство СС и Национальной Полиции, заменившей предшествовавшее ей Гестапо…

Джо включил приемник на полную мощность.

— …Реорганизация правительства при участии бывшего рейхсфюрера Гиммлера, Альберта Шпеера и других… был объявлен двухнедельный траур, многие магазины и деловые центры уже закрылись. Несмотря на то что из Рейхстага, где заседает… Третьего Рейха, чье одобрение необходимо, дабы…

— Рейхсканцлером станет Гейдрих, — произ-

нес Джо.

— Я бы лучше хотела, чтобы тот блондин. Как его, Ширах? — вздохнула Джулиана. — Боже, он и в самом деле умер. Как по-твоему, у Шираха есть шансы?

— Нет, — отрезал Джо.

— А может быть, теперь начнется Гражданская война, — мечтательно предположила Джулиана. — Все эти парни, что доживают свое, — и Геринг, и Геббельс, остальные ветераны Партии, они как…

— …достигло его приюта в Альпах, близ Бреннера, — сообщило радио.

— Это о толстяке Германе, — сказал Джо.

— …сообщил лишь, что потрясен потерей, и не только как солдат, патриот и верный лидер Партии, но и как личный — как он говорил об этом уже неоднократно, — как личный друг, которого, как вспомнит каждый, он поддерживал во время безвластия после войны, когда на некоторое время силы, враждебные герру Борману, пытались выдвинуть на высшую должность…

Джулиана выключила радио.

— Знай себе бубнят, — поморщилась она. — Сплошная жвачка. И почему эти убийцы произносят те же слова, что и мы? «Друг, друг» — будто они такие же, как нормальные люди.

— А чем они от нас отличаются? — пожал плечами Джо, сев за стол и вновь склонившись над тарелкой. — На свете нет ничего из того, что сделали они и не смогли бы при необходимости сделать мы сами. И потом, они спасли мир от коммунизма. Если бы не Германия, мы бы жили под красными. Было бы хуже.

— Знаешь, — поморщилась Джулиана, — ты сейчас сам как радио болтаешь…

— Я жил под нацистами, — завелся Джо. — Я знаю, о чем говорю. Жил там двенадцать, тринадцать… дольше, почти пятнадцать лет. Свою рабочую карточку я получил в Организации Тодта. Я работал на них с сорок седьмого года, в Северной Африке, потом — в Штатах. Знаешь, — он взглянул в ее сторону, — у меня какая-то чисто итальянская склонность ко всякому строительству. Тодт дал мне нормальную работу, я не копал землю и не клал бетон на автобанах. Я помогал проектировать, работа чисто инженерная. И вот однажды к нам заглянул сам доктор Тодт

— поглядеть, чем занимается наша команда. Он подошел ко мне и сказал: «У тебя хорошие руки, парень». Понимаешь? Я не копал, я проектировал, а он сказал, что у меня хорошие руки?! Это серьезно, Джу! Это не просто слова. До них, до наци, на физический труд смотрели свысока, я сам так поступал. Аристократы… А Трудовой фронт положил этому конец. Тогда-то я впервые с уважением взглянул на собственные руки.

Он говорил все быстрее и быстрее, акцент становился все сильнее. Некоторые места даже трудно было разобрать.

— Мы жили в лесах, в штате Верхний Нью-Йорк. Жили вместе, как братья. Пели песни, строем ходили на работу. Военный дух, вот только города мы не разрушали, а строили. Для меня это лучшие дни в жизни — после войны. Все было в развалинах, а приходим мы, и вот они — новые кварталы. Новые здания. Мы отстроили весь деловой центр Нью-Йорка. Строили в Балтиморе. Теперь такая работа уже в прошлом. Теперь делами заправляют картели вроде «Крупп и сыновья». Но это — не наци, это обыкновенные замшелые европейцы, и дела у них пошли хуже. Понимаешь, хуже?! Нацисты вроде Роммеля или Тодта в тысячу раз лучше, чем эти промышленники вроде Круппа,

чем банкиры, чем все эти пруссаки! В душегубки бы их всех, этих господ в жилетках!

«Однако, — подумала Джулиана, — эти господа в жилетках — они надолго. Навсегда. А твои идолы, Тодт да Роммель, они так — их пустили порезвиться, чтобы мусор расчистили, дороги построили, запустили заводы. Они тогда даже евреям жить позволяли, вот чудеса-то… ну, наверное, чтобы те на них работали. А потом — сорок девятый, и прости-прощай, Роммель, всего хорошего, Тодт…»

«Что ли, мне об этом не известно? — усмехнулась Джулиана. — Мне, что, об этом Фрэнк не рассказывал? Да что ты мне заливаешь про распрекрасную жизнь при наци, когда мой муж — еврей. Ну да, я знаю, что доктор Тодт был вежливейшим и лучшим из живших на Земле людей. Я знаю, что он хотел дать работу миллионам отчаявшихся полуголодных американцев. Мужчинам и женщинам, копошившимся после войны в развалинах. Честную, настоящую работу. Он хотел, чтобы у каждого — независимо от расы, независимо ни от чего — было приличное жилье, медицинское обслуживание, возможность отдохнуть. Он строитель был, а не философ… и он достигал своего. Очень часто достигал. Но…»

Внезапно она вздрогнула. Что-то ранее смутное, беспокоившее ее своей невысказываемостью, оформилось в мысль:

— Джо, а эта *«Саранча»*, она же запрещена на Восточном Побережье…

Тот кивнул.

— Как же ты ее тогда читал? — Она не могла понять. — За это же расстреливают?

— Это зависит от того, кто ты такой. От цвета кожи. И от цвета повязки у тебя на рукаве.

Вот как. Ну разумеется. Славяне, пуэрториканцы — они наиболее ограничены в правах. В том, что могут читать, слушать, делать. Англосаксам легче, у них есть даже свои школы для детей, они имеют право ходить в библиотеки, в музеи и на концерты. Но даже им… «*Саранча»* не просто была отнесена в какой-то раздел доступности, она была всем запрещена.

— В сортире читал, — усмехнулся Джо, словно уловив ее мысли. — Под подушкой прятал. Вообще, наверное, я взялся за нее именно потому, что она запрещена.

— Ты смелый…

— Ты что? Издеваешься? — Он и в самом деле не понял ее тона.

— Да нет же.

Он немножко расслабился.

— Вам тут легко. Живете себе беззаботно, бесцельно, ничто вас не тревожит. Вы просто вне потока событий, для вас всё уже в прошлом. Разве нет? — Отчего-то ему упорно хотелось ее обидеть.

— Гробишь ты себя, — вздохнула она, — гробишь своим же цинизмом. Или как это еще назвать. Отобрали у тебя идолов, одного за другим, вот и не знаешь, кого теперь любить. — Она подтолкнула к нему вилку. — Давай, доедай.

«Или вовсе от биологии откажись», — подумала она про себя.

— Этот Абендсен, — пробормотал с набитым ртом Джо, локтем указывая в сторону книги, — он где-то тут живет. В Шайенне. Судя по тому, что о нем написано. Озирает мир из надежной норки. Прочти-ка, что он за типчик.

— Демобилизован, — принялась Джулиана за биографическую справку на задней стороне обложки. — Во время Второй мировой войны служил в Морской пехоте США. Был ранен в Англии, когда вступил в единоборство с германским танком «Тигр». Сержант. Ходят слухи, что свою резиденцию превратил в неприступный замок, установив вокруг здания автоматически стреля-

ющие винтовки. — Она положила книгу на стол и добавила: — Тут об этом не говорится, но я слышала, будто он что-то вроде параноика — у него вокруг дома все оплетено колючей проволокой, и сам дом находится в горах. Туда и добраться невозможно.

— Может, ему так себя вести и надо, — хмыкнул Джо. — После того как эту книжку написал. Немецкие шишки, поди, под потолок подпрыгивали, когда ее читали.

— Он там и раньше жил, пока книгу писал, — добавила Джулиана, заглядывая в текст. — Его дом так и называется — «Неприступный замок».

— Да, похоже, им до него не добраться, — согласился Джо, дожевывая наконец завтрак. — Настороже. Хитрый.

— Похоже, чтобы написать книгу, ему пришлось набраться смелости, — задумчиво произнесла Джулиана. — Ведь если бы войну проиграла «Ось», то он мог бы писать, как и прежде, — о чем только вздумается. Америка была одной страной, у нее были нормальные законы, одни для всех…

Странно, но он кивнул.

— Не понимаю я тебя. — Она пожала плечами. — Во что ты все-таки веришь? То этих мясников защищаешь, которые евреев резали, а

теперь вот… — Она в отчаянии подошла к нему и крепко схватила руками за уши. В изумлении, скривившись от боли, он мог только беспомощно моргать, пока Джулиана подняла его с места и поставила перед собой.

Они стояли лицом друг к другу, слишком запыхавшиеся, чтобы говорить.

— Дай же мне, наконец, доесть, — произнес Джо.

— Ты не ответишь? Не хочешь говорить? Собираешься лопать завтрак, и все? Ты же понимаешь, про что я тебя спрашиваю, а делаешь вид, что нет. — Она наконец отпустила его уши. Теперь они просто полыхали.

— Разговоры — пустое дело, — буркнул Джо. — Никакого в них смысла нет. То же самое радио, как ты сказала. Знаешь, как коричневорубашечники называли тех, кто слишком любит философствовать? *Яйцеголовыми.* Головы у них очень уж большие. Пустые и хрупкие. Очень их легко в драке кокнуть.

— Ну, если ты так и ко мне относишься, то почему не уходишь? Зачем остался?

Лицо его приняло какое-то загадочное выражение, и это охладило ее пыл.

«Лучше бы я не дала ему увязаться за собой, —

подумала Джулиана. — Теперь вот уже и поздно, не отвязаться мне от него, слишком сильный».

— Да в чем дело? — Он протянул руки, взял ее за подбородок, погладил по шее, запустил руки под рубашку и притянул к себе за плечи. — Что за настроение? У тебя проблемы? Проконсультирую бесплатно.

— Тебя еще, чего доброго, сочтут еврейским психоаналитиком, — слабо улыбнулась она. — В газовую камеру загреметь хочешь?

— Ты боишься мужчин. Правда?

— Не знаю.

— Так бы вчера вечером и сказала. Ведь только потому, что я тебя… — Он оборвал предложение, выбирая, видимо, слова получше. — Ну, только потому, что я дал себе труд подумать о том, чего ты хочешь…

— Просто потому, что слишком часто укладывался в постель с первыми попавшимися девицами.

— Но что это меняет? Послушай, Джулиана, я тебя не обижу. Никогда. Памятью матери клянусь. Я буду внимателен к тебе, если понадобится мой опыт — бери. Ты избавишься от своей неврастении, успокоишься, станешь на себя похожей. Все нормально, просто раньше тебе не везло.

Джулиана кивнула, немного придя в себя. Но все равно продолжала ощущать тоску и холод и никак не могла понять, откуда они исходят.

В первой половине дня мистер Тагоми улучил момент, чтобы остаться наедине со своими мыслями. Находился он в кабинете в небоскребе «Ниппон таймс».

Еще до того, как отправиться утром в офис, он получил сообщение от Ито — касательно мистера Бэйнса. Молодой студент не сомневался в том, что тот, мистер Бэйнс, никакой не швед. Скорее всего — немец.

Впрочем, способности Ито к языкам никогда не производили особенного впечатления ни на Промышленные Миссии, ни на *Токкоку* — тайную японскую полицию. «Может, дурачок преувеличивает, — усмехнулся Тагоми. — Романтика, старательность, нелепый энтузиазм и вечная подозрительность».

Как бы там ни было, вскоре начнется совещание с мистером Бэйнсом и неким пожилым господином с Островов Родины. И совершенно неважно, какой именно национальности мистер Бэйнс. Тагоми он понравился. «Наверное, — думал он, — в этом и состоит главный талант лиц, поставленных над другими людьми». К таковым,

разумеется, он относил и себя. Вот какой талант — вовремя распознать хорошего человека, когда его встречаешь. Обладать интуицией во всем, что касается людей. Отставлять церемонии в сторону и сразу переходить к сути. Брать ситуацию за жабры. Чувствовать происходящее сердцем.

Сердце, словно триграмма «Ли», обозначающая солнце: сжимаемая двумя темными линиями страданий, прерывистая линия в середке — линия сияния, трепета, ясности. «Мне он понравился, — сказал Тагоми сам себе. — Швед он или немец. Надеюсь, заракаин ему помог. Надо будет его сразу об этом спросить».

Зажужжал интерком.

— Нет, — ответил в микрофон мистер Тагоми. — Не сейчас. Момент внутренней истины. Время для интроверсии.

— Сэр, новости пресс-службы, — произнес все же мистер Рэймси. — Умер рейхсканцлер Мартин Борман.

Голос Рэймси пропал. Тишина.

«С чего начать? — тут же принялся планировать Тагоми. — Отменить все деловые встречи, назначенные на сегодня». Он поднялся с места и зашагал взад-вперед по помещению. Что еще? Немедленно направить официальное соболез-

нование консулу Рейха. Ну, это не очень важно, с соболезнованием справятся и подчиненные. *В сей скорбный час вся Япония присоединяется к народу Германии...* Что еще? Необходимо быть внимательными, чтобы не пропустить никакого сообщения из Японии.

Нажав кнопку интеркома, он сказал:

— Мистер Рэймси, поддерживайте постоянный канал с Токио. Скажите девушкам с коммутатора, чтобы они были внимательны как никогда. Мы не должны ничего пропустить.

— Да, сэр, — ответил Рэймси.

— Я у себя. Весь сегодняшний распорядок отменяется. Никаких запланированных визитов.

— Сэр?

— Я должен быть совершенно свободен, учитывая возможность непредвиденных обстоятельств.

— Да, сэр.

Мистер Тагоми оказался прав — уже через полчаса пришло сообщение от Верховного представителя Имперского правительства на Западном Побережье, посла Японии в Тихоокеанских Штатах Америки, достопочтенного барона Ј1. В. Калемакуле. Министерство иностранных дел созвало экстренное совещание в помещении

посольства на Саттер-стрит, на которое должен был прибыть представитель от каждой Промышленной Миссии. В данном случае имелся в виду сам мистер Тагоми.

Времени на переодевание не было. Мистер Тагоми кинулся к скоростному лифту, спустился вниз и через минуту уже направлялся в лимузине на встречу. В черном «кадиллаке» выпуска 1940 годэ шофером был опытный китаец, одетый в униформу Миссий.

Около посольства уже виднелись машины представителей остальных Миссий, всего около двенадцати. Высокопоставленные господа, часть из которых Тагоми знал, а некоторых видел впервые, направлялись в здание. Шофер открыл дверь, Тагоми выскочил из машины, не забыв прихватить с собой портфель — пустой, разумеется: сюда не нужно было везти никаких бумаг, но выглядеть следовало солидно, не случайно забредшим соглядатаем. Взойдя по ступенькам с видом, подчеркивающим серьезность происходящего, — хотя в чем тут дело, Тагоми не догадывался, — он оказался в вестибюле.

Там уже группами собрались официальные представители, они переговаривались между собой, что-то обсуждали. Тагоми присоединился

к знакомым ему людям, слушал их речи, кивал, вздыхал — словом, выглядел, как сама солидность.

Вскоре появился служащий посольства, пригласивший собравшихся в большой зал. Все расселись на стульях с откидными сиденьями, наступила тишина, нарушаемая лишь покашливаниями и скрипом стульев.

К столу на небольшом возвышении в конце зала подошел человек со стопкой бумаг. В полосатых штанах, кажется — представитель Министерства иностранных дел.

По залу пронесся шумок, сидевшие рядом, наклоняя головы друг к другу, успели обменяться предположениями.

— Господа, — начал представитель министерства звучным, хорошо поставленным голосом. — Как вы уже знаете, сегодня получено сообщение о смерти рейхсканцлера. Официальное сообщение из Берлина. Наше совещание — которое продлится недолго, так что вскоре вы сможете вернуться к своим делам — ставит своей целью проинформировать вас о наших прогнозах касательно дальнейшего хода событий в Германии. Проинформировать вас о некоторых соперничающих группировках, которые в настоящий

момент определяют политическую ситуацию в Германии и активно соперничают в деле занятия места, оставленного герром Борманом.

Итак, вкратце. Первый из претендентов на место рейхсканцлера — Герман Геринг. Прошу присутствующих с пониманием отнестись к тому, что многие из представляемых деятелей им уже известны. «Толстяк» — как его зовут в высших кругах Германии, да и не только там, причиной прозвищу является, разумеется, его комплекция. Храбрый воздушный ас Первой мировой войны, впоследствии организовал Гестапо и занял в правительстве Пруссии пост, предоставлявший ему практически неограниченную власть. Один из наиболее безжалостных наци, один из основателей движения. Следует иметь в виду, что, хотя известные нынешние сибаритские наклонности Геринга и создали впечатление, что этот человек стал просто беспечным любителем вин и искусств, мнение это крайне обманчиво. Наше ведомство рекомендует вам от подобной точки зрения отказаться. Несмотря ни на что — на возраст, на усиливающуюся болезненность, на, скажем, известную противоестественность его некоторых желаний, — он напоминает в настоящий момент вовсе не выжившего из ума

царька, но самовлюбленного, более всего желающего восхвалений цезаря Древнего Рима, чья сила к старости лишь возрастает. Если представить себе этого человека хозяином замка, заполненного трофеями, драгоценностями и произведениями искусства, блаженствующего в окружении ручных львов, то подобная картина окажется весьма близкой к правде. Эшелоны с награбленными ценностями шли в его поместье даже во время войны, задерживая армейские. Наша оценка: этот человек жаждет неограниченной власти и способен ее достичь. Он наиболее самодовольный представитель наци, являя собой в этом резкий контраст Гиммлеру, жившему, как известно, лишь на должностной оклад, не слишком к тому же большой. Духовный склад герра Геринга предполагает, что власть создана для удовлетворения его личных желаний, для приобретения все новых материальных благ. Ум его примитивен, отчасти даже вульгарен, тем не менее в практических делах герр Геринг весьма разумен, более того — его можно считать одним из наиболее здравомыслящих людей среди всей нацистской верхушки. Главная страсть — желание быть восхваляемым на манер императоров древности.

Следующий. Герр Геббельс. Происходит из католической семьи, в детстве перенес полиомиелит. Блестящий оратор, писатель, обладающий гибким и целеустремленным умом. Остроумен, образован, космополитичен. Любит дамское общество, отличается элегантностью. Весьма способен, крайне работоспособен, склонен, однако, к чрезмерному администрированию. Ходят слухи, что он никогда не отдыхает. Персона весьма уважаемая. Он может даже очаровывать собеседников, однако его характеру свойственно бешенство, приступы которого ошеломляют даже привычных к этому наци. Идеология герра Геббельса представляет собой эклектичную смесь мировоззрения средневековых иезуитов и постромантического германского нигилизма. Его считают индивидуумом, воплощающим интеллектуальные силы партии. В молодости пытался стать драматургом. Друзей мало, подчиненные его не любят. Тем не менее он представляется личностью, вобравшей в себя многие элементы европейской культуры. Его не волнуют помпезные восхваления, власть его интересует как таковая. Организаторские способности в классическом духе прусского государства.

Герр Гейдрих…

Представитель министерства сделал паузу и оглядел собравшихся. Затем продолжил:

— Значительно моложе остальных, принимавших участие еще в перевороте 1932 года. Карьерист из элиты СС. Подчиненный Гиммлера и, возможно, имел самое непосредственное отношение к смерти последнего в 1944 году. Официально устранил из аппарата своих соперников — А. Эйхмана, В. Шелленберга и других. По слухам, его боятся многие члены партии. Руководил частями Верхмахта по окончании боевых действий. В частности, во время известного столкновения между армией и полицией, в результате которого власть партийных структур еще более возросла. Постоянно поддерживал М. Бормана. Продукт элитного воспитания — того, что явилось прообразом нынешней «замковой системы» СС. По слухам, абсолютно неэмоционален. Его побуждения и мотивации совершенно неизвестны. Возможно, общество представляется ему пространством некой игры, в которой участвуют люди независимо от их личных побуждений и желаний. Некоторые технократические круги предполагают в нем склонность к псевдонаучному философствованию. В идеологических дискуссиях, однако, участия не принимает. Сум-

мируя: по складу ума может быть назван одним из самых современных людей, учитывая характер века, пришедшего на смену «веку просвещения», иными словами — свободен от так называемых врожденных иллюзий вроде веры в Бога и т. д. Значение фразы «так называемый реалистический склад ума» наши социологи в Токио до конца выяснить не сумели, и это утверждение следует оставить под вопросом. В то же время следует обратить внимание на то, что распад эмоциональной сферы человека находится, как правило, в связи с патологической шизофренией.

Мистер Тагоми почувствовал, что с каждой минутой чтения ему становится все хуже.

— Бальдур фон Ширах. Бывший глава Гитлерюгенда. Слывет идеалистом. Личность привлекательная, однако же не рассматриваемая как компетентная и опытная. Искренне предан целям партии. Под его руководством осуществлено осушение Средиземного моря, в результате которого Германия приобрела гигантские пространства пахотных земель. В начале пятидесятых произвел попытку ослабить политику расового геноцида на славянских территориях. Лично обратился с призывом к народу Германии, дабы предоставить остаткам славянских племен возможность суще-

ствовать в замкнутых районах на территории новых германских земель. Пытался положить конец некоторым формам эвтаназии и медицинских экспериментов. Успеха в этом не снискал.

Доктор Зейсс-Инкварт. Бывший австрийский наци, в настоящее время — Управляющий колониальными областями Рейха. Судя по всему, наиболее ненавидимый человек Рейха. По тем же слухам, был инициатором большинства, если не всех репрессивных акций по отношению к покоренным народам. В сотрудничестве с Розенбергом разрабатывал идеологическое обоснование таких жутких всеобъемлющих акций, как стерилизация всего русского населения после прекращения военных действий. Следующий факт не подтвержден, однако именно Зейсса-Инкварта считают инициатором уничтожения всей флоры Африканского континента, в результате чего негритянское население континента должно было вымереть без проведения дополнительных мероприятий. По характеру и темпераменту наиболее близок к первому фюреру, к Адольфу Гитлеру.

Представитель министерства заканчивал свой неторопливый и сухой отчет.

«Кажется, я схожу с ума», — подумал мистер

Тагоми.

Надо немедленно выбраться на свежий воздух. Похоже, начинается приступ. Тело не в состоянии вынести всех этих слов, оно умирает. Тагоми вскочил на ноги и, ничего не видя перед собой, стал пробираться к выходу. Быстрее, быстрее… Он побежал по проходу.

Несколько голов повернулись в его сторону. Как унизительно, они обнаружили его слабость. Он потерял лицо. Выскочил наконец в дверь, предупредительно открытую перед ним сотрудником посольства.

И тут же паника стала угасать. Пространство перестало плыть перед глазами, Тагоми снова мог различать окружающее. Пол под ногами, стены, окно…

Просто голова закружилась. Наверное, что-то со средним ухом.

«Надо за что-то зацепиться, чтобы в себя прийти, — подумал Тагоми. — За что? Вспомнить, как устроен мир. С чего начать? С религии? Нет, сложно… Был, помнится, такой стишок: *Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу. Будь попрочнее старый таз, длиннее был бы мой рассказ.* Эдвард Лир, англичанин…»

Тагоми прикрыл глаза, пытаясь вспомнить

Англию, какой он увидел ее после войны. Конченый, мертвый мир…

— Сэр, могу вам чем-нибудь помочь? — осведомился подошедший сотрудник посольства.

— Нет, ничего, мне уже лучше, — слегка поклонился ему Тагоми.

Лица остальных в зале холодные, внимательные… Наверное, они посмеялись ему вслед…

Зло! Само зло! Оно хватает в свои объятия, сжимает, словно застывающий бетон!

Не могу поверить во все это. Не могу выдержать. Зло не может быть точкой зрения, идеологией, не может оно направлять жизнь. Он побродил по вестибюлю, были слышны звуки с Саттер-стрит, сквозь двери неразборчиво звучал голос представителя министерства… Вся наша религия ошибочна. Что делать? Он подошел к дверям посольства, служащий распахнул их, Тагоми вышел на улицу. Кругом стоят машины. Вон и его «кадиллак». Шофер рядом.

Зло — это неотъемлемая часть нас. Всего мира. Оно пропитывает нас, скапливается в наших телах, умах, сердцах, да что там в нас — оно пропитывает даже тротуары, по которым мы ходим…

Но почему?

Мы словно слепые кроты. Прорываемся сквозь

почву, ощущая мир лишь своим рыльцем. Ничего не знаем. И если ты понял это… куда идти?! Кричать, орать от ужаса, звать на помощь?

Жалкий, беспомощный, презренный…

«Ну что же, смейся надо мной», — подумал Тагоми, увидев шофера, стоявшего возле машины и глядевшего на приближающегося начальника.

«И портфель забыл, — покачал головой Глава Миссии. — Там, рядом со стулом, в зале. И вся улица глядит, как я киваю шоферу».

Он с трудом забрался в машину.

«В больницу? — пришла ему на ум мысль. — Нет, все же лучше вернуться на работу».

— «Ниппон таймс», — скомандовал он шоферу. — Только поезжай медленно.

Машина тронулась в путь. Тагоми глядел на город, на машины, на людей, на здания — очень высокие, очень современные. На людей, на мужчин и женщин, шедших по своим делам.

Оказавшись в офисе, он наказал мистеру Рэймси немедленно связаться с представителем Миссии нерудных ископаемых, когда тот вернется из посольства.

Тот позвонил около полудня.

— Вы, верно, заметили, как мне сделалось дурно, — осторожно произнес Тагоми в трубку. —

Несомненно, вы обнаружили мой поспешный уход. Его, верно, все видели.

— Нет, я ничего не заметил, — удивленно произнес представитель Миссии нерудных ископаемых. — Вот разве что после собрания я обнаружил ваше отсутствие и несколько удивился.

— О, вы сама тактичность, — вздохнул Тагоми.

— Да нет же… Уверен, все присутствующие были настолько захвачены сообщением представителя МИДа, что на остальное внимания обратить не могли. Что касается того, что произошло после вашего ухода… Вы прослушали список возможных кандидатов на пост?

— Часть, ушел после Зейсс-Инкварта.

— Вот как… Так после этого докладчик начал рассказывать уже об экономическом положении Рейха. На Островах Родины полагают, что Рейх примется доводить население Европы и Северной Азии до положения славян. Занимаясь при этом выбраковкой всех интеллектуалов, буржуазных элементов, патриотически настроенной молодежи. По мнению Островов Родины, все это повлечет за собой экономическую катастрофу. Пока немцев спасали только внушительные достижения науки и промышленности. В технической сфере. «Чудо-оружие», так сказать.

— Мда, — пробормотал Тагоми. Присев на столешницу, он свободной рукой налил себе в пиалу чай. — Вроде их «Фау-1» и «Фау-2» во время войны. И реактивных истребителей.

— В этом, по правде, что-то от ловкости рук, — сказал собеседник. — Они же в основном держатся за счет атомной энергии. И еще на том, что отвлекают общественность своим космическим балаганом. Все эти полеты на Марс и Венеру, конечно, развлекают людей, вот только экономической целесообразности там нет никакой.

— Ну, все же это дело очень волнующее… — слабо возразил Тагоми.

— В целом же прогноз крайне мрачен. Высокопоставленные наци не собираются и думать о надвигающемся экономическом крахе. Вместо этого они вовлекают себя во все большее количество новых авантюр, связанных с демонстрацией грубой силы, со все меньшей предсказуемостью последствий. Общая стабильность резко падает. Логика происходящего в Германии известна: сначала — маниакальный энтузиазм, затем — тяжелая депрессия, после чего возникают решения партии, уже совершенно отчаянного характера. В такой ситуации на вершину власти с наибольшим успехом может претендовать как

раз наиболее безрассудный кандидат.

Мистер Тагоми кивнул.

— Так что готовиться следует к самому худшему. Более сдержанные и ответственные кандидаты падут в этой борьбе за власть.

— Кто же, по его мнению, худший? — осведомился Тагоми.

— Гейдрих. Зейсс-Инкварт. Геринг. Так считает Имперское правительство.

— А лучшие?

— Ширах и, возможно, доктор Геббельс. Впрочем, что касается второго, это под сомнением.

— Что он сказал еще?

— То, что мы еще больше должны сплотиться и, как никогда, верить в Императора и Кабинет. Что мы можем обращать исполненные надежды и уверенные мысли в сторону Дворца.

— Что же, а минута молчания тоже была? — Да.

Мистер Тагоми поблагодарил коллегу, распрощался и положил трубку.

Пока он сидел и пил чай, зажужжал интерком.

— Сэр, вы собирались отправить соболезнование в Германское посольство? — напомнил ему голос мисс Эйфрикян. — Вы не хотите его продиктовать?

«Ах да… — вздохнул Тагоми. — Я и забыл совсем».

— Заходите, — сказал он в микрофон.

Вскоре секретарша, обворожительно улыбаясь, появилась в кабинете.

— Вам уже лучше?

— Да. Инъекция витаминов помогла. — Тагоми задумался. — Напомните, как зовут консула.

— Я уже написала. Барон Гуго Рейс.

— *Майн херр,* — приступил Тагоми. — Получено ошеломляющее сообщение о смерти вашего вождя. Герр Мартин Борман скончался. Слезы льются из моих глаз в тот момент, когда я пишу это послание. Стоит мне лишь воскресить в памяти деяния, совершенные герром Борманом на благо германского народа, стоит мне лишь вспомнить о том, что совершил герр Борман ради спасения своего народа, о его борьбе с врагами Германии, о потрясающих своей непреклонностью действиях, направленных против малодушных предателей, пожелавших лишить человечество счастья покорения космоса, в недра которого ныне устремились светловолосые и голубоглазые представители нордической расы с тем, чтобы… — Он запнулся, не зная, как закончить фразу.

Мисс Эйфрикян выключила диктофон и застыла в ожидании.

— Великие времена, — вздохнул Тагоми.

— Это записать, сэр? — осведомилась секретарша, раздумывая, включать ли аппаратик.

— Нет, это я вам, — хмыкнул Тагоми.

Она улыбнулась.

— Прокрутите, пожалуйста, что я там наболтал, — попросил он.

Магнитофончик зажужжал. Лента перемоталась, секретарша включила воспроизведение. Зазвучала речь. Скрипучий и металлический голос из двухдюймового динамика.

— «…деяния, совершенные герром Борманом на благо…» — Пока Тагоми слушал весь текст, ему казалось, что внутри коробочки скребется и пытается выбраться наружу какое-то насекомое.

— У меня есть концовка, — произнес он, — пишите. Итак… чтобы исполненными решимости бороться и принести себя в жертву ради приобретения такого места в истории, из которого ничто не сможет их изъять — что бы ни случилось с самим миром. Все мы просто какие-то насекомые, — сказал он, вздохнув, мисс Эйфрикян. — Карабкаемся, ползем навстречу чему-то волшебному, божественному. Вам так не ка-

жется?

Он поклонился. Мисс Эйфрикян встала и, не выпуская диктофона из рук, поклонилась в ответ.

— Оформите все это. — Тагоми вяло махнул рукой. — Подпишите, отправьте. Подработайте предложения, чтобы они означали хоть что-нибудь.

Мисс Эйфрикян направилась к выходу.

— Или, наоборот — чтобы не значили уж совершенно ничего, — добавил ей вслед Тагоми. — Как вам самой больше нравится.

Секретарша остановилась в дверях и не без любопытства взглянула на шефа.

После того как она ушла, рабочий день вошел в обычную колею. Вскоре по интеркому прорезался мистер Рэймси.

— Сэр, звонит мистер Бэйнс.

«Отлично, — мысленно потер руки Тагоми. — Начнутся серьезные переговоры».

— Подключи его, — скомандовал он Рэймси.

— Мистер Тагоми? — в телефонной трубке раздался голос Бэйнса.

— Добрый день, — ответил Тагоми. — Из-за сообщения о смерти канцлера Бормана распорядок моего рабочего дня претерпел изменения. С утра мне пришлось отлучиться из офиса. Тем

не менее…

— Обращался ли к вам мистер Ятабе?

— Еще нет.

— Но вы сообщили своим сотрудникам, что к его появлению следует отнестись со всем вниманием? — спросил Бэйнс, в голосе которого слышалось волнение.

— Да, — покраснев, соврал Тагоми. — Его немедленно проводят ко мне сразу по прибытии. — «Надо будет немедленно сказать об этом Рэймси, забылось вчера как-то», — сказал себе Тагоми в некоторой растерянности. — Что же, переговоры не начнутся до появления этого пожилого господина? Сэр, — произнес он, крайне затрудняясь в подборе слов. — Несмотря на то что день сегодня выдался хлопотным, мы, тем не менее, могли бы приступить к нашим делам по части представления Промышленным Миссиям форм для литья под давлением…

— Произошли изменения, — прервал его мистер Бэйнс. — Нам следует дожидаться прибытия мистера Ятабе. Вы точно уверены, что он еще не прибыл? Прошу вас, дайте мне слово, что известите меня немедленно после его звонка. Приложите все силы, мистер Тагоми, прошу вас. — Голос Бэйнса звучал отрывисто, резко.

— Разумеется, я вам обещаю. — Теперь и Тагоми ощутил беспокойство. Смерть Бормана, вот в чем все проблемы. — Тем не менее, — сообразил он мгновенно, — я с удовольствием бы насладился вашей компанией за ланчем. За все сегодняшнее утро мне не удалось даже перекусить, — он импровизировал на ходу, — так что мы за едой могли бы обсудить кое-какие детали наших проблем. В общих словах, еще до получения конкретных данных.

— Нет, — отрезал мистер Бэйнс.

Нет? Тагоми оторопел.

— Сэр, — осторожно, почти вкрадчиво произнес он. — Я не очень хорошо чувствую себя. Со мной произошел сегодня весьма прискорбный случай, и я хотел бы поделиться с вами некоторыми подробностями.

— Прошу прощения, — донесся до него голос Бэйнса. — Я позвоню вам позже.

«Я обидел его, — подумал Тагоми. — Он, похоже, понял, что я забыл предупредить персонал о пожилом господине. Но это же такая мелочь…»

Тагоми нажал кнопку интеркома и вызвал к себе Рэймси.

Какие пустяки, он исправит их немедленно. Да нет, дело, похоже, совсем в другом. Смерть

Бормана, вот в чем все дело.

Что же, пустяк… а все равно такой пустяк говорит о небрежности в отношениях. Тагоми почувствовал себя виноватым. Дурной нынче день. Надо было с утра посоветоваться с Оракулом, узнать у него, что этот день несет с собой… Несомненно, он, Тагоми, разошелся с дао, удалился от него…

«Что же за гексаграмма соответствует мне сегодня? — подумал он, открывая ящик стола и извлекая оттуда оба тома Оракула. — Столько вопросов к мудрецам, столько вопросов, которые и сформулировать трудно».

К тому времени, когда в кабинет вошел мистер Рэймси, он уже получил результат.

— Вот, мистер Рэймси, взгляните. — Тагоми указал вошедшему на гексаграмму,

Сорок семь. «Кунь». «Истощение. Свершение. Стойкость».

— Не лучшее из предзнаменований, — сочувственно вздохнул Рэймси. — А какой был вопрос? Если, конечно, я не вторгаюсь в слишком интимные сферы?

— Я спросил о текущем моменте, — ответил Тагоми. — О моменте, в котором пребываем все мы. И вот еще… Гексаграмма совершенно непо-

движная. Ни одной скользящей строки. Сама стабильность. — Тагоми захлопнул книгу.

В три часа дня Фрэнк Фринк и Эд Маккарти все еще ожидали ответа мистера Уиндема-Матсена. В три часа дня Фринк решил все выяснить у Оракула. «Как повернется дело?» — задал он вопрос.

Ответом была гексаграмма сорок семь. С одной скользящей строкой на пятом месте. Пятой позиции соответствовали такие слова:

Сильная черта на пятом месте.

Казня, отрежут нос и ноги.

Будет трудность от человека в красных наколенниках.

Но вот понемногу наступит радость.

Благоприятствует необходимость возносить жертвы и моления.

Более получаса он вчитывался в эти строки, пытаясь понять там хоть что-то. Вся гексаграмма и в особенности пятая строка привели его в полное замешательство. В общем он решил, что на деньги Уиндема-Матсена рассчитывать не приходится.

— Ты уж слишком полагаешься на эту штуку, — проворчал Маккарти.

И был прав, поскольку в четыре прибыл посыльный. От корпорации Уиндема-Матсена. Вручил пакет. Открыв пакет, Фринк и Маккарти обнаружили внутри чек на две тысячи долларов.

— Видишь, ты ошибался, — усмехнулся Маккарти.

«Ну что же, — подумал Фринк, — Оракул, наверное, имел в виду какие-то дальнейшие последствия. Потом, когда все произойдет, я обернусь назад и точно пойму, что все это означало. Вот в чем беда…»

— Надо заняться оборудованием мастерской, — заявил Маккарти.

— Что, сегодня? Прямо сейчас? — Фринк ощутил слабость.

— А почему нет? Письма с заказами мы подготовили, их осталось закинуть на почту. Чем быстрее, тем лучше. И заняться оборудованием, которое можно достать здесь же. — Маккарти надел пиджак и пошел к дверям квартиры Фринка.

Хозяина дома, в котором жил Фрэнк, они уговорили уступить подвал, который последнее время использовался как склад. Если выкинуть оттуда все пустые картонные ящики, то там свободно разместятся верстаки. Они проведут электричество, установят станки, двигатели. Эскизы уже

были готовы, были готовы и спецификации на материалы. То есть, по сути, они уже начали работать.

«Мы — в деле», — сообразил внезапно Фринк. Даже о названии они условились:

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЭДФРЭНК.

— Самое большее, что мы сегодня успеем, — поморщился он, — это купить доски для верстаков. Ну, электрооборудование. Но материал для работы уж точно не успеем.

Компаньоны вышли из дома и направились в сторону склада пиломатериалов в южной части Сан-Франциско. Через час уже вернулись с досками.

— Да что же тебя так грызет? — спросил Маккарти по дороге в магазин, в котором торговали оборудованием для мастерских.

— Деньги… вот что меня заботит. Финансировать дело таким вот способом…

— Старина У-М нас поймет, — усмехнулся Маккарти.

«Вот в том и дело, — подумал Фринк. — Именно это меня и угнетает. Он нас поймет… Мы вступили в дело и ведем себя совершенно так, как повел бы себя он. Что за радость понимать, что

ты — точно такой же?»

— Не оглядывайся, приятель, — попытался приободрить его Эд. — Гляди-ка лучше вперед. О деле думай.

«Да гляжу я вперед», — подумал Фринк. И вспомнил о гексаграмме. Что за жертвы и моления следует возносить? И кому?

ГЛАВА VII

Мистер и миссис Казуора, симпатичная чета молодых японцев, посетивших магазин Роберта Чилдэна, дала о себе знать к концу недели, пригласив его на обед. Чилдэн ожидал, что они его забудут. И неожиданное приглашение привело его в полный восторг.

Чуть раньше обычного он закрыл «Американские шедевры», взял рикшу и отправился в тот шикарный городской район, в котором обитали Казуора. Несмотря на то что никто из его прежних клиентов там никогда не жил, район он знал. Рикша вез его по извилистым улочкам с их лужайками и ивами, Чилдэн восседал сзади и любовался современными многоквартирными жилищами, изумляясь их архитектуре. Литые чугунные решетки балконов, высокие современные колонны, пастельные цвета, разнообразные фактуры, использованные в отделке домов… несомненно, район можно было считать самым настоящим произведением искусства. А после войны, Чилдэн это помнил, район был просто грудой развалин.

Игравшие на улицах крошечные японские

дети не обращали на него особого внимания. Так, взглянут и возвратятся к своим занятиям — к футболу, бейсболу. А вот взрослые вели себя иначе. Прекрасно одетые молодые японцы, направлявшиеся от машин к домам, глядели на него с превеликим интересом. «Что же, он тут живет?» — читалось на их лицах. Район населяли молодые японские бизнесмены, тут жили даже главы Промышленных Миссий. Автомобильные стоянки были заняты первоклассными машинами, тут стояли и «кадиллаки». Чем ближе к дому Казуора подбирался рикша, тем больше обеспокоился пассажир.

Впрочем, его нервозность приутихла, когда он доехал до нужного дома и стал подниматься наверх. «Вот я и пришел, — подумал Чилдэн. — И не просто по делу, а приглашен гостем к обеду». Разумеется, он обратил особое внимание на свой костюм, так что теперь был совершенно уверен, что его внешний вид соответствует обстоятельствам. Обстоятельствам? Чилдэн пожал плечами: «Какие тут могут быть обстоятельства, когда в этом районе я все равно чужак? Смешно, я чужак на земле, на которой родился. На земле, которую белые люди привели в порядок и возвели на ней один из красивейших городов мира. Чужак в

собственном городе, в собственной стране».

По устланному ковром коридору он дошел до нужной квартиры и позвонил. Дверь немедленно распахнулась. Перед Чилдэном стояла молодая миссис Казуора в шелковом кимоно и *оби* — широком поясе. Длинные черные волосы спадали на плечи. Она улыбнулась гостю. Позади нее, возле дверей гостиной стоял муж, державший в руке стакан. Улыбаясь, он кивнул Чилдэну:

— Входите же, мистер Чилдэн.

Тот поклонился и вошел.

Изощренный вкус. Торжество эстетики. Всего лишь несколько предметов: лампа, стол, книжная полка, гравюра на стене. Это невероятное японское *ваби* — в других языках подобного определения нет. *Ваби* — способность в простых вещах отыскать красоту не меньшую, чем в специально созданных украшениях. В простых предметах, в их взаимном расположении.

— Что будете пить? — осведомился хозяин. — Виски с содовой?

— Мистер Казуора… — начал было Чилдэн, но был остановлен.

— Поль. — И, указав на жену, хозяин добавил: — Бетти. А вы?

— Роберт… — пробормотал Чилдэн.

Рассевшись на мягком ковре вместе со своими стаканами, они принялись слушать мягкие звуки *кото* — японской тринадцатиструнной арфы. Эту запись недавно выпустило японское отделение фирмы «His Master's Voice», и пластинка была очень популярна. Тут Чилдэн обнаружил, что все части проигрывателя спрятаны, да так хитро, что не видно динамиков и совершенно невозможно понять, откуда льется звук.

— Мы не знали ваших пристрастий, — сказала Бетти, — так что решили действовать наверняка. В электропечке жарятся отбивные с косточкой. На гарнир — жареный картофель с кисло-сладким луковым соусом. Знаете, кажется, есть даже присказка — никогда не ошибешься, если в первую встречу подашь гостям хорошую отбивную.

— Благодарю вас, — ответил Чилдэн. — Очень люблю такое мясо.

В самом деле он его любил, вот только ел плохо. Громадные фермы Среднего Запада давно уже не слали на Западное Побережье мясо. Чилдэн уже и не помнил, когда в последний раз ел отбивную.

Настал момент вручить хозяевам подарок.

Из кармана пиджака он извлек небольшую, завернутую в папиросную бумагу вещицу. Положил ее на низенький столик, но, разумеется,

поскольку его движение не ускользнуло от глаз хозяев, вынужден был объяснить:

— Маленькая безделушка. Чтоб хотя бы отчасти отблагодарить вас за тот покой и наслаждение, которые я обретаю в вашем доме.

Он развернул бумагу и передал подарок хозяевам. Это был кусочек клыка, обработанный китобоями Новой Англии. Так называемая резьба по кости. Лица хозяев расцвели: они знали об этом роде искусства, которому предавались моряки в минуты отдыха. Трудно было бы найти другую вещь, которая настолько вобрала бы в себя исконный дух старой американской культуры.

Тишина.

— Благодарю вас, — произнес наконец Поль.

Роберт Чилдэн кивнул.

Теперь в его душе воцарился покой — пусть даже и на малое мгновение. Несомненно, этот подарок и был тем, что называлось в *«Ицзине»* подношением. Он совершил то, что должен был совершить. Некоторые из его тревог последнего времени начали утихать.

Он вытряс из Рэя Келвина стоимость поддельного кольта, заодно добившись от него же письменного обязательства впредь избегать подобных недоразумений. Все же и это не сняло

тяжести с души. Только теперь, находясь вдалеке от повседневных дел, он понял, насколько его собственная жизнь далека от гармонии. *«Ваби»*, пропорции, уравновешенность. «В этом все дело, — решил Чилдэн. — Они близки к дао, эти молодые японцы. Поэтому они мне так понравились с первой же встречи. Я почувствовал исходящее от них дао. Ощутил его отсвет на себе».

На что бы это могло быть похоже — ощутить дао в себе? Дао — это то, что зажигает свет и что погружает во тьму. Дао — это причина вечного взаимодействия двух основных сил вселенной, оттого все на свете обновляется. То, что удерживает мир от распада. Мир никогда не истощится, потому что стоит лишь тьме завладеть им, как в ее глубинах пробивается росток света. Как зерно из мглы земной пробивается на свет.

— Истинный шедевр, — тихо произнесла Бетти. Вышла из комнаты и вернулась с тарелкой, на которой лежали небольшие кусочки сыра и прочие соответствующие напиткам закуски. Чилдэн поблагодарил и взял два кусочка.

— Сегодня поступило множество сообщений из-за рубежа, — сказал Поль, потягивая виски. — Когда я вечером ехал домой, по радио шел прямой

репортаж об этих по-язычески пышных похоронах в Мюнхене. Государственный и партийный гимны, пятидесятитысячное шествие, флаги, факелы, всякое прочее. Все поют *«Ушел наш товарищ»*. Доступ к телу покойного открыт для всех истинных арийцев.

— Да, все это оказалось весьма неожиданным, — кивнул Чилдэн. — Особенно после успокаивающего сообщения неделю назад.

— «Ниппон таймс» в вечернем выпуске сообщает о том, что фон Ширах находится под домашним арестом, так говорят надежные источники, — рассказала Бетти. — И все это сделано по указанию СД.

— Плохо, — покачал головой Поль.

— Несомненно, началась борьба за то, чтобы в это смутное время сохранить порядок, — вставил слово Чилдэн. — В вину Шираху вменяются своевольные, необдуманные и даже авантюрные действия. Как Гессу в прошлом. Вы помните его безумный перелет в Англию?

— Что еще пишет «Ниппон таймс»? — обратился к жене Поль.

— Всеобщее замешательство и повсеместные интриги. Перемещения воинских частей. Отпуска в армии отменены, границы страны закрыты.

Рейхстаг заседает. Все произносят речи.

— Это заставляет меня вспомнить речь, слышанную мною примерно года полтора назад по радио, — прокашлявшись, сказал Чилдэн. — Доктора Геббельса. Множество остроумных нападок, тонких обвинений. Держит аудиторию в руках, как прежде. Все оттенки эмоциональности. Несомненно, со времен Адольфа Гитлера он лучший оратор наци.

— Пожалуй, — кивнули супруги.

— И дети у него замечательные, и жена прелестная, — продолжал Чилдэн. — Весьма развитые личности.

— Пожалуй, — снова согласились супруги, а Поль добавил:

— В отличие от остальных великих Рейха, он семейный человек. И не отличается, подобно им, некоторыми сомнительными сексуальными пристрастиями.

— Но это, кажется, слухи? — обернулся к нему Чилдэн. — Вы имеете в виду Рема? Но это ведь давно уже забытая история?

— Скорее я имел в виду Геринга, — сказал Поль, потягивая виски и изучая цвет напитка на свет. — Все эти истории об оргиях на древнеримский манер, с их болезненным разнообразием. Мороз

по коже, едва об этом слышу.

— Ложь, — убежденно покачал головой Чилдэн.

— О, да что же это мы все об этом не слишком привлекательном субъекте… — тактично оборвала тему Бетти, укоризненно взглянув на мужчин.

— Да, политические дискуссии всегда горячат кровь, — согласился Поль и предложил: — Давайте уж лучше будем держать свою голову в холоде.

— Да, — согласился Чилдэн. — Главное в жизни — это спокойствие, хладнокровие и порядок. В них опора стабильности существования.

За это время Бетти успела забрать у мужчин пустые бокалы, сходить на кухню и наполнить их.

— Периоды после смерти вождя всегда особенно чреваты потрясениями в тоталитарных государствах, — произнес Поль, пригубив новую порцию виски. — Тут сказывается одновременно отсутствие традиций и влияние среднего класса. Попросту отсутствуют их общественные институты. — Он оборвал себя на полуслове и улыбнулся. — Знаете, да ну ее, политику, а? Как в старые студенческие годы?!

Чилдэн почувствовал, что краснеет, остава-

лось только протянуть руку за новым стаканом — лишь бы не встретиться взглядом с хозяином. Какую кошмарную бестактность он совершил! С каким дурным напором он ринулся в разговоры о политике, насколько грубо он не соглашался с хозяином, лишь врожденный такт Казуоры позволил спасти вечер. «Многому мне еще надо учиться… — подумал Чилдэн. — Они настолько тактичны и вежливы, что я по сравнению с ними просто белый дикарь. Именно что дикарь».

Какое-то время он занимал себя тем, что потягивал виски и удерживал на лице выражение полного удовлетворения. Нужно подлаживаться под их стиль. Со всем соглашаться.

Но тут в ужасе ощутил, что теперь приходится бороться еще и с тем, что мозг под воздействием выпитого стал раскисать, превращаться в какое-то болото. А если учесть еще усталость и волнения минувших дней… Удастся ли совладать с собой? Иначе сюда больше не пригласят. Да и теперь, наверное, уже поздно. Чилдэн впал в полное отчаяние.

Вернувшаяся из кухни Бетти между тем снова устроилась на ковре. «Какая она милая, — снова подумал Чилдэн. — Стройное тело, у них прекрасные фигуры — никакого жира, припух-

лостей. Никакие женские ухищрения не нужны, корсеты там, прочая сбруя. Но вот свои чувства надо бы скрывать». И все равно Чилдэн не мог удержаться от того, чтобы время от времени не поглядывать на хозяйку. Приятная смуглость кожи. Глаза, волосы. «Мы по сравнению с ними недопеченные какие-то, рановато нас из печки достали, — вспомнился Чилдэну древний миф аборигенов. — Что правда, то правда».

Необходимо было переключить мысли на что-нибудь другое. Найти любую светскую тему, что угодно. Глаза Чилдэна обшаривали помещение, стараясь отыскать любую зацепку для разговора. Тишина начинала его угнетать, становилась предвестницей краха. Но что сказать, что?! Наконец он заметил на полке книгу.

— Вы читаете *«Саранча застилает небо»?* — осведомился он. — Я слышал об этой книге уже от многих, но из-за занятости никак не мог выкроить время, чтобы ознакомиться с ней. — Он поднялся, чтобы взять книгу с полки, одновременно пытаясь уловить выражение лиц хозяев. Похоже, те вполне согласились с таким поворотом событий, и Чилдэн облегченно продолжил: — Это детектив? Уж простите мне мое невежество.

Он взял книгу с полки и принялся шелестеть

страницами.

— Нет, не детектив, — ответил Поль. — Наоборот, весьма любопытный вымысел, который в своем роде представляет научную фантастику.

— Да нет же, — запротестовала Бетти. — Там же нет никакой науки. И совершенно ничего о будущем. Научная фантастика ведь занимается будущим, таким, в частности, в котором присутствует техника, превосходящая теперешнюю. А эта книга соответствует нашему времени и ничего не предсказывает.

— Но ведь она имеет дело с альтернативным настоящим, — возразил Поль. — Многие из фантастов используют именно этот прием. — Он обернулся к Роберту. — Извините мою настойчивость, но, как это отлично известно моей жене, я долгое время был самым горячим энтузиастом научной фантастики. Старое увлечение, еще с тех времен, когда мне было лет двенадцать. В самом начале войны.

— Угу, — произнес из вежливости Чилдэн.

— Хотите полистать *«Саранчу»?* — спросил хозяин. — Мы с ней скоро разделаемся, дня через два — самое позднее. Знаете, мой офис неподалеку от вашего магазина. Я ее вам с удовольствием закину как-нибудь в ланч. — Он замолчал, возможно

— как показалось Чилдэну — ожидая какого-то знака от жены, и добавил: — И мы с вами заодно могли бы и перекусить где-нибудь.

— Благодарю вас, — выдохнул Чилдэн, на седьмом небе от счастья. Такого он себе и представить не мог: он и этот изысканно одетый японец за ланчем в одном из роскошных ресторанов деловой части города, в которых обыкновенно обедают бизнесмены! Мог ли он рассчитывать на подобное?! Его взор загорелся, но он сдержал себя и углубился в книгу.

— Да, — хмыкнул он чуть погодя, — это представляется весьма любопытным. С удовольствием прочел бы эту вещь. Что ни говори, а надо быть в курсе того, что читают люди.

Так ли он сказал? Что же, получается, книга заинтересовала его лишь потому, что она нынче в моде? Но это же просто дурной тон. Как выпутаться?

— Конечно, нельзя оценивать книгу лишь на том основании, что она оказалась бестселлером, — попытался он выправить положение. — Многие из них представляют собой просто халтуру для невзыскательного читателя. Но эта…

Он сбился и замолчал.

— Конечно, — выручила его Бетти, — вообще,

средний вкус — это штука очень прискорбная.

— Как в музыке, — добавил Поль. — Например, среди нынешних американцев не наблюдается никакого увлечения настоящим американским народным джазом. Роберт, как вы относитесь к Киду Орру, например? Или к ранним диксилендам? У меня целая коллекция записей подобного рода, пластинки фирмы «Дженет».

— Увы, — вздохнул Роберт, — в негритянской музыке я разбираюсь довольно слабо. — Похоже, хозяева не пришли в восторг от его реплики. — Мне по душе больше Бах и Бетховен.

Это вроде бы надежно. На мгновение он ощутил даже что-то вроде негодования — как же можно отрицать великих мастеров европейской музыки, вечную классику, предпочитая ей новоорлеанский джаз, эту музыку трущоб и забегаловок негритянских кварталов?

— Возможно, если я поставлю вам кое-что из записей королей ритма Нового Орлеана, — начал было Поль, собираясь выйти из комнаты, но Бетти кинула ему настороженный взгляд. Поль остановился и пожал плечами.

— Обед почти уже готов, — словно бы пояснила Бетти.

Поль вернулся на прежнее место. Пробормотал,

чуть надувшись, как показалось Чилдэну:

— Джаз Нового Орлеана — это самая аутентичная, подлинно американская музыка. Он возник именно на этом континенте. А все остальное пришло из Европы, все эти заезженные баллады для лютни в староанглийском стиле.

— Мы друг с другом вечно спорим, — улыбнулась Бетти. — Я его любви к оригинальному джазу не разделяю.

— Так какой же вид альтернативного времени предлагает эта книга? — осведомился Чилдэн, взяв снова в руки «*Саранчу*».

— Такой, — после небольшой паузы сказала Бетти, — в котором Германия и Япония войну проиграли.

Повисла тишина.

— Пора обедать, — произнесла Бетти. — Прошу к столу двух утомленных делами джентльменов.

Она проводила Роберта и Поля к столу, накрытому в соседней комнате. На столе лежала белая скатерть, сервирован он был серебром, фарфором, хрустящими от белизны и свежести салфетками, вдетыми — как сразу распознал Чилдэн — в старинные американские кольца, для этой цели и предназначавшиеся. Серебро также было американским, высшей пробы. Чашки и блюдца,

очень насыщенных синего и желтого цветов, оказались произведенными фирмой «Ройял Альберт». Чилдэн изучал предметы с нескрываемым профессиональным восхищением.

Только тарелки оказались не из Америки. Похоже, японскими, но тут он не мог ничего сказать.

— Фарфор Имари, — пояснил, уловив интерес гостя, Поль. — Из Ариты. Считается самым качественным в Японии.

Сели за стол.

— Кофе? — спросила Роберта Бетти.

— Да, конечно, — ответил тот. — Спасибо.

— После обеда, конечно, — добавила она, направляясь к сервировочному столику.

Приступили к обеду. Чилдэн нашел еду восхитительной. Бетти оказалась изумительным поваром. Особенно потряс его салат: авокадо, сердцевинки артишоков, что-то вроде приправы из зеленого сыра… слава богу, они не заставили его поглощать японские блюда… всей этой смесью зелени и кусочков мяса он был сыт со времен войны. И еще — эти вечные морские продукты. К счастью, в последнее время он мог позволить себе обходиться без креветок, моллюсков и прочих пучеглазых тварей.

— Хотелось бы узнать, — произнес он, продол-

жая разговор, — что именно, по мнению автора, творится в мире, в котором Япония и Германия войну проиграли?

Супруги какое-то время молчали.

— Различия очень большие, — наконец сказал Поль. — Но лучше прочесть самому. Если я расскажу, то, скорее всего, испорчу все впечатление от чтения.

— Знаете, — не удержался Чилдэн, — на сей счет у меня есть давнее мнение. Я очень хорошо его обдумал. Так вот, было бы куда хуже. — Его голос прозвучал твердо и резко. — Много хуже, — повторил он.

Хозяева, казалось, удивились. Может быть, тону, которым он заговорил.

— Повсюду господствовал бы коммунизм.

Поль кивнул.

— Да, автор, мистер Абендсен, рассматривал и эту возможность. Конечно, нельзя было не учесть неудержимое распространение советской России, но история повторилась. Точно так же, как в Первой мировой войне, когда Россия выступала в блоке с победителями, а не получила в результате ничего. Только выставила себя на посмешище, как второстепенная держава. Все это напомнило войну начала века с нами, когда Россия…

— Нам пришлось пострадать, заплатить свою цену, — перебил его Чилдэн. — Я согласен. Но мы заплатили ее не зря. Экспансия славянского мира была остановлена.

— А вот я не верю в экспансии и покорение мира кем бы то ни было, — тихо произнесла Бетти. — Ни славянами, ни китайцами, ни японцами.

Говорила она спокойным, медленным голосом. Нет, ее не «занесло», она вполне управляла собой и выразила именно то, что думала. Разве что на ее щеках появились два красных пятнышка.

Какое-то время все ели молча.

«Опять я за свое, — пенял себе Чилдэн. — Но подобные темы обойти невозможно. Они всюду — в книге, которую снимаешь с полки, в коллекции грампластинок, в этих кольцах для салфеток, наконец. Трофеи, захваченные победителями… То, что украли у моего народа…»

Что же, следует смотреть фактам в лицо. Все время хочется убедить себя, что японцы на нас похожи. Но даже если в их обществе рассыпаться уверениями в том, что они правильно нас победили и что просто замечательно, что Америка войну проиграла, все равно мы останемся в разных лагерях. Одни и те же слова означают для нас совершенно различные вещи. Ум у них дру-

гой, души — тем более. Конечно, они могут пить из тонкостенного американского фарфора, есть при помощи американского столового серебра, слушать негритянскую музыку. Но это все — на поверхности. У них власть, у них сила. Они могут позволить себе все это. Но все это лишь эрзац, они ничего в нас не понимают.

И что вообще они понимают? Даже эта книга, *«Ицзин»*, которую они нам навязали, — ведь это китайская книга, не японская.

Они и ее успели присвоить. Да кого же они дурачат? Себя? Заимствуют что попало и откуда хотят, одеваются, едят, разговаривают, изображая из себя стопроцентных американцев. Вот с наслаждением уплетают жареную картошку с соусом… Еда тоже стала их трофеем. Но никого им не одурачить, никого.

«И Роберта Чилдэна — в последнюю очередь, — подумал он. — Только белая раса наделена способностью к творчеству. Но все равно я белый, должен разбивать лоб в поклонах перед этими… Что было бы, если бы победили мы? Да мы бы их стерли с лица земли, не осталось бы на свете никакой Японии, Америка бы властвовала над всем миром.

Нет, я должен прочесть эту книжку про саран-

чу, — осознал он со всей ясностью. — Обязан. Это, по сути, просто мой патриотический долг!»

— Роберт, вы почти не едите, — обеспокоенно произнесла Бетти. — Вам не нравится, как приготовлено?

— Нет, что вы, — ответил Чилдэн, поспешно положив себе еще ложку салата. — Все настолько вкусно, что у меня и слов нет. Не помню уже, когда ел что-либо подобное.

— Благодарю вас, — улыбнулась она, очевидно польщенная. — Я хотела, чтобы у меня получилась по-настоящему американская еда… за покупками, например, отправлялась только в американские лавочки, в те, что на Мишн-стрит. Так что все это самое настоящее, а не привозное.

«Вы замечательно стряпаете наши блюда, — подумал Чилдэн. — Ваши способности к подражанию невероятны. Яблочный пирог, кока-кола, походы в кино, на концерты Гленна Миллера… да вы тушью на папиросной бумаге можете нарисовать себе всю Америку: мамочка из папиросной бумаги на кухне, тоже бумажной, а бумажный папочка там же читает газету, и бэби крутится возле них, на той же тонкой рисовой бумаге. Все что угодно можете нарисовать».

Поль внимательно взглянул на Чилдэна. Тот,

внезапно ощутив на себе взгляд, отставил свои мысли в сторону и приналег на еду. «Что же, он еще и мысли читать умеет? — пришло ему на ум. — Он видит, о чем я думаю на самом деле? Я думал, что по моему лицу ничего прочесть нельзя, старался быть безукоризненно непроницаемым».

— Роберт, — произнес между тем Поль. — Вот вы родились здесь и в разговоре употребляете большое количество идиоматических американских выражений… знаете, я хотел бы попросить у вас помощи. Дело в том, что у меня есть одна книга, чтение которой доставляет мне серьезные трудности. Это роман тридцатых годов, автор его — американец.

Чилдэн слабо кивнул.

— Сама эта книга, — продолжил хозяин, — довольно редкая. Экземпляр достался мне по случаю. Автора зовут Натаниэл Вест, а называется роман «*Мисс Одиночество».* Я прочитал книгу в один присест, но, боюсь, мне не удалось полностью уловить тот смысл, который заложил в свое произведение автор… — Он с надеждой взглянул на Чилдэна.

Тот покачал головой.

— Нет, я никогда не читал этой книги. Увы,

даже не слышал о ее существовании.

— Жаль. — На лице Поля появилось разочарование. — Книжка очень маленькая. Там речь идет о человеке, который ежедневно должен писать несколько строчек в газету. И ему постоянно приходится иметь дело с совершенно душераздирающими подробностями жизни других людей. Он мучается их несчастьями и, наконец сойдя с ума от постоянной душевной муки, воображает вдруг, что он — новый Иисус Христос. Вам это ничего не напоминает? Может быть, вы все же ее читали?

— Нет, — покачал головой Чилдэн.

— Там приводится весьма странное мнение о страданиях, — продолжал Поль. — Я бы даже назвал это озарением, в результате которого появляется понятие о беспричинной боли. Это, несомненно, связано с религией. Религии, подобные христианству, заявляют обыкновенно, что в основе всякого страдания обязательно лежит какой-либо человеческий грех. А вот мистер Вест это мнение дополняет. Так вот, мне и хотелось бы выяснить: то, что автор книги утверждает, что возможны страдания и безо всяких на то причин… связано ли его убеждение с тем, что сам он — еврей?

— Если бы Германия и Япония проиграли войну, — буркнул Чилдэн, — то именно евреи правили бы миром, управляя Москвой и Нью-Йорком.

Японцы, казалось, отшатнулись назад. Съежились, поникли, ушли в себя. В комнате будто сразу же похолодало. Роберт Чилдэн ощутил, что остался один. Да, он ел, обедал, но уже сам по себе, а не в компании. Но что же такого он сказал? Или они превратно его поняли? Удивительно, как они не воспринимают оттенков сказанного, особенностей западного образа мысли. Не поняли — вот и обиделись. Что уж тут поделаешь?

Ясность, которая возникла в мозгу до того, как Казуора заговорил об этой книге, должна быть восстановлена. В этот раз, по сравнению с неловкостью, возникшей после обсуждения Геринга, Чилдэн не испытывал слишком удручающего ощущения провала. Очень просто — все эти бессмысленные мечты начали выветриваться из головы. «Своим отношением они помогли понять мне, кто я такой, — подумал он. — Когда я поднимался в их дом по ступенькам, юношеский угар мечтаний кружил мне голову. Но реальность игнорировать нельзя».

Хозяева, они словно бы люди и не люди одно-

временно. Они напялили на себя наши одежды, но добились лишь того, что выглядят цирковыми обезьянами. Да, они умны, и что же?

Почему я так стараюсь им угодить? Потому, что они выиграли войну?

Сегодня обнаружилась довольно неприятная черта моего характера: я склонен к… ну, скажем, к выбору меньшего из двух зол. И, выбрав, несусь уже, словно корова к кормушке, не разбирая дороги.

Да, остается признать, что я всегда пытался приноровиться к тому, что происходит вокруг. Потому что так жить — надежней, потому что они — победители. Они тут командуют. И, судя по всему, именно так я и буду поступать в дальнейшем. Зачем мне лишние сложности? Бедняжки читают американские книги и ничего там не понимают, просят, чтобы я им объяснил прочитанное… как белый человек. Верят, что я помогу им в их затруднениях… А я им не смог помочь. Но помог бы, если бы читал эту книгу.

— Знаете, я мог бы посмотреть эту книгу про одинокую мисс, — произнес Чилдэн. — Думаю, я смог бы объяснить вам, в чем там дело. Если, конечно, чтение не потребует от меня слишком много времени.

— Нет, — пробормотал Поль. — Очень короткая книжка…

И Поль, и Бетти выглядели опечаленными. «Интересно, — подумал Чилдэн, — ощутили ли они сами непреодолимую преграду между нашими мирами? Надеюсь, что да. Им бы следовало кое-что понять. Стыдно, например, вынюхивать смысл прочитанного с помощью посторонних».

И принялся с превеликим удовольствием поглощать еду.

В дальнейшем ничто уже не омрачало течение вечера. Апартаменты четы Казуора Чилдэн покинул часов в десять. Чувство уверенности, поселившееся в нем во время обеда, сохранилось полностью.

Уже не обращая особенного внимания на случайных обитателей многоквартирного дома — японцев, шедших по коридору в общий душ на этаже или поднимавшихся по лестнице, — Чилдэн выбрался на темную улицу. Встал на тротуаре и, завидев рикшу, подозвал его. И направился домой.

«Ну, что же, — подвел он итог, — я всегда хотел встретиться со своими клиентами в неформальной обстановке. Дело полезное, в конце концов. Этот опыт мне в деле пригодится».

Полезно вот так запросто встретиться с людьми, которых побаиваешься. В такие моменты видишь, кто они на деле. Так вот страх и рассеивается.

Рассуждая на подобные темы, он и не заметил, как оказался в своем районе. А вот и дом. Чилдэн расплатился с рикшей и поднялся на свой этаж.

Там, в холле, сидел незнакомый ему человек. Белый, в плаще. Сидел на диванчике и читал газету. Роберт Чилдэн ошеломленно застыл перед ним, человек обнаружил его присутствие, сложил газету, лениво встал и полез в нагрудный карман пиджака. Достал удостоверение и показал его.

— Кемпентай.

Буратино из государственной полиции Сакраменто. Той, что управляется оккупационными властями. Что за кошмар?!

— Мистер Чилдэн?

— Да, сэр, — ответил Чилдэн, и сердце его замерло.

— Какое-то время назад… — начал визитер, перебирая бумаги, которые он извлек из портфеля, — какое-то время назад вас посетил некий белый человек, назвавшийся поверенным офицером Имперского флота. Последующее дознание выявило, что его слова не соответствуют истине.

На свете не существует ни такого корабля, ни такого поверенного. — Он взглянул на Чилдэна, ожидая подтверждения.

— Все так, — согласно кивнул тот.

— Кроме того, — продолжал полицейский, — нам сообщили о попытке вымогательства, имевшей место на Побережье. Расследование выявило, что в обоих случаях действовал один и тот же человек. Могли бы вы описать его внешность?

— Невысокого роста, смугловатый… — начал припоминать Чилдэн.

— Он еврей?!

— Да! — выпалил Чилдэн. — В самом деле, теперь я понял. В тот раз это мне почему-то не пришло в голову.

— Это он? — Человек из Кемпентая предъявил фотографию.

— Да, несомненно, — без малейших колебаний ответил Чилдэн, ошарашенный сыскными способностями полиции. — Но как вы его нашли? Заявления я не делал, только позвонил своему оптовику, Рэю Келвину, сказал ему, что…

Полицейский помахал бумагами, прерывая Чилдэна.

— У меня есть документ, который вам следует

подписать. Вот и все, что мне от вас нужно. В суде вам появляться не надо, подобные процедуры вполне обычны и дополнительного разбирательства не требуют. Вы подпишете, и на этом ваше участие в этой истории закончится. — Он протянул Чилдэну бумагу и ручку. — Здесь речь идет о том, что это лицо вас посетило и пыталось ввести в заблуждение, выдавая себя за другого человека. Ну и так далее. Прочтите. — Пока Чилдэн пробегал глазами строчки, полицейский взглянул на ручные часы. — Все верно?

По сути — да. У Чилдэна не было слишком много времени, чтобы изучить документ досконально, да и все, произошедшее за день, порядком его утомило. Но, собственно, какой тут мог быть подвох? Этот человек выдал себя за другого, имело место какое-то вымогательство, и, по словам человека из полиции, этот обманщик был евреем. Роберт Чилдэн еще раз взглянул на фотографию. Фрэнк Фринк. Финк — по рождению. Да, несомненно, еврей. Да еще и фамилия еврейская. А он ее еще и изменил. Сам, значит, понимал.

Чилдэн подписал бумагу.

— Благодарю, — произнес полицейский. Он собрал вещи, надел шляпу, пожелал Чилдэну спокойной ночи и ушел. Все дело заняло один миг.

«Они его прихватят, — подумал Чилдэн. — Кем бы он ни оказался».

Да, мы живем в обществе законности и порядка, в обществе, в котором евреям не удастся плести свои интриги, вовлекая в них беззащитных людей. Мы надежно защищены.

«Но почему же я сам не обратил внимание на то, кто он? — недоумевал Чилдэн. — Верно, меня легко провести».

Наверное, просто не удается постоянно быть настороже. И это делает человека беспомощным. Не было бы закона, все оказались бы в их власти. Этот тип мог убедить в чем угодно. Какая-то форма гипноза. Они могут управлять целым обществом.

«Пойду завтра и куплю *„Саранчу“*, — сказал себе Чилдэн. — Любопытно узнать, как живет мир под властью евреев и коммунистов. Мир, где Рейх лежит в руинах, а Япония стала провинцией России, простирающейся, верно, от Атлантического океана до Тихого. Вот интересно, этот тип, как его зовут? Автор предполагает войну между Америкой и Россией? Нет, интересная книга, — вздохнул Чилдэн. — Странно, отчего никто раньше не додумался такую написать?»

Подобные книги помогают осознать собствен-

ное везение. Несмотря на всяческие неудобства… могло быть еще хуже. В такой книге заключается великий моральный урок. Да, теперь у власти япошки, но мы все равно должны продолжить жить и строить. И великие свершения — такие, например, как колонизация планет — не пройдут мимо нас стороной.

Да, надо обязательно послушать новости по радио. Чилдэн включил приемник и уселся рядом. Может быть, избран уже новый рейхсканцлер. Чилдэн ощутил воодушевление. Хорошо бы избрали Зейсса-Инкварта, тот представляется наиболее динамичным. И начал бы претворять в жизнь самые смелые проекты.

Хотелось бы оказаться там… Когда-нибудь следует отправиться в Европу, чтобы поглядеть, как там идут дела. Стыдно их пропустить. Сколько можно торчать на Западном Побережье, где ничего не происходит. Так и история мимо пройдет.

ГЛАВА VIII

В восемь утра Барон Гуго Рейс, рейхсконсул в Сан-Франциско, захлопнул за собой дверцу «Мерседеса 220-Е» и взбежал по ступенькам консулата. За ним торопливо проследовали двое молодых сотрудников Министерства иностранных дел. Служащий консулата распахнул двери, Рейс вошел быстрым шагом внутрь помещения и направился к своему кабинету, по дороге вскидывая руку в приветствии, здороваясь с девушками у коммутатора, с вице-консулом Франком и, наконец, со своим секретарем герром Пфердхоффом.

— Барон, — обратился к нему секретарь, — пришла шифровка из Берлина. Гриф номер один.

«Номер один» означало высшую степень секретности.

Рейс скинул плащ и передал его секретарю, тот пристроил плащ на вешалке.

— И еще, — добавил секретарь. — Минут десять назад звонил герр Кройц фон Мейер. Перезвонит позже.

— Спасибо, — кивнул Рейс. Устроившись подле небольшого столика возле окна, он снял крышку с подноса, на котором был сервирован его зав-

трак: булочка, яичница и колбаса. Консул налил себе черного кофе из серебряного кофейника и раскрыл утреннюю газету.

Звонивший, Кройц фон Мейер, был шефом СД на всей территории Тихоокеанских Штатов, располагалась же его контора неподалеку от аэропорта. Ну, разумеется, под вымышленной вывеской. Отношения между Рейсом и фон Мейером отличались редкой стабильностью: они всегда были крайне натянутыми. Сферы их компетенции сильно перекрывались, что, несомненно, и было задумано чиновниками в Берлине. Рейс числился по ведомству СС и имел чин майора, формально это ставило его в положение, подчиненное к фон Мейеру. Казалось, этот чин — лишь дань формальностям, однако же за несколько лет службы консулом Рейс осознал последствия этой формальности. Но что он мог поделать? Ничего. Все равно сложившееся положение дел его сильно раздражало.

Газетой, доставленной ракетой «Люфтганзы» еще в шесть утра, была «Франкфуртер цайтунг». Рейс внимательно прочел первую полосу. Фон Ширах под домашним арестом, возможно — уже мертв. Плоховато. Геринг находится на учебной базе «Люфтваффе», в компании ветеранов войны,

лояльных ему. К Толстяку никто не доберется, никакой ловкач из СД. А что доктор Геббельс?

Похоже, в самом сердце Берлина. Полагается, как обычно, на собственную мудрость и умение поладить с кем угодно. «Что же, если Гейдрих пошлет к нему целый отряд, чтобы арестовать, — подумал Рейс, — то Маленький Доктор обсудит с пришедшими возникшую ситуацию, да так, что через полчаса все они будут уже на его стороне. Сделает из них правоверных сотрудников Министерства пропаганды и народного просвещения».

Рейс представил себе Геббельса, как тот как раз сейчас пребывает в апартаментах какой-нибудь сногсшибательной кинозвезды, глядит в окно на марширующие по берлинским улицам части Вермахта. Этого карлика ничем не проймешь. Улыбнется своей язвительной улыбочкой, продолжая одной рукой ласкать прелести кинодивы, а другой — срочно дописывать статью в…

Мысли Рейса прервал стук в дверь.

— Извините, шеф. — В дверях появился Пфердхофф. — Снова звонит Кройц фон Мейер.

— Рейс слушает, — сообщил консул, дойдя до своего рабочего стола и взяв трубку.

— Вам что-нибудь известно об этом типе из Абвера? — раздался в трубке густой голос мест-

ного начальника СД. Неприятный голос, да еще с таким могучим баварским акцентом…

Рейс сделал паузу, пытаясь сообразить, о чем идет речь.

— Хм… — Он так ничего и не понял. — Насколько мне известно, сейчас на Побережье находятся целых четыре агента Абвера. Или три…

— Речь о том, который на прошлой неделе прилетел из Берлина «Люфтганзой».

— О? — удивился Рейс, прижимая трубку плечом, а руками доставая из пачки сигарету. — Нет, он ко мне не заходил.

— А чем он занят?

— Боже, откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Я просил бы вас позвонить в Министерство иностранных дел и сказать им, чтобы они связались с Канцелярией и попросили бы Адмиралтейство, чтобы те заставили Абвер либо отозвать своих людей, либо дали нам их точные координаты.

— А почему бы вам самим этим не заняться?

— У нас тут полная неразбериха.

«Потеряли они этого парня из Абвера, — сообразил Рейс. — Кто-то из штаба Гейдриха попросил их за ним проследить, а они его потеряли. И те-

перь хотят, чтобы я помог им выпутаться».

— Если он придет ко мне, — пообещал Рейс, — то я пошлю кого-нибудь за ним следом. Можете на меня положиться. — Разумеется, маловероятно, чтобы тот зашел в консулат. Оба прекрасно это понимали.

— Несомненно, он живет здесь под чужой фамилией, — не мог угомониться фон Мейер. — Под какой — мы, понятное дело, не знаем. Выглядит этаким аристократом, лет сорока. Капитан. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Из этих монархических прусских семейств. Судя по всему, за ним стоит фон Паппен. — Рейс поудобнее устроился за столом и, покуривая, терпеливо дожидался, пока фон Мейер истощится. — Единственный выход, который я тут вижу, это урезать бюджет Военно-морских сил так, чтобы эти монархисты с кортиками не могли бы…

Наконец Рейсу удалось положить трубку. Вернулся к прерванному завтраку и обнаружил, что булочка уже остыла. Кофе, тем не менее, был еще теплым, консул налил себе еще чашку и продолжил чтение газеты.

Сосредоточиться, однако, не удалось. «Нет, этому конца не будет, — вздохнул консул. — Эти типы из СД покоя не знают, лишь бы только на

страже стоять. В три утра позвонить могут…»

В кабинет снова заглянул Пфердхофф и, обнаружив, что шеф кончил разговаривать по телефону, сообщил:

— Ужасно взволнованный звонок из Сакраменто. Сообщают, что по улицам Сан-Франциско разгуливает какой-то еврей!

Оба рассмеялись.

— Ладно, — махнул рукой Рейс. — Скажи им, чтобы успокоились и выслали нам соответствующие бумаги. Что еще?

— Вы прочли соболезнования?

— Их там много?

— Да нет, не очень. Если хотите, я принесу. Они у меня на столе. Ответы я уже разослал.

— Ах да, — вспомнил Рейс. — Мне же сегодня надо приветствовать каких-то бизнесменов. В час.

— Я напомню, — пообещал секретарь.

— Ну что же, хотите пари? — оживился консул, откинувшись в кресле.

— Только не по поводу преемника. Вы об этом?

— Им станет Вешатель.

— Но Гейдрих и так уже забрался выше некуда, — с сомнением отозвался Пфердхофф, чуть помедлив. — Таких людей все побаиваются, так

что вряд ли ему отдадут прямое руководство партией. У партийцев от одной этой мысли обмороки случатся. Коалиция составится за те двадцать пять минут, которые требуются, чтобы доехать на машине от здания на Принц-Альбертштрассе до… Эсэсовцы сойдутся со всеми крупными воротилами, вроде Круппа и Тиссена… — Секретарь замолчал, поскольку в кабинет вошел один из шифровальщиков с бумагой в руке.

Рейс протянул руку, и секретарь передал ему текст, полученный от шифровальщика.

Это была та самая утренняя радиограмма, только уже расшифрованная.

Закончив чтение, консул взглянул на секретаря и понял, что тот ожидает указаний. Рейс скомкал бумажку и сжег ее в большой керамическй пепельнице, стоявшей у него на столе.

— Сообщают, что к нам направляется некий японский генерал Тедеки. Вам придется пойти в Публичную библиотеку и раздобыть какой-нибудь официальный японский журнал, в котором может оказаться его фотография. Не привлекая к себе особенного внимания, разумеется. Не думаю, чтобы у нас уже был на него материал. — Консул встал и направился было к запертому шкафу, но передумал. — В общем, соберите всю возможную

информацию. В библиотеке она может оказаться… — И добавил: — Этот самый Тедеки пару лет назад был начальником штаба. Вы помните о нем что-нибудь?

— Так, мелочи какие-то, — принялся вспоминать Пфердхофф. — Драчун, дуэлянт, что ли. Сейчас ему должно быть уже около восьмидесяти. Помнится, был сторонником японской программы выхода в космос.

— Но не снискал… — кивнул Рейс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда, просто чтобы подлечиться, — предположил секретарь. — В госпитале университета подлечивается куча старых вояк. Тут же стоит немецкая аппаратура, какой в Японии и не видели, вот они сюда и зачастили. Втихую, понятно. Патриотизм. Мы можем просто договориться с кем-нибудь из клиники, чтобы за ним пронаблюдали.

Рейс кивнул. Старикан, впрочем, мог быть вовлечен и в коммерческие делишки, Сан-Франциско не самый последний город на свете для подобных вещей. Связи, оставшиеся у генерала со времени его службы, могли помочь ему и в отставке. Но в отставке ли он? В шифровке говорилось о генерале, а не об отставном генерале?

— Как только раздобудете фотографию, — про-

должил Рейс, — сразу размножьте и раздайте нашим людям в аэропорту и в порту. Но он мог давно уже оказаться здесь. Вы же знаете, как долго сюда идут сообщения.

Разумеется, если генерал окажется в Сан-Франциско, то Берлин незамедлительно устроит головомойку всему консулату. Тот, значит, должен был перехватить генерала по собственной инициативе — еще до получения приказа. Разумеется, ничего другого берлинцам в голову не придет.

— Я выставлю дату и время на шифровке, — угадал его мысли Пфердхофф. — Если возникнут проблемы, мы просто укажем им, когда была получена радиограмма.

— Конечно, — кивнул консул. Люди в Берлине были великими доками по части перекладывания собственной ответственности на чужие плечи. Но сколько же можно служить козлом отпущения? Слишком часто приходится.

— Может быть, подстраховаться сразу? — предложил он. — Отправить им ответ. Ну, например, такой: «Ваши инструкции запоздали. Упомянутая вами персона уже не находится в данном округе. Возможность успешного захвата на данный момент представляется маловероятной».

Пусть кто-нибудь приведет этот бред в дипломатическую форму, поднапустит вежливости и отправит. Понимаете?

Пфердхофф кивнул.

— Сразу и отправлю. И впишу число, когда это произошло. — Он вышел и закрыл за собой дверь.

«Да, тут зевать некогда, — подумал Рейс. — Иначе мигом окажешься консулом где-нибудь среди негров на островке возле Южной Африки. Заведешь себе черную няньку-любовницу, и десять или одиннадцать негритят будут звать тебя папулей».

Сев за небольшой столик, за которым он завтракал, Рейс закурил египетскую сигарету «Симон Артц», старательно закрыв и упрятав во внутренний карман металлическую коробку.

Похоже, теперь какое-то время его беспокоить не будут… Консул достал из портфеля книгу, заложенную на прерванном месте, раскрыл ее и углубился в чтение.

> «…Да и были ли в самом деле все эти прогулки по улицам, чей покой нарушают лишь тихо проскальзывающие мимо автомобили, существовали разве

когда-либо воскресные гуляния в утреннем Тиргартене? Было ли все это? Когда, в какой жизни? Мороженое… Кажется, можно вспомнить, ощутить на губах его вкус, вот только существовало ли оно когда-нибудь на свете? Сейчас они варят суп из крапивы и вполне довольны этим. „О господи! — закричал он. — Да остановятся они, наконец?“ Колонна громадных английских танков нескончаемо тянулась перед ним. И вот еще одно здание — многоквартирный дом это был или магазин, или офис? — рухнуло, превратилось в груду обломков. Там, под ними, погребены новые жертвы, обретшие покой даже без предсмертного крика. Смерть стелется повсюду, висит над живыми, ранеными, мертвыми, уже разложившимися телами. Весь Берлин превратился в смердящий труп, башенки с выбитыми окнами, словно с вытекшими очами, рассыпаются в прах, исчезают, не попрощавшись, — вот как это только что рухнувшее здание, некогда с тщанием и гордостью воздвигнутое людьми.

„Руки, руки, — понял мальчик, — на

них серый налет, пленка. Руки покрыты смертью: пылью раскрошившихся зданий, прахом мертвецов“. Он знал, что теперь смешалось все. Попытался оттереть грязь. Об этом он думал не слишком, его занимали другие мысли — если, конечно, мысли вообще возможны среди скрежета, грохота и воя бомб. Голод. Вот уже шесть дней, как он не ел ничего, кроме крапивы, а теперь кончилась и крапива. Пустырь, поросший сорняками, не существовал более: на его месте зияла гигантская воронка. К ее краю подошли и другие. Неясные, изможденные фигуры невесть откуда взявшихся людей. Постояли у края и исчезли. Женщина в повязанном по-старушечьи платке, седая, с пустой корзинкой в руке. Однорукий мужчина, глаза которого пусты, как эта корзина. Девушка. Растаяли за стволами поваленных деревьев, среди которых прятался Эрик.

А железная змея все ползла вперед…

„Да кончатся ли они когда-нибудь, — простонал мальчик, обращаясь неизвестно к кому. — И если да, то когда? Им же

надо набить свое брюхо, этим…“»

— Барон, — донесся до консула голос секретаря. — Извините, что прервал вас. Всего одно слово.

— Конечно. — Рейс торопливо вскочил и захлопнул книгу.

«Как же это люди могут так писать? — подумал он. — Он совершенно захватил меня. Ощущение полной реальности. Берлин пал, и в него входят английские танки… Все так, словно происходило на самом деле. Ужас…» Его передернуло.

Насколько все же невероятна сила вымысла, пусть даже потраченная на то, чтобы произвести впечатление на публику. Не удивительно, что эту книгу запретили на территории Рейха. «Я сам первым запретил бы ее, — подумал консул. — Жаль, что я вообще ее открыл. Но теперь делать нечего — надо дочитать до конца».

— Пришли моряки с германского судна, — сообщил секретарь. — Им надо у вас отметиться.

— Да, — вздохнул Рейс и прошел в дверь, ведшую в кабинет для официальных встреч. Там его ожидали трое моряков. Все одетые в грубые серые свитера. Белокурые, со строгими, немного нервозными лицами.

— Хайль Гитлер! — Рейс воздел в приветствии правую руку и дружески улыбнулся посетителям.

— Хайль Гитлер, — нестройно ответили они и принялись доставать свои бумаги.

Отметив морякам визы, консул немедленно вернулся в личные апартаменты, где сразу возобновил чтение *«Саранчи»*.

Потревоженный секретарем, он не заложил то место, на котором был прерван, и теперь, открыв книгу наудачу, наткнулся на имя посреди еще не читанной страницы: «Гитлер». Он не смог заставить себя листать назад и возобновил чтение прямо отсюда. Кровь мгновенно прилила к его голове.

Он понял, что описывается суд, суд над Гитлером. Сразу после окончания войны. Над Гитлером, над Геббельсом, над Герингом, над всеми остальными. В Мюнхене. Теперь, судя по всему, Гитлер должен был ответить на вопросы американского обвинителя.

> «…Словно бы ожил черный дух недавнего прошлого. Его дергающееся, полуразрушенное тело судорожно вздрогнуло, голова поднялась. Из губ, с которых

непрестанно стекала слюна, вырвался хрип, а потом — полушепот-полулай: „Германия, я здесь!“ По залу прокатилась волна шума, все они прижали к ушам наушники, напряженные лица русских, американцев, британцев и немцев казались похожими друг на друга. „Да, — подумал Карл. — Они снова разбили нас. И он снова стоит перед всем миром. Но они нас разбили, мало того — они разоблачили этого идола, этого недоделанного *сверхчеловека,* они показали всем, кто он на самом деле… Одно только…“»

— Барон?!

Рейс сообразил, что в кабинет снова зашел секретарь.

— Да занят же я! — Он раздраженно обернулся и захлопнул книгу. — Бог знает, удастся мне ее когда-нибудь дочитать?!

Нет, безнадежно.

— Еще одна шифровка из Берлина, — сказал Пфердхофф. — Я взглянул на нее, когда они принялись ее расшифровывать. Речь идет о политической ситуации.

— О чем же там речь? — пробормотал Рейс,

потирая лоб ладонью.

— Неожиданно для всех по радио выступил доктор Геббельс. Очень существенное выступление. — Пфердхофф был нешуточно возбужден. — Я полагаю, что мы должны получить полный текст и добиться, чтобы перевод появился в местных газетах.

— Да, да, — кивнул Рейс.

Едва только секретарь закрыл за собой дверь, как он немедленно возобновил чтение. «Ну еще немного прочту, — подумал он, — ничего, что решил больше не открывать…» Отыскал предыдущее место.

> «…В мертвой тишине Карл созерцал гроб, покрытый знаменем. Здесь он лежит и теперь ушел навсегда. И не вернется, даже если бы его возвращению помогали все силы ада. Этот человек или все же — сверхчеловек, которому Карл слепо следовал, которому слепо поклонялся… даже на краю могилы. Но Адольф Гитлер ушел, а Карл остается жить. „Нет, я не последую за ним, — прошептал ему разум. — Я живой, мне надо жить дальше. Мне надо восстановить все это. Мы восстановим.

Мы обязаны, и мы восстановим“.

Как далеко завела его магия Вождя… Но в чем же она состояла, если вспомнить все, что произошло? Его детство в провинциальном австрийском городке, убогую нищету жизни в Вене, кошмарные испытания в окопах Первой мировой, политические интриги, основание партии, канцлерство, то, что уже казалось мировым господством?

Карл знал, в чем состояла эта магия. В блефе. Адольф Гитлер лгал им. Лгал и вел за собой, изредка пустые обещания. Ничего, *еще не поздно.* Мы увидели, что ты блефовал, блефовал, блефовал, Адольф Гитлер! И теперь хотя бы мы поняли, кто ты такой. И что такое твоя партия, и чем оказалась твоя эпоха — эпохой убийств и человеконенавистнических фантазий.

Повернувшись, Карл пошел прочь от гроба…»

Рейс захлопнул книгу и какое-то время сидел не двигаясь. Неожиданно для себя он оказался совершенно подавленным. «Надо было надавить на японцев, чтобы они запретили эту книгу, —

подумал он. — Им бы это ничего не стоило. Да и арестовать этого Абендсена они могли. Власти у них тут хоть отбавляй».

Но подавленность его имела совсем другую причину. Смерть Адольфа Гитлера, поражение Германии, разгром партии, описанные в книге Абендсена… во всем этом крылось что-то куда более грандиозное, куда более торжественное и возвышенное, чем то, что произошло наяву. В том мире, где Германия правила…

«Как же такое может быть? — мучил себя вопросом Рейс. — Что же это — чисто писательские хитрости?»

Да, эти писатели знают массу разных уловок. Вот доктор Геббельс, он тоже начинал с сочинительства. Обращался к основным вожделениям, которых не избежать ни одному человеку — каким бы респектабельным снаружи тот ни казался. Романист знает, как устроен человек, понимает, насколько пусты все эти выдумки о воспитании и культуре, он знает, как жизнь человека управляется теми же половыми гормонами, той же алчностью. Он знает, на какую струнку воздействовать, лупит в свой барабан, и стадо толпой несется за ним. А он знай себе посмеивается над ними.

«Смотри-ка, как ловко он сыграл на моих чувствах?! — удивился консул. — Нет, не на интеллекте, а на чувствах».

И ведь это неплохо оплачивается, его читают все, а это неплохие денежки. Похоже, кто-то его надоумил, что именно писать. А такие как он напишут что угодно, если будут уверены, что им за это заплатят. Строчи что хочешь, а публика в это поверит, обсуждать примется. Где эту книгу опубликовали? Омаха, штат Небраска. Последний бастион бывшей американской плутократической печатной индустрии, некогда располагавшейся в самой середке Нью-Йорка, поддерживаемой жидовским и коммунистическим золотом.

А ну как этот Абендсен сам еврей?

И он продолжает оставаться среди нас и продолжает нас отравлять своими *жидовскими выдумками.* Консул положил оба томика своего экземпляра *«Саранчи»* друг на друга. Абендштайн его фамилия, Абендштайн… СД должно им заняться.

Кто-то из них должен навестить этого Абендсена. Интересно, не получал ли на этот счет инструкций фон Мейер? Похоже, что нет. Учитывая тем более всю эту неразбериху в Берлине. Но

книга опасна, очень опасна.

Как, верно, расстроятся все его почитатели, когда в одно прекрасное утро Абендсена обнаружат висящим под потолком его кабинета. Мы бы сказали свое последнее слово. Это был бы наш постскриптум.

Но сделать это должен, конечно, белый человек. Интересно, что нынче поделывает старина Скорцени?

Рейс еще раз взглянул на сведения об авторе, помещенные на задней стороне обложки. Забаррикадировался. Живет в неприступном замке. Конечно, дураков нет. Любому, кто туда сунется, непоздоровится.

Может быть, все это напрасно. Книга уже напечатана. Поздно. И потом, эта территория контролируется японцами, а уж эти желтокожие малютки подымут такой шум…

Тем не менее если все сделать тихо… если взяться с умом?

Барон Гуго Рейс сделал пометку в еженедельнике: «Связаться с генералом СС Отто Скорцени или с Отто Олендорфом». Кажется, именно Олендорф руководит штурмовой группой «Д»?

Но тут, совершенно неожиданно, консулу сделалось дурно. «Да что же это, — подумал он, —

опять заново все? Казалось, с войной покончено. И мы сами думали, что она закончена, а потом африканское фиаско и этот безумец Зейсс-Инкварт, претворяющий в жизнь проекты Розенберга…»

Нет, этот самый герр Хоуп сто раз прав. Прав, когда шутил о том, что мы обнаружили, будто Марс заселен одними евреями. Мы их там непременно обнаружим. И именно такими — двухголовыми и ростом в тридцать сантиметров.

Дело консула — заниматься рутиной. У него нет времени посылать десантников к Абендсену. Ему надо приветствовать немецких моряков и отвечать на депеши. Пусть там, наверху, занимаются всем остальным, это их дело.

«И то сказать, — решил он, — затей я все это, и неизвестно, чем бы все кончилось. Где бы я в результате оказался — в Охранном отделении или в камере, заполненной „Циклоном Б“».

Поразмыслив, он вычеркнул запись в еженедельнике. Но даже это его не успокоило, он вырвал страничку и сжег ее в своей большой пепельнице.

Постучав, вошел Пфердхофф с ворохом бумаг.

— Вот речь доктора Геббельса. Полностью. — Секретарь положил кипу на стол. — Обязательно прочтите. Очень хорошая речь. Возможно, даже

из лучших.

Закурив очередную сигарету фирмы «Симон Артц», Рейс погрузился в чтение речи.

ГЛАВА IX

Скучая на своем посту возле кассового аппарата, Роберт Чилдэн увидел, что в его магазине появился посетитель: высокий и тощий темноволосый человек. Одет он был в слегка вышедший из моды костюм, а в руке держал большую плетеную корзину. Продавец? Но странно, никакой приветливой улыбки на своем лице он не изобразил, напротив — выглядел угрюмо. Ему бы больше подошло работать электриком или водопроводчиком.

— Кого вы представляете? — осведомился Чилдэн, закончив возиться у кассы.

— Ювелирные изделия ЭДФРЭНК, — ответил тот. И водрузил свою корзину на один из прилавков.

— Никогда о такой фирме не слышал. — Чилдэн принялся следить за тем, как посетитель неловким движением пытается открыть корзину.

— Ручная работа. Каждый предмет — совершенно уникален. Оригинальные разработки. Чистый металл. Медь, латунь, бронза, серебро. Даже вороненое железо, — бормотал посетитель, продолжая возиться с корзинкой.

Наконец крышка ему поддалась. Чилдэн заглянул внутрь. Металл на черном бархате. Что же, своеобразно.

— Нет, это не по моей части, — покачал головой.

— Вы видите произведения современного американского искусства, — заявил продавец.

Чилдэн пожал плечами и вернулся к кассе.

Взглянув через какое-то время на торговца, он обнаружил, что тот вовсе не собирается уходить, а, наоборот, ковыряется в корзине, пытаясь достать оттуда панель. Или, наоборот, пытается запихнуть ее внутрь. Руки у него явно дрожали. Чилдэн поглядывал на него, одновременно раздумывая о собственных делах. На два часа назначена встреча, куда надо явиться с парой старинных чашек. В три — университет обещал прислать результаты очередной экспертизы: в последнее время Чилдэн регулярно этим занимался. Со времен того сорок четвертого кольта.

— Но они ничем не покрыты! — произнес вдруг мужчина, протягивая в его сторону какой-то браслет. — Чистая медь!

Чилдэн кивнул и ничего не сказал. Ничего, посетитель тут покрутится да и уйдет в конце концов.

Зазвонил телефон, Чилдэн поднял трубку. У него осведомились о состоянии старинного кресла-качалки, которое — по просьбе звонившего клиента — Чилдэн отправлял в починку. Кресло еще не отремонтировали, так что пришлось выкручиваться, но выкрутиться удалось, сочинив более или менее правдоподобную историю. Улещивая клиента, Чилдэн поглядел на улицу. Клиент наконец успокоился, и разговор был окончен.

«Хотя бы в том, что кресло настоящее, сомнений нет», — недовольно пробурчал про себя Чилдэн, кладя трубку. История с культом порядком истрепала ему нервы, да и повлекла за собой не очень-то приятные последствия. Теперь Чилдэн не мог уже глядеть на собственные владения с прежним оттенком внутренней почтительности. Один нелепый случай… увы, он принес свои грустные плоды. Как бывает с детскими впечатлениями: реальность что-то подпортила, самую малость, — все, иллюзия разбита. «Да и с другой стороны, если посмотреть, — задумался Чилдэн, — во всем этом деле обнаруживается настоящая связь с детством. Здесь же участвует не только история Америки, но и история личная. Такое ощущение от этой подделки, что словно бы

поддельным оказалось твое собственное свидетельство о рождении. Или как если бы оказалось, что твой отец выглядел совершенно не так, как ты его себе представляешь».

«Или по-другому. Знаю ли я по-настоящему Франклина Делано Рузвельта? А ну как мне кажется, что я его знал, и было у меня собственное мнение о нем, а на деле — не было никакого своего мнения, а образ сформировался по чужим рассказам. Как миф о Гайавате. Или как если бы тебе сказали, что вот за этим столом обедал сам Авраам Линкольн. Этим серебряным ножом пользовался, этой вилкой ел. Кто это видел и знает? А факт вроде бы существует…»

Человек за соседним прилавком продолжал возиться со своим барахлом и, вытаскивая все же свое панно, снова пробурчал:

— Мы можем делать вещи и на заказ. Если у ваших клиентов есть желание иметь что-либо, чего нет ни у кого. И если они знают, что они хотят иметь. — Голос его звучал очень странно. Наконец он прокашлялся и замер в какой-то оторопи, переводя взгляд с Чилдэна на безделушку, которую держал в руке, и обратно.

Чилдэн улыбнулся, но ничего не ответил.

«Не мое все это дело. Как пришел, так пусть и

уходит. И чего он в коммивояжеры полез? Это же не жизнь, а сплошные мучения. Вот мне, например, — Чилдэн поморщился, — что ни день, так приходится быть готовым получать нагоняи от всяких там Тагоми. Он всего лишь фамилию неправильно произнесет, а мне уже и подзатыльник».

И тут он наконец сообразил. Да ведь этот парень просто-напросто не имеет никакого опыта. Это же видно. Он же принес свои работы. Взять что-нибудь на комиссию? Попробовать?

— Эй! — окликнул он продавца.

Тот быстро оглянулся.

— Вы болтаетесь здесь уже полчаса, — сказал Чилдэн, подойдя к нему и скрестив на груди руки. — Хорошо. Можете показать мне ваши вещички, но я ничего не обещаю. На этом прилавке разложите. Сдвиньте галстуки в сторону. — Он указал, на каком именно.

Человек кивнул и кинулся расчищать место для своих творений. Снова открыл корзину и принялся вытаскивать панели.

«Он тут сейчас весь свой арсенал разложит, — хмыкнул про себя Чилдэн. — Час на это угрохает, не меньше. Будет на меня поглядывать каждую секунду. Надеясь. Умоляя. Каждый мой взгляд в

свою сторону ловить примется: заинтересовался я или не заинтересовался?»

— Когда вы подготовитесь, — добавил он, — я, может быть, и взгляну. Если не буду слишком занят.

Человек лихорадочно принялся за дело — будто ужалил его кто.

Тут в магазине появилось еще несколько посетителей, и какое-то время Чилдэн занимался исключительно ими, о торговце позабыл. Тот вроде уловил ситуацию, успокоился и занимался своим делом уже без суеты. Чилдэн продал мисочку для бритья, взял задаток за афганский ковер и почти было продал вязаный шерстяной платок. Через какое-то время посетители иссякли. Он вновь обнаружил себя наедине с незнакомцем.

Чилдэн подошел к нему и, закурив «Страну улыбок», принялся покачиваться с каблуков на носки, напевая что-то в такт дыханию. Визитер стоял молча.

— Мне вот эта нравится, — сказал наконец Чилдэн, — указывая на одну из заколок.

— Очень хорошая вещь, — мгновенно затараторил продавец. — Ни единой царапинки не увидите. Все отполировано и не потускнеет. Мы покрываем их специальным пластиковым

лаком, это — на годы. Сам лак — из последних промышленных разработок. Лучший на сегодня.

Чилдэн молча кивнул.

— Мы ведь что сделали, — продолжил посетитель, — мы применили в ювелирном деле существующие промышленные методы и технологии. Насколько мне известно, до такого еще никто не додумался. Никакого литья в форме. Сварка и плазменная обработка. — Он сделал паузу и добавил: — Все — вручную.

Чилдэн взял в руку браслет. Еще один. Заколку. Еще одну заколку. Подержал, будто оценивая на вес, и отложил в сторону.

Лицо продавца исказилось от выступившей на нем надежды.

— И еще вот это, — добавил Чилдэн, изучая прикрепленную к ожерелью этикетку. — А это что такое?

— Тут цена. Но вы платите только половину. А если, скажем, покупаете больше чем на сто долларов, то скидка еще на два процента.

Чилдэн отложил еще несколько вещей. После каждого следующего раза возбуждение продавца возрастало, он говорил все быстрее, все сбивчивее, повторялся, изрекал совершенно уже бессмысленные глупости, бубнил и бубнил. «Он

думает, что я все это покупаю», — отлично понимал Чилдэн, не отказывая себе в удовольствии продлить игру. Выражение его лица оставалось совершенно бесстрастным.

— Да, вы отобрали лучшие вещи, — удивился тот, когда Чилдэн закончив, взяв напоследок еще и большую подвеску. — Самые лучшие. — Он засмеялся. — У вас в самом деле хороший вкус.

Глаза визитера забегали по прилавку — он явно пытался сосчитать в уме стоимость товара, который прибрал к рукам Чилдэн.

— В отношении вещей, спрос на которые невозможно предугадать, существует общепринятая практика, — промолвил наконец Чилдэн. — Прием на комиссию. И это единственный взаимоприемлемый вариант.

Какое-то время продавец не мог сообразить, что именно имел в виду Чилдэн. Замолк и уставился в одну точку.

Чилдэн ободряюще улыбнулся ему.

— Так вы оставляете или нет?

— Комиссия, — пробормотал тот запоздалым эхом. — То есть я вам оставляю, а вы платите, когда…

— Да. И вы получаете две трети от продажной цены. Видите, вам так даже выгоднее, разве что

придется подождать… — Чилдэн пожал плечами. — Дело, конечно, ваше. Но я могу предоставить вам одну из витрин. Если дела пойдут, то в будущем возможна и непосредственная покупка. Через месяц-другой, скажем. Следующая партия.

«Похоже, — сообразил Чилдэн, — он выложил абсолютно все, что успел сделать… Ну да ладно, но ему придется потратить еще час, чтобы упаковать свои сокровища обратно. Чтобы нести куда-нибудь еще».

Повисла тишина.

— Вы хотели бы оставить, — нарушил ее наконец продавец очень тихим голосом, — вы хотели бы оставить именно то, что отложили в сторону?

— Да. Я позволю вам их оставить. Я выдам вам квитанцию, в которой будет указано, что именно взял у вас. — Он отошел в угол магазина к столу, в котором лежали бланки. — Вы, разумеется, понимаете, что при комиссионной продаже магазин не берет на себя ответственность в случае повреждения или пропажи отдельных экземпляров?

Достав бланк, он пошел обратно к посетителю. Конечно, это общее правило, что магазин не обязан отчитываться, если что-либо пропадет. «Если при возврате чего-то недосчитываются, значит, это украли, — сформулировал зачем-то для себя

Чилдэн. — Так принято. Особенно что касается мелких изделий. Ювелирных, например».

Чилдэн не проигрывал по-любому. Вкладывать в это дело ему ничего не надо, платить тоже не надо. Если эти штуковины пойдут — у него будет прибыль, а нет — он их возвратит, вот и все. Когда-нибудь, в неопределенные сроки.

Пересчитав вещицы, Чилдэн заполнил квитанцию. Заверил подписью и вручил продавцу.

— Позвоните мне примерно через месяц, — напутствовал он его на прощанье. — Узнаете, как идут ваши дела.

Взяв отобранные экземпляры, он направился в подсобку, оставив посетителя приводить в порядок и упаковывать сокровища.

«Не думаю, что он будет продолжать, — подумал Чилдэн по дороге. — Впрочем, никогда ничего не известно. Поэтому-то и стоит пробовать».

Вернувшись, он обнаружил, что гость уже собрался. Прилавок пуст, корзина висит на плече, а торговец что-то протягивает, как бы предлагал взглянуть.

— Что это? — удивился Чилдэн, который собирался просмотреть корреспонденцию.

— Наша визитная карточка. — Посетитель про-

тянул Чилдэну забавно выглядевший кусочек глянцевого картона с красными буквами. — «Ювелирные изделия ЭДФРЭНК». Там наш адрес и номер телефона. На случай, если вы захотите с нами связаться.

Чилдэн кивнул, незаметно улыбнулся и занялся своими делами.

Когда он снова взглянул по сторонам, то обнаружил, что магазин пуст. Ушел наконец.

Закинув в автомат пятицентовик, Чилдэн получил чашечку растворимого чая и принялся неторопливо его попивать.

«Интересно, как этот товар пойдет? — подумал он. — Не похоже, чтобы слишком хорошо. Но сделано-то неплохо. И в самом деле ничего такого раньше не появлялось». Он исследовал одну из заколок. Вполне оригинально. Никакой любительщины.

Надо изменить цены. Поставить гораздо большие. Подчеркнуть, что вещи — уникальны. Ручная работа. Мастерское исполнение. Маленькие шедевры. Произведения искусства, которые можно носить на руке, на лацкане.

Но Чилдэна не отпускала еще одна мысль. *С такими вещами никогда не возникает вопрос о подлинности.* А со всем его старьем подобная

проблема может возникнуть в любую минуту. А как возникнет, так и уничтожит весь рынок. Не сегодня, так завтра или чуть позже.

«Что ж, иногда и за двумя зайцами полезно погнаться», — рассудил он. Тот еврейский мошенник заявился к нему явно неспроста, вполне похоже на то, что он — предвестник краха рынка. А если заняться собиранием новых предметов, безо всякой там исторической ценности — настоящей или выдуманной, то можно оставить конкурентов далеко позади. И не стоит все это пока совершенно ничего…

Откинувшись на стуле так, что спинка уперлась в стену, Чилдэн потягивал чай и размышлял.

Изменяется момент. А раз так — надо изменяться вместе с моментом, а не то останешься на бобах.

«Закон выживания, — подумал он. — Держи ушки на макушке. Соображай, что происходит вокруг тебя. Учись у ситуации, чтобы встретить ее во всеоружии. Закон жизни прост — в *нужное время* надо сделать *правильный ход*|»

Будь податлив, культивируй в себе инь. На Востоке это отлично сознают. Маленький черный глаз инь…

И тут он сообразил! В самом деле, оба его убе-

гающих зайца! Чилдэн в совершенном восторге от своей идеи вскочил на ноги. Подскочил к отобранным им вещам: выбрать лучшее из украшений — какое? Заколку, браслет или кулон? Снять, разумеется, ярлычок с ценой, закрыть в два часа магазин — ему же все равно уходить — и проехаться после всех дел мимо дома, в котором живут Казуора. Поль, тот еще будет на службе, а вот Бетти *наверняка окажется дома.*

Сделать ей подарок… маленькое произведение искусства современной Америки. «Проявление внимания с моей стороны, — прикидывал Чилдэн, — для поддержания хороших отношений…» И в то же время — новая линия в их отношениях. И еще — если расхвалить вещь, то, кто знает, может быть и новая мода? В «Американских шедеврах» богатый выбор подобных вещей, заглядывайте к нам почаще. А вот это, Бетти, лично вам.

Он затрепетал, представив сцену: она и он, среди бела дня, наедине. Муж на работе. И предлог — прекрасный.

Двое и никого, кроме них!

Взяв маленькую коробочку, оберточную бумагу и цветную ленту, Чилдэн принялся собирать подарок для миссис Казуора.

Смуглая очаровательная женщина в своем

шелковом наряде, на высоких каблуках… Или же сегодня она окажется в голубом костюмчике-пижамке в стиле кули, легком и не стесняющем движений?

— Ох… — только и смог выдохнуть Чилдэн.

Или же это слишком грубо? Поль разнюхает, возмутится. Прервет все отношения. Наверное, не стоит торопиться. Передать подарок *через него,* зайти к нему в офис. Рассказать ту же самую историю и передать подарок. «Тогда никаких подозрений, — прикинул Чилдэн. — А я на следующий день позвоню и узнаю, понравилось ли ей самой».

И тогда это сблизит их еще больше!

Когда Фрэнк Фринк увидел наконец своего подельника бредущим по тротуару, он сразу понял, что дело — швах.

— Что стряслось? — спросил он, забирая у Эда корзину и втаскивая ее внутрь машины. — Тебя же не было полтора часа. Что, он так долго раздумывал, чтобы отказать?

— Он не отказал, — пробормотал Эд, забираясь на свое место. Выглядел он совершенно измочаленным.

— Так что же он тогда сделал? — Открыв корзину, Фринк увидел, что бблыиая часть изделий

отсутствовала. Причем лучших. — Он все это забрал? Что с тобой?

— Комиссия, — только и смог выдохнуть Эд.

— Как? — Фринк оторопел. — Ты ему позволил? Но мы же договорились, что…

— Не знаю, как это вышло.

— О господи… — выдохнул Фринк.

— Извини. Понимаешь, он повел себя так, будто покупает. Выбирал, рассматривал, откладывал в сторону. Я был совершенно уверен, что он их покупает.

И они надолго замолчали, недвижно сидя в кабине грузовичка.

ГЛАВА X

Две недели в Сан-Франциско обернулись для мистера Бэйнса полным кошмаром. Каждый день ровно в полдень он звонил из своего отеля в Промышленные Миссии с тем, чтобы задать единственный вопрос: прибыл ли пожилой господин из Токио? Ответы не отличались разнообразием. Нет. Зато голос мистера Тагоми с каждым разом становился все более официальным. Собираясь позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс, вздохнув, подумал о том, что скоро ему просто ответят, что мистера Тагоми нет на месте. И что вообще он просил его с мистером Бэйнсом не соединять. Тем дело и кончится.

Но что же произошло? Где мистер Ятабе?

Конечно, объяснение тут было единственное. Все перепутала смерть Мартина Бормана. Планы Токио мгновенно изменились, и мистер Ятабе, находившийся в дороге сюда, повернул обратно. Обратно на Острова Родины. Либо насовсем, либо для дальнейших консультаций.

«Какая неудача… — тяжело вздохнул Бэйнс. — Не оказалась бы она роковой…»

Но у него выбора нет, Сан-Франциско он по-

кинуть не может. Он должен оставаться здесь, всякий день звонить в Миссии и дожидаться японца. Сорокапятиминутный полет на «Люфтганзе» и двухнедельное ожидание… Какое нелепое время. Умеем путешествовать даже на другие планеты, а… А другие тем временем обделывают свои делишки. Не сидят беспомощно, чего-то дожидаясь.

Мистер Бэйнс развернул утренний выпуск «Ниппон таймс» и еще раз перечитал заголовки.

ДОКТОР
ГЕББЕЛЬС НАЗНАЧЕН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ

Неожиданное разрешение проблемы Партийным Комитетом. Внушительное выступление по радио. Толпы в Берлине ликуют. Геринг может стать шефом полиции, подчинив себе Гейдриха.

Бейнс еще раз перечитал первую полосу. Снова отложил газету, еще раз вздохнул и набрал номер Промышленных Миссий.

— Здесь мистер Бэйнс. Попросите, пожалуйста, мистера Тагоми.

— Один момент, сэр.

Очень долгий «момент»…

— Тагоми слушает.

Мистер Бэйнс снова тяжело вздохнул и произнес:

— Прошу простить меня, мистер Тагоми, но эта ситуация равно угнетает нас обоих…

— Ох, мистер Бэйнс…

— Ваши внимательность и такт, проявляемые ко мне, невозможно переоценить. Надеюсь, в ближайшее время вам станут понятны причины происходящего, заставляющие меня откладывать беседы с вами до прибытия пожилого господина…

— К сожалению, он еще не прибыл.

— Я подумал, может быть, вчера… — Бэйнс в отчаянии закрыл глаза.

— Увы, сэр. — Крайне холодная вежливость. — Прошу прощения, мистер Бэйнс, я занят неотложными делами.

— Всего доброго, сэр.

Тагоми положил трубку. В этот раз он даже не попрощался. Бэйнс тоже положил трубку на рычаг.

Надо что-то предпринимать. Дальше ждать невозможно.

Его начальство категорически настаивало на недопустимости каких-либо контактов с Абве-

ром. Ему полагалось ждать, пока не установится контакт с японским военным представителем. Он должен с ним связаться, после чего возвратиться в Берлин. Но кто же мог предвидеть, что Борман умрет именно сейчас? Иными словами…

Надо пересмотреть план. Привести его в соответствие с реалиями момента. И делать это придется самому, потому что проконсультироваться не с кем.

В ТША находилось по меньшей мере десять агентов Абвера, однако некоторые из них — если не все — были известны местному СД и его региональному шефу Кройцу фон Мейеру. Несколько лет назад Бэйнс встретил фон Мейера на каком-то партийном собрании. Тот уже в ту пору обладал совершенно определенной репутацией, тем более — принимая во внимание, что именно ему посчастливилось раскрыть в сорок третьем году британско-чешский заговор против Рейнхарда Гейдриха. Иными словами, он спас Вешателю жизнь. В любом случае фон Мейер сделался достаточно видным деятелем СД, и к простым полицейским чинушам отнести его было нельзя.

Да и человеком он был весьма опасным.

Оставалась вероятность и того, что, несмотря на все предосторожности, принятые обеими

сторонами — Абвером в Берлине и Токкокой в Токио, СД сумела пронюхать об условленной встрече. Вот этой, в Сан-Франциско, под прикрытием Промышленных Миссий. Но все равно эта область мира контролировалась японской администрацией, и СД не имела официального права вмешиваться. Разумеется, они могли арестовать здесь подданого Германии, его самого, Бэйнса, например, с тем, чтобы вернуть на территорию Рейха. Но вряд ли им дозволено предпринимать что-либо против самой подобной встречи или же ограничивать действия подданных Японии.

По крайней мере, Бэйнс на это надеялся.

Но, разумеется, оставалась возможность того, что СД сумело перехватить пожилого господина по дороге из Токио в Сан-Франциско, тем более что этот человек из-за своего возраста не мог воспользоваться воздушным транспортом.

«Вот что мне надо сделать, — понял Бэйнс. — Надо выяснить у вышестоящих, дожидаться ли мне прибытия японца. Они-то знать должны. СД его перехватило или отозвало обратно в Токио — они должны знать».

Не лучше ли просто передать информацию мистеру Тагоми, чем возвращаться в Гэрманию несолоно хлебавши? В этом случае, по крайней

мере, останется шанс, что информация попадет в нужные руки. Пусть даже и не слишком подробный. Но… мистер Тагоми может только лишь выслушать, вот в чем беда… Выслушать, запомнить и, когда сможет отправиться в поездку на Острова Родины, передать эту информацию… кому-нибудь. Мистер же Ятабе вращается именно в тех сферах, где политику и делают. И он может не только выслушать, он может и говорить.

Но это все равно лучше, чем ничего. Слишком мало времени остается. Иначе ведь придется начинать все заново, снова со всей тщательностью и предосторожностями устанавливать контакт между группировками в Германии и Японии…

«Да уж, как бы все это поразило мистера Тагоми, — неожиданно пришло на ум Бэйнсу. — Вместо ожидаемой информации о литье под давлением получить такое…»

У Тагоми может произойти нервный срыв. Или же он может выболтать все, что услышит, своему окружению. Или напрочь все позабудет, уверив себя в том, что ничего такого и не слышал.

Просто откажется поверить. Встанет и выйдет из комнаты, едва речь зайдет о политике.

Да, он может все воспринять именно так. Заниматься такими делами не входит в его обязанно-

сти. Он, точнее, для такого не предназначен.

«Ему просто, — подумал Бэйнс. — Это не его дело. И он запросто может выйти из комнаты. Вот бы и мне было так же легко покончить со всем этим делом…»

Но все же Тагоми… он так не поступит. Да, он может закрыть глаза, заткнуть уши, сделать вид, что ничего не знает и не узнал. Забыть все слова, которые услышит. Но потом… позже… когда смысл сказанного начнет проникать в его мозг уже без помощи слов… Если бы сразу можно было объяснить ему так, без слов. Ему или любому другому, с кем удастся поговорить.

Бэйнс вышел из комнаты и спустился на лифте вниз. Выйдя на тротуар, попросил швейцара поймать ему рикшу. Вскоре энергично крутивший педали китаец уже вез его вдоль Маркет-стрит.

— Вот туда, — скомандовал Бэйнс, когда увидел известную ему примету. — Подруливай к тротуару.

Рикша затормозил неподалеку от пожарного гидранта. Бэйнс расплатился и отпустил возницу. Никто вроде бы за ним не следил. Бэйнс неторопливо прошел по тротуару. Смешался с толпой покупателей и вместе с ними вошел в помещение универмага «Фуга».

Внутри повсюду толпились покупатели. Продавщицы были по преимуществу белыми, кое-где виднелись и японцы: как правило — заведующие секциями. В помещении царили шум и гам.

Немного поплутав, мистер Бэйнс отыскал отдел готовой одежды. Остановился возле стеллажа с мужскими брюками и принялся изучать товары. Тут же возле него появился белый служащий.

— Я пришел, чтобы еще раз взглянуть на пару темно-коричневых брюк, шерстяных. Я их вчера уже приглядел, — сказал Бэйнс и, взглянув на продавца, добавил: — Нет, вчера я разговаривал не с вами. Тот был выше, с рыжими усами. Худощавый. У него на пиджаке была табличка с надписью «Ларри».

— А, — кивнул продавец. — Он обедает. Скоро вернется.

— Я пройду в примерочную и выясню, подходит ли мне эта пара, — сказал Бэйнс, прихватывая со стеллажа брюки.

— Разумеется, сэр. — Продавец указал ему на свободную примерочную и пошел обслуживать кого-то еще.

Бэйнс зашел внутрь и закрыл за собой дверь. Уселся на один из двух стульев и замер в ожидании.

Через пару минут в дверь постучали. Вошел невысокий японец средних лет.

— Вы не из нашего штата, сэр, — с порога обратился он к Бэйнсу. — Придется выяснить, как у вас обстоят дела с кредитом. Извините, можно ли взглянуть на вашу карточку?

Японец закрыл за собой дверь, а мистер Бэйнс достал бумажник и передал его японцу. Тот сел рядом и принялся исследовать содержимое. Обнаружил фотографию девушки.

— Очень красивая… — покачал головой.

— Моя дочка. Марта.

— Вот как? — удивился японец. — Мою дочь тоже зовут Марта. Она сейчас в Чикаго, совершенствуется в игре на фортепьяно.

— А моя, — продолжил Бэйнс, — замуж собралась.

Японец вернул фотографию и выжидательно взглянул на Бэйнса.

— Я нахожусь здесь уже в течение двух недель, — начал тот. — До сих пор никаких сведений о мистере Ятабе. Я хочу знать, что мне делать дальше. Ожидать ли по-прежнему его визита? А если нет, то как мне изменить план действий?

— Заходите завтра, после обеда. — Японец поднялся, Бэйнс последовал его примеру. — Всего

доброго.

— Всего доброго, — ответил Бэйнс, выходя из примерочной.

Он вернул брюки на стеллаж и выбрался из магазина.

«Что ж, это не заняло слишком много времени, — подумал он, двигаясь по запруженному пешеходами тротуару. — Но сумеет ли он получить нужную информацию? Успеет ли до завтра? Надо связаться с Берлином, передать вопрос, получить ответ. А еще — вся эта шифровка и расшифровка…»

Видимо, успеет.

Теперь Бэйнсу казалось, что на агента следовало выйти куда раньше. И обошлось бы без лишних переживаний. Никакого особенного риска он не ощутил, все прошло как по маслу. И заняло всего-то минут пять-шесть.

Бэйнс рассуждал обо всем этом, идя по тротуару и разглядывая витрины. Теперь он чувствовал себя куда лучше, чем утром. Остановился перед каким-то низкопробным кабаре, уставился на засиженные мухами фотографии. Женщины там оказались совершенно чудовищными, их груди более всего напоминали полусдувшиеся волейбольные мячи. Их вид неожиданно развеселил

Бэйнса, и он застрял у витрины, а мимо него знай себе сновали по своим делам озабоченные пешеходы.

Наконец-то он сделал хоть что-то!

Какое облегчение!

Удобно привалившись к дверце машины, Джулиана погрузилась в чтение *«Саранчи».* Рядом, выставив локоть в открытое окно, сидел Джо, небрежно держа руку на руле. К нижней губе его прилипла сигарета. Водил он великолепно, так что они проделали уже бóльшую часть пути от Каньон-сити до Денвера.

В радиоприемнике громыхала назойливая музыка — того сорта, какая вечно играет в пивных на открытом воздухе: аккордеонисты наяривали бесконечные польки или шотландки — Джулиана никогда не была в состоянии отличить одно от другого.

— Халтура, — поморщился Джо, когда музыка наконец заткнулась. — Знаешь, я в музыке кумекаю немного… я тебе скажу, кто был самым великим дирижером. Ты такого, наверное, и не помнишь. Артуро Тосканини.

— Нет, не знаю, — помотала головой Джулиана, не отрываясь от чтения.

— Он был итальянец. Но нацисты из-за его

взглядов не дали ему после войны работать. Теперь он уже умер. А этого их Караяна я не люблю. Того, что все время руководит Нью-Йоркским филармоническим… нас водили на его концерты, весь рабочий поселок. А вот кто мне из композиторов нравится — мне, макароннику, — ты сама угадай. — Он взглянул на нее. — Что, зачиталась?

— Захватывает.

— Ну вот, а я люблю Верди и Пуччини. А в Нью-Йорке нас вечно пичкали этими немецкими ломовиками Вагнером и Орфом. И еще каждую неделю надо было ходить на дурацкие представления, которые партия устраивала в Мэдисон-сквер-гардене. С флагами, барабанами, горящими факелами и прочей ерундой. Постановки про историю готов и прочая воспитательная мура нараспев, вместо того чтобы рассказать человеческим языком. Но у них это называлось искусством. Ты Нью-Йорк до войны видела?

— Угу, — буркнула она, продолжая читать.

— Это правда, что там были шикарные театры? Я где-то об этом слышал. А сейчас с ними, как со всей киноиндустрией, — все в Берлине. За те тринадцать лет, что я провел в Нью-Йорке, там не было ни одной стоящей премьеры. Ни музы-

кальной, ни драматической, только это вот…

— Не мешай мне читать, — разозлилась Джулиана.

— И то же самое с издательствами, — не унимался Джо. — Теперь все это делается в Мюнхене. В Нью-Йорке только печатают. Одни только типографские станки работают, а ведь до войны Нью-Йорк был мировым центром книжного дела. Так, по крайней мере, считается.

Зажав уши руками, Джулиана попыталась с головой уйти в чтение и не слушать беспрерывно болтавшего спутника. Она добралась до той части *«Саранчи»*, в которой описывалось самое чудесное телевидение, и это совершенно очаровало ее, особенно место, где речь шла о маленьких и дешевых приемниках для неимущих в Азии и Африке.

> «…Только техническая смекалка янки и их производство, ориентированные на массовый выпуск любой продукции: в Детройте, в Кливленде, в Чикаго — что за волшебные названия! — только они могли исполнять эту гигантскую работу и организовывать поток однодолларовых (в китайских долларах) комплектов телеви-

зионных приемников в каждую деревню Африки, в самые что ни на есть медвежьи углы Востока. И когда этот комплект попадал в руки какому-нибудь сметливому юноше, измучившемуся в ожидании помощи, которую может предоставить Америка, тот собирал нехитрое устройство инструментами, также входившими в комплект, подсоединял небольшое — размером с мыльницу — устройство питания, и телевизор начинал работать. И что же он принимал, и что же появлялось на экране? Столпившиеся перед экраном обитатели деревни, стар и млад, они видели на экране слова. Инструкции. Как выкопать глубокий колодец. Как очистить воду. Как вылечить больных… Наверху, над всем миром, плыла искусственная американская луна, и она передавала, несла во все концы света помощь всем жаждущим… алчущим массам Востока…»

— Ты подряд читаешь, — спросил Джо, — или пролистываешь?

— Чудесно, — отозвалась Джулия. — Они посы-

лают миллионам азиатов не только советы, но еще и продукты.

— Да уж, — усмехнулся Джо, — воистину, благотворительность, не знающая границ.

— Именно. Новый курс президента Тагвела по повышению жизненного уровня масс. Вот послушай:

> «…Чем был Китай раньше? Жалким, нуждающимся краем, всем своим существом тянущийся к Западу. Его великий демократический Президент Чан Кай Ши провел страну через годы войны к Десятилетию Перестройки. Но для Китая это была не обычная перестройка, потому что бескрайняя страна и не была еще застроена по-настоящему, продолжая лежать в своем многовековом сне. Она была обязана проснуться, оглядеться и обнаружить, ощутить себя в современном мире с его реактивными самолетами и атомной энергией, автобанами, заводами и лекарствами. Откуда же раздался тот громовой удар, что пробудил наконец гиганта? Чанг знал об этом еще со времен войны с Японией. Из Америки, из Соединен-

ных Штатов. И в 1950 году американские техники и инженеры, учителя и врачи, агрономы… словно неизведанная ранее новая форма жизни, они появились в каждой провинции, в каждом уезде…»

— Ты понимаешь, что он сделал?! — прервал ее чтение вслух Джо. — Он же взял все лучшее, что было в нацизме, его социальную ориентацию, взял часть программы Организации Тодта и экономические выгоды, которые мы получили благодаря Шпееру. Вот он и новый курс Тагвела! А худшее — СС, расовые чистки, всякое такое — он в стороне оставил. Но это же чистой воды утопия! Ты полагаешь, если бы союзники выиграли, они смогли бы этот «новый курс» осуществить? Устроить весь этот подъем экономики, произвести все эти перемены? Как бы не так! Он же на деле рассуждает о форме государственного синдикализма, о корпоративном государстве — что-то вроде того, что имел в виду Дуче. И заявляет: вы бы имели все самое хорошее и ровным счетом ничего плохого.

— Дай мне дочитать, — огрызнулась Джулиана.

Он пожал плечами и принялся что-то бубнить,

но Джулиана не обращала на него внимания, вновь углубившись в книгу. Только читала теперь уже про себя.

«…И эти рынки, гигантские, ненасытные. По сути, именно китайцы и выстроили гигантские заводы в Детройте и Чикаго. Нужды огромной страны не удовлетворишь и в сто лет, за сотню лет не завалишь страну кирпичом, стальными слитками, одеждой, пишущими машинками, консервированной кукурузой, каплями от насморка. К шестидесятым годам американский рабочий стал жить лучше всех в мире, и все благодаря тому, что называлось „режим наибольшего благоприятствования“, которым обладала Америка в любых связях с Востоком. США увели свои войска из Японии, они никогда не оккупировали Китай, но тем не менее ни Кантон, ни Токио, ни Шанхай не покупали ничего у британцев, только у Америки. И с каждой такой покупкой американский работяга — из Балтимора или Лос-Анджелеса, из Атланты — становился еще богаче, клал в свой карман

еще один кусочек „просперити“, процветания.

В Белом доме уже думали, что цель достигнута: вскоре в небо взовьются исследовательские корабли — они взлетят к звездам и увидят оттуда Землю без ее вечных спутников: голода, болезней, войн, невежества. Подобные же действия Британии привели к подобному же изменению жизни в Индии, Бирме, Африке, на всем Среднем Востоке. Заводы Рура и Манчестера, Саара, нефть Баку… все складывалось, сплавлялось в сложной, но эффективнейшей гармонии, обитатели Европы были в восторге от того, что…»

— Думаю, они должны править миром, — сказала Джулиана, оторвавшись от книги. — Британцы всегда были лучше всех.

Джо ничего не ответил, хотя она и подождала его реакции. Не дождавшись, снова уткнулась в книгу.

«…Было реализовано наполеоновское предвидение: рациональная однородность различных этнических течений, разрывавших Европу начиная с послед-

них дней Древнего Рима. Реализовалась идея Карла Великого: христианство объединило вокруг себя весь мир и принесло миру гармонию. Но оставался еще один источник печали… Сингапур.

В малайских землях всегда жило множество китайцев. Большинство их принадлежало к деловым кругам, и именно эта деловая и процветающая буржуазная прослойка видела в американском администрировании Китая лучший вариант отношения к тем, кого называли туземцами. В странах же, находившихся под Британией, представители цветных рас были выключены из жизни общества. Их не допускали в клубы, в отели, в лучшие рестораны. В трамваях и поездах им приходилось ездить на специально отведенных местах. И, как в совсем давние времена, они были ограничены в выборе места жительства в городах. Все эти люди знали — по разговорам, из газет, — что в Америке подобного не существует уже с начала пятидесятых. Что белые и черные живут и работают вместе не только на Севере, но и в самых заброшенных дере-

веньках Юга. Вторая мировая покончила с расовой дискриминацией…»

— И что, тут все и началось? — спросила Джулиана.

Он кивнул, продолжая следить за дорогой.

— Расскажи, что там было дальше, — попросила она. — Скоро уже Денвер, мне дочитать не удастся. Так что же, Америка и Британия начинают воевать за то, чтобы управлять миром?

— В чем-то это неплохая книга, — произнес наконец Джо. — Он хорошо разработал некоторые детали: Тихий океан отходит Америке — точно так же, как у нас Восточная Азия оказывается зоной общих интересов и совместного процветания. Россию они делят. И так проходит лет десять. А потом, разумеется, начинаются проблемы.

— Почему «разумеется»?

— Как почему? — пожал плечами Джо. — Человеческая природа. Природа государства. Власти. Подозрительность, боязнь, алчность. Черчилль считает, что США преуменьшают значение Британии в Южной Азии, стараются его еще больше ослабить, привлекая на свою сторону китайское население, которое настроено совершенно проамерикански — учитывая опыт Чан Кай Ши. И что

начинают делать британцы? — Он усмехнулся. — Они организуют районы для интернированных. Концлагеря, говоря просто. Для тысяч нелояльно настроенных к Британии китайцев. Их обвиняют в саботаже и пропаганде. Черчилль настолько…

— Погоди, ты что же, говоришь о том, что он еще у власти? Но ему тогда уже должно быть лет девяносто?

— Вот в этом-то британская система Америку и уела! У тех же президенты меняются в крайнем случае через восемь лет. И неважно — хороший он или плохой. Восемь лет и — освобождай место. А Черчилль остается. После Тагвела у американцев не нашлось никого, кто мог бы сравниться с Уинстоном. Сплошные ничтожества, хлюпики. А Черчилль с возрастом становился все более властным. К шестидесятым годам он уже словно какой-нибудь древний властелин Центральной Азии. И никто не смеет перейти ему дорогу. У власти он уже двадцать лет…

— О господи… — пробормотала Джулиана и еще раз взглянула в книгу, чтобы удостовериться в правоте слов Джо.

— Вообще-то это правильно, — продолжил тот. — Черчилль был единственным толковым английским политиком за всю войну. Кто знает,

чем бы дело кончилось, если бы его не поперли. Но я так скажу: лидер не может быть лучше своего государства. Это нацистский «*принцип вождей»:* у народа тот вождь, какого он себе заслужил. В этом наци совершенно правы. Даже Абендсену не остается ничего другого, как это признать. А так… Разумеется, что Америка осуществила экономическую экспансию после победы над Японией — им перешел весь гигантский японский рынок в Азии. Но всего этого мало, это не дает духовности. И британцам ее было неоткуда взять. У них идеи не было, идеи. Эти страны порабощены плутократией, там всем деньги заправляют. Если бы они и в самом деле победили, то дальше бы стали думать только о том, как бы нажиться еще больше. Абендсен врет — не было бы никаких социальных реформ, не было бы никакой помощи слаборазвитым странам. Англосаксонские богатеи на это бы не пошли ни за что в жизни.

«Он рассуждает как настоящий фашист», — подумала Джулиана.

Джо, похоже, по выражению лица сообразил, о чем она думает. Замедлил ход машины, полуобернулся и взглянул на Джулиану.

— Послушай, я никакой не интеллектуал, фашизму такие не нужны. Все, что требуется в

жизни, — действовать. Сначала действие, а уж теории — потом. Они сами появятся, когда будет нужно. Что от нас требует наше корпоративное государство? Того, чтобы мы включались в ход истории. В общественные действия. Понимаешь? Джулиана, я тебе объясню, в чем тут дело. — Тон его стал почти умоляющим, чуть ли не просящим. — Пойми, все эти империи, выстроенные на золоте, они давно прогнили. И Британия, и Франция, и Америка, хотя та, конечно, просто сборище сукиных сынов, никакая не империя. Но все равно она тоже опирается на деньги. Души у них всех нет. Потому и будущего у них не было. Нет роста. А наци — да, это толпа уличных головорезов. Я согласен. Ты тоже?

Она едва не улыбнулась — его итальянская страсть к жестикуляции начинала брать верх над необходимостью разговаривать и вести машину.

— Абендсен рассуждает так, словно самым важным на свете могло быть то, кто именно победит: Америка или Британия!

Что за дерьмо! Какая в этом историчность? Одно отсюда взял, другое — оттуда. Понахватал кусков из разных мест и все склеил. Ты хоть читала, что писал Дуче? Это воистину вдохновенно. Он замечательный человек. Прекрасный писа-

тель. И он объясняет ту реальность, что стоит за всяким событием. Вот реальная причина войны: старое желает уничтожить ростки нового. Деньги — вот потому-то наци совершенно зря припутали сюда еще и еврейский вопрос, — деньги против коллективного духа масс, того, что немцы называют *Gemeinschaft* — народность. Коммунисты были близки к этой идее со своими *Советами.* Вот только они завязли имперскими амбициями в духе своего Петра Великого, поставили социальные преобразования на службу панславизму.

«Он говорит словно Муссолини, — подумала Джулиана. — Один к одному».

— Зверства нацистов — это трагедия, — сказал Джо и замолк, занятый обгоном какого-то грузовика. — Но за перемены всегда платит проигравший. Ничего в этом нет нового. Точно так же было и с французской революцией, точно так же, когда Кромвель выступил против ирландцев. Вот только у немцев в крови слишком много философии и слишком много театральности в характере. Все эти их шествия… а настоящего фашиста ты никогда не увидишь разглагольствующим. Он действует — как я. Ты поняла?

— Господи, — расхохоталась она. — Да ты же болтаешь со скоростью миля в минуту!

— Я же объясняю тебе фашистскую теорию действия! — заорал он в крайнем возбуждении.

Ответить Джулиана не могла, так все это нелепо и забавно выглядело.

Но сидевший рядом забавным положение не счел. Лицо его побагровело, вены на лбу набухли, казалось, его сейчас начнет трясти. Он снова запустил пятерню в волосы и принялся елозить по голове с таким остервенением, словно хотел содрать с себя скальп. Не говорил ни слова, только зло глядел на Джулиану.

— Не сердись на меня, ладно? — попросила она.

Мгновение ей казалось, что он вот-вот ее ударит, он даже отвел руку в сторону… Нет, он хмыкнул, протянул руку к приемнику и включил его.

Они ехали дальше. Из приемника лилась какая-то оркестровая музыка, шуршали помехи. Джулиана еще раз попыталась сосредоточиться на книге.

— Ты права, — сказал Джо после долгого молчания.

— В чем?

— Дважды битая Империя. И вождем в ней — клоун. Ничего удивительного, что после войны

мы получили кукиш с маслом.

Она похлопала его по руке.

— Джулиана, мы ведь живем словно в потемках, — сказал он. — Ты чувствуешь? Нет на свете ничего истинного, ничего надежного. Правда?

— Похоже на то, — отрывисто ответила она и продолжила читать.

— Британцы побеждают, — сказал Джо, обнаружив, что она снова взялась за чтение. — Сэкономлю тебе время. Америка клонится к упадку, британцы повсюду ее теснят, осуществляют экспансию, перехватывают инициативу. Вот тебе и вся история.

— Надеюсь, в Денвере нам будет весело, — произнесла она, захлопнув книгу. — Тебе отдохнуть надо. Хочу, чтобы ты отдохнул. «Если тебе не удастся это сделать, — подумала она, — ты просто разлетишься на тысячу кусочков. Взорвешься, как котел с паром. А что тогда со мной будет? Как я обратно доберусь? Или улизнуть от тебя сразу же? Но мне хочется обещанного праздника. Не хочу опять оказаться обманутой. Столько раз уже обманывали прежде. Кто угодно».

— Мы постараемся, чтобы нам было весело, — кивнул Джо. — Слушай… — Он замолчал, изучая ее… выражение его лица было каким-то стран-

ным. — Ты, похоже, слишком уж увлеклась этой книжкой, *«Саранчой»*… Как ты думаешь, человек вроде этого Абендсена… он письма получает? Ему же, наверное, многие пишут, книгу расхваливают, может быть, даже к нему ездят?

Она тут же поняла, что он имеет в виду.

— Джо! — Туда же всего сотня миль?!

Глаза обоих загорелись, Джо улыбнулся ей: он снова выглядел веселым, без тени тревоги на лице.

— Можем! — Джулиана хлопнула в ладоши. — Ты так прекрасно водишь, что для тебя эти сто миль!

— Да… — покачал головой Джо. — Но я не думаю, что к знаменитому человеку пускают всех подряд. Вряд ли.

— Но почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо в крайнем воодушевлении. — Ну, пошлет обратно, так что же? В самом крайнем случае. *Ну пожалуйста!*

— Но тогда нам сначала следует отправиться за покупками, — рассудительно произнес Джо. — Приодеться, привести себя в порядок… Ведь это важно — произвести хорошее впечатление. Наверное, нам даже стоит арендовать в Шайенне машину поприличней. А вообще-то я думаю, что

тебе удастся до него добраться.

— Конечно, — кивнула она. — А тебе надо подстричься. И еще я — я сама тебе одежду подберу. Ладно, Джо? Фрэнку я всегда сама все покупала, мужчины же в одежде ничего не смыслят.

— Да, вкус у тебя есть, — согласился он, вновь помрачнев и уставившись на дорогу. — Я даже думаю, что будет лучше, если ты ему и позвонишь. У тебя лучше получится. Договоришься.

— Только мне надо привести в порядок свои волосы, — сказала она.

— А в чем проблема?

— Думаешь, я испугаюсь подняться на крыльцо и нажать кнопку звонка? — пожала плечами Джулиана. — Живем-то лишь один раз, так зачем же в этой жизни трусить? Он ведь точно такой же человек, как мы. Он, наверное, даже рад будет увидеть людей, которые приехали к нему издалека, только для того, чтобы сказать, как им нравится его книга. Мы даже автограф у него взять можем. Так же все поступают. Только для этого надо купить новый экземпляр, а то этот слишком обтрепался. И показывать-то неприлично.

— Все что угодно, — кивнул Джо. — Насчет деталей решай сама. В этом ты лучше разбира-

ешься. И вообще, хорошенькие девчонки всегда добиваются всего, чего хотят. Как только он тебя увидит, так мигом двери распахнет. Но только без глупостей.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Я не хочу, чтобы ты впуталась с ним в историю… Понимаешь? Это все испортит. Будто какое-то вознаграждение за то, что он пустил внутрь. А мне за то, что привез к нему. Так что смотри, Джу…

— А ты, — поморщилась Джулиана, — ты можешь поспорить с ним. О том, где он пишет, что Италия предала остальных и потому война была проиграна, — скажи ему то, что говорил мне.

— Да, пожалуй, — кивнул Джо. — Эту главу я бы с ним обсудил.

Приближался Денвер.

В семь утра по Тихоокеанскому времени мистер Тагоми проснулся, бодро поднялся с постели и направился было в ванную, но передумал и первым делом взял в руки Оракула.

Устроившись на полу гостиной, он принялся манипулировать сорока девятью стебельками тысячелистника. Он чувствовал, что совет Оракула необходим ему как никогда, и в лихорадочной торопливости перебирал стебли, пока перед ним

не вырисовались все шесть линий.

О ужас! Гексаграмма пятьдесят один! «Чжень».

Бог проявляет себя, насылая на человека возбуждение, поражая его молнией.

Молния приходит, и воскликнешь: ого! А пройдет, и засмеешься: ха-ха!

Великий взрыв, лишающий слуха и зрения.

Повсюду снуют ящерицы и рычат тигры, а над ними — сам Бог!

«Что это означает? — мучительно размышлял Тагоми, бесцельно бродя по комнате. — Прибытие? Но кого? Зачем?»

Он остановился и прислушался. Нет, тихо. Если не считать его тяжелого дыхания и стука сердца. Но что-то происходит — тому порукой его состояние. Вырабатывается адреналин, часто стучит сердце, глаза слезятся, горло, похоже, парализовано. Спазмы в кишечнике, боль в гландах. Позывы к тошноте, мучительное ощущение в паху.

Но все же пока ничего не происходит. Бежать? Да, тело словно бы приготовилось к паническому бегству. «Куда и почему?» — спросил себя мистер Тагоми. Подсказки нет. Поэтому и некуда. Вот дилемма цивилизованного человека: тело моби-

лизовано, но опасность не видна.

Он направился в ванную, намылил лицо и собрался бриться.

Зазвонил телефон.

— Удар, — громко произнес он, откладывая бритву в сторону.

Вот оно. Тагоми кинулся в гостиную. «Я готов ко всему», — сказал он себе и поднял трубку.

— Тагоми слушает. — Голос оказался хриплым, и пришлось прокашляться.

Пауза, долгая пауза. А затем — слабый, сухой, шуршащий, словно опавшие листья, голос:

— Сэр, говорит Шиниро Ятабе. Я в Сан-Франциско.

— Приветствую вас от лица Промышленных Миссий, — автоматически ответил Тагоми. — Весьма рад услышать о вас. Хорошо ли вы перенесли путешествие?

— Вполне, мистер Тагоми. Когда мы можем встретиться?

— Очень скоро. Через полчаса. — Тагоми взглянул на часы в гостиной, пытаясь разглядеть, сколько те показывают. — Но третья сторона, мистер Бэйнс. Мне надо успеть уведомить и его. Возможна некоторая задержка, однако…

— Мы можем договориться о точном времени?

Скажем, ровно через два часа?

— Несомненно, — ответил Тагоми, машинально кланяясь.

— В вашем офисе, в здании «Ниппон таймс».

Мистер Тагоми поклонился снова.

Собеседник положил трубку.

«Надо обрадовать Бэйнса, — подумал Тагоми. — От счастья он взвизгнет, словно кот, которому под самую морду кинули жирный кусок лосося. Спинку, скажем, без косточек».

Он нажал на рычаг телефона, отпустил и тут же набрал номер отеля «Адхирати».

— Ожидание закончилось, — выпалил он, едва услышал полусонный ответ Бэйнса.

— Он здесь?! — Тот моментально проснулся.

— В моем офисе, — кратко сообщил Тагоми. — В двадцать минут одиннадцатого. Всего доброго.

Положив трубку, он ринулся добриваться. Позавтракать времени нет, но об этом надо будет договориться с мистером Рэймси. Пусть что-нибудь приготовит к часу, когда соберутся все официальные лица. «Не сомневаюсь, после столь длительного ожидания мы можем позволить себе немного перекусить», — подумал он, машинально планируя уже, что именно следует подать на завтрак.

«Какой ужас, — думал Бэйнс, стоя в пижаме возле телефона и потирая лоб. — Я не выдержал и пошел на связь с агентом. Всего один день…

Но, возможно, не произошло ничего страшного? Вот только сегодня придется еще раз зайти в тот магазин. Иначе что они подумают? Решат, что меня убили или что произошло еще что-нибудь в этом роде. Начнется цепная реакция, они примутся меня искать по всему городу…»

Неважно. Все это неважно. Он здесь. Наконец-то. Ожидание закончилось.

Бэйнс бросился в ванную и принялся торопливо бриться.

«Не сомневаюсь, что Тагоми моментально меня узнает, как только увидит, — подумал он. — И мы можем скинуть все наши маски. Какой там мистер Ятабе, какой еще мистер Бэйнс…»

Побрившись, он встал под душ. Вода шумела, а Бэйнс орал во всю силу своих легких:

Wer reitet so spät
Durch Nacht und den Wind?
Es ist der Vater

Mit seinem Kind.[2]

«СД уже ничего не успеет предпринять, — подумал он. — Не успеет. Пусть даже они меня и выследили. Так что по мелким поводам я могу уже не беспокоиться. Ну, например, о таких, как сохранность собственной шкуры».

А что до прочего — тут только все и начинается.

---

[2] Примечания: 2

Кто скачет, кто мчится
Под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
С ним сын молодой.

И. В. Гёте. «Лесной царь». (Пер. В. А. Жуковского.)

ГЛАВА XI

Для рейхсконсула в Сан-Франциско барона Гуго Рейса очередной рабочий день начался самым неприятным образом. Прибыв с утра на службу, консул обнаружил, что его уже ожидают. Крупный мужчина средних лет, с мощной челюстью и следами оспы на угрюмом и не слишком добром лице. Посетитель поднялся, вскинул руку в партийном приветствии и лениво пробормотал:

— Хай ль…

— Хайль, — ответил ему тем же Рейс и изобразил на лице приятную улыбку, одновременно застонав всей душой. — Я поражен, герр Кройц фон Мейер. В такую рань — и ко мне. В чем причина? — Консул отпер двери своего личного кабинета, раздумывая о том, куда подевался Пфердхофф, где вице-консул и кто, собственно, пустил внутрь шефа СД. Ну да что толку выяснять, все равно он тут. Никуда не денешься.

Тот, держа руки в карманах, проследовал в кабинет следом за Рейсом.

— Послушайте, барон, — начал визитер, — мы этого молодчика из Абвера застукали. Того самого Рудольфа Вегенера. Он объявился на

старой абверовской явке, мы ее под колпаком держали. — Кройц фон Мейер осклабился, продемонстрировав консулу невероятное количество золотых зубов. — И проследили до самой его гостиницы.

— Отлично, — кивнул консул, обнаружив, что на столе лежит свежая почта. Значит, секретарь где-то поблизости. А двери кабинета он запер, чтобы уберечь своего шефа от небольшого дружеского обыска.

— Все это — крайне важно, — продолжал фон Мейер. — Я уже проинформировал Кальтенбруннера. Дело высшей степени важности. Возможно, вас могут искать из Берлина. Звонок возможен в любую минуту, если, конечно, тамошние *дерьмоеды* не перепутают все на свете. — Шеф СД уселся на край рабочего стола консула, достал из кармана бумаги и принялся их разглядывать, шевеля при этом губами.

— Ну вот. — Кажется, фон Мейер нашел, что искал. — Здесь он находится под фамилией Бэйнс, изображает из себя шведского промышленника. Или торговца — он сам, похоже, не разобрался, кого именно изображает. В восемь утра с четвертью ему позвонил какой-то япошка из официальных и назначил встречу где-то у себя. Сейчас мы пы-

таемся выяснить, где именно. За полчаса, думаю, управимся. И тогда мы его перехватим по дороге.

— Да, — кивнул Рейс.

— Значит, мы его перехватываем, — продолжил фон Мейер. — И тогда на следующем же рейсе «Люфтганзы» я отправляю его обратно в Рейх. Разумеется, япошки или Сакраменто могут начать протестовать. Или даже попытаются заблокировать его вывоз. Примутся вам звонить. В самом деле, поднимут жуткий вой. Грузовик с людьми из Токкоки в аэропорт направят.

— А вы не можете сделать так, чтобы они не дознались до сути дела?

— Поздно. Он уже в пути. Перехватить, по правде, мы его можем только там. Войти, схватить и убежать.

— Не нравится мне это, — поморщился Рейс. — Похоже, что речь идет о каком-то официальном учреждении. Там ведь может оказаться и личный Представитель Императора в Сан-Франциско. Который день ходят слухи, что…

— Неважно, — перебил Кройц фон Мейер. — Он немец. И на него распространяются наши законы.

«Знаем мы эти законы», — подумал Рейс.

— У меня наготове десантники. Целый взвод, —

продолжил фон Мейер. — Ну, не взвод, а пять человек. Очень симпатичные ребятки. — Шеф СД хохотнул. — На скрипачей похожи. Удивительно одухотворенные лица. Ну, если на скрипачей не слишком похожи, то на студентов богословия — в любом случае. Их впустят. Японцы подумают, что к ним зашел струнный квартет…

— Квинтет, — машинально поправил консул.

— Да пусть квинтет. И одеты они вполне прилично. — Фон Мейер взглянул на консула. — Совсем как вы.

«Вот уж спасибо», — подумал консул.

— Их никто не задержит. И вот среди бела дня у всех на глазах они зайдут в кабинет, подойдут к этому самому Вегенеру, окружат и примутся с ним о чем-то страшно важном консультироваться, — продолжал бубнить фон Мейер, пока консул распечатывал почту. — Никакого насилия. Они ему просто скажут: «Герр Вегенер, очень срочное дело. Выйдемте с нами на минутку. Очень важно». И чуть-чуть поцарапают его маленькой иголочкой. Где-нибудь по позвоночнику. Раз, и все высшие нервные центры отключены.

Рейс кивнул.

— А вы меня слушаете?

— Слушаю, слушаю.

— И — на улицу. К машине. И прямиком в мою контору. Япошки всполошатся, но вести себя будут прилично. — Кройц фон Мейер спрыгнул со стола и принялся изображать, как кланяются японцы. — Ах, как это грубо с вашей стороны, герр Кройц фон Мейер, так разочаровывать нас… Но что мы можем поделать, если герра Вегенера внезапно позвали неотложные дела… всего доброго, герр Вегенер…

— Бэйнс, — хмуро перебил его Рейс. — Вы же сказали, что тут он живет под таким именем.

— Бэйнс. Всего доброго, мистер Бэйнс, какая жалость, что вам приходится так спешно покинуть нас… надеемся, в следующий раз ничто не нарушит ход наших столь успешных переговоров… — На столе консула затрезвонил телефон, шеф СД протянул руку к трубке. — Это могут звонить мне.

Рейс, однако, опередил его и поднял трубку сам.

— Рейс слушает.

— Консул, с вами говорят с коммутационного узла в Новой Шотландии, — произнес незнакомый голос. — Для вас срочный трансатлантический вызов из Берлина.

— Хорошо, — ответил Рейс.

— Подождите минуту, герр консул.

Тихое шуршание, щелчки, другой голос, женский:

— Канцелярия.

— Говорит коммутационный узел в Новой Шотландии. Вы вызывали консула Рейха Гуго Рейса из Сан-Франциско. Консул на связи.

— Подождите немного. — И снова долгая пауза, во время которой Рейс продолжал одной рукой перекладывать поступившую почту. Кройц фон Мейер глядел на него вполне равнодушными глазами.

— Простите, консул, что вас заставили так долго ждать. — В трубке раздался знакомый голос, и кровь в жилах Рейса мгновенно заледенела. Тщательно вышколенный баритон, мягкий переливающийся голос… — Доктор Геббельс?

— Да, канцлер.

Следивший за консулом шеф СД улыбнулся. Когда он улыбался, то даже челюсть у него не выглядела такой отвисшей.

— Меня попросил позвонить вам генерал Гейдрих. В Сан-Франциско обнаружился агент Абвера, которого зовут Рудольф Вегенер. Вам следует оказывать всемерную поддержку нашей службе безопасности во всем, что связано с этим

делом. У меня нет сейчас времени, чтобы изложить вам все детали и обстоятельства… просто предоставьте им в распоряжение свои службы.

— Я понял, герр канцлер, — ответил Рейс.

— Всего доброго, консул. — Рейхсканцлер положил трубку.

— Ну что, я был прав? — незамедлительно осведомился Кройц фон Мейер, изучая лицо консула, отошедшего от телефона.

— О чем тут спорить?

— Подпишите, будьте добры, требование о немедленном принудительном возвращении этого Вегенера в Германию.

Консул взял ручку, подписал и заверил требование печатью. Передал шефу СД.

— Благодарю, — произнес Кройц фон Мейер. — Теперь, когда японские представители примутся обрывать вам телефон своими требованиями и объяснениями…

— Если станут.

— Станут, — заверил его фон Мейер. — Еще как станут. Они окажутся у вас через пятнадцать минут после того, как мы умыкнем у них этого самого Вегенера. — Кройц фон Мейер оставил в покое все свои шутовские замашки.

— И, похоже, дело обойдется без струнного

квартета, — подпустил шпильку консул.

— Мы возьмем его нынче же утром, — не обратил внимания на укол фон Мейер. — Так что будьте готовы. Объясните им, что он педик, грабитель — кто угодно. Что его разыскивают за преступление, совершенное в Германии. Только не говорите, что по политической статье, вы же знаете, что они ни черта не смыслят в 96 процентах законов Рейха.

— Я знаю, как мне поступать, — поморщился Рейс. Он чувствовал себя в крайне подавленном состоянии духа. Снова с ним поступили как с мальчишкой. «Вечно они все решают через мою голову, — пожаловался он сам себе. — Как обычно. С Канцелярией связались, ублюдки».

Руки консула дрожали. В чем причина звонка от Геббельса? И почему дрожат руки? То ли из-за ущемления прав, то ли в страхе перед могуществом канцлера. Черт, эти полицаи с каждым днем все усиливаются, уже и Геббельса заставили на себя работать. Скоро весь Рейх к рукам приберут.

Но что тут поделаешь? Кто тут что может поделать?

«Не стоит нарываться, — подумал он. — Лучше сотрудничать. Не надо конфликтовать с этим

типом. Он, похоже, может отправить в отставку кого угодно».

— Вижу, — произнес консул, — что вы совершенно не преувеличивали важность данного дела, герр полицайфюрер. Сама безопасность Германии покоится на быстрых действиях вашего ведомства по обезвреживанию шпионов и предателей, кем бы они ни оказались. — Консулу самому было тошно слушать собственные слова.

— Благодарю вас, консул. — Кройц фон Мейер тем не менее выглядел весьма польщенным.

— Похоже, вы избавили нас от чего-то весьма опасного.

— Да, но мы его еще не сцапали, — мрачно возразил фон Мейер. — Давайте-ка подождем. Думаю, вот-вот позвонят…

— А как вести дела с японцами, я знаю, — продолжил консул. — На сей счет у меня богатый опыт, о котором вы осведомлены. Их жалобы…

— Не сбивайте меня, — буркнул фон Мейер. — Мне нужно кое-что обдумать.

Похоже, его обеспокоил звонок из Канцелярии. Кажется, только теперь он сообразил, насколько серьезно все это дело.

«А если этот парень улизнет, то тебе это может стоить работы… — не без злорадства подумал

консул. — Его работа, моя работа… кто из нас может чувствовать себя надежно? Все мы можем в один миг оказаться на улице».

А может быть, немножко испортить вам карьеру, герр полицайфюрер? Так, слегка, чтобы гонору поубавить? Сделать что-нибудь такое, что никогда не всплывет на поверхность. Ну, скажем, когда сюда заявятся япошки, косвенно подсказать им, на каком рейсе «Люфтганзы» будет отправлен этот парень… или просто отрицать все с такой наглостью, чтобы они поняли, что маленьких желтых человечков Рейх вообще за людей не считает? Их задеть легко, они обидчивы. До самого Геббельса с жалобами дойдут. А на кого все шишки потом повалятся? Не на консула, его дело тут — сторона…

«Ненавижу тех, кто обделывает делишки за моей спиной, — сказал себе барон Гуго Рейс. — Это доставляет мне массу неудобств, делает таким нервным, что не удается заснуть, а если не выспишься, то невозможно заниматься делами. Я бы чувствовал себя куда уютнее, если бы этого баварского плебея отправили домой… пусть себе строчит свои протоколы в каком-нибудь полицейском участке у черта на куличках…»

Беда в том, что *мало времени.* Пока пытаешься

понять, как поступить…

Зазвонил телефон.

На этот раз первым возле аппарата оказался фон Мейер. Консул не стал препятствовать.

— Алло! — крикнул тот в трубку.

Замолчал, что-то выслушивал.

«Уже?» — подумал Рейс.

Но шеф местного СД передал трубку ему:

— Вас.

С тайным вздохом облегчения Рейс взял трубку.

— Какой-то школьный учитель, — успел пояснить ему Кройц фон Мейер. — Хочет выпросить у вас какие-то театральные австрийские афиши. Для своего класса.

Часов в одиннадцать утра Роберт Чилдэн закрыл магазин и пешком направился в офис мистера Казуора.

Поль, к счастью, занят не был. Он вежливо поприветствовал Чилдэна и предложил ему чаю.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал Чилдэн, когда они расположились с чашками. Офис Поля был невелик, но оформлен современно и изысканно. Чистые белые стены, и на одной из них гравюра Мокея. Тринадцатый век. Тигр.

— Вы же знаете, Роберт, я всегда рад вас ви-

деть, — ответил хозяин голосом, в котором, как показалось Чилдэну, присутствовал едва заметный оттенок отчужденности. Или равнодушия. Или так показалось. Чилдэн взглянул на Поля. Нет, он, как и прежде, выглядит совершенно доброжелательным. Но все же Чилдэн ощутил перемену.

— Ваша жена, — осторожно приступил он к делу, — несомненно, разочаровалась моим несуразным подарком. Боюсь, я обидел ее несовершенством своего вкуса. Но тем не менее — как я говорил вам уже в прошлый раз, — когда имеешь дело с чем-то новым, никогда заранее не знаешь, с чем имеешь дело. Разумеется, я говорю со своей точки зрения. С точки зрения торговца. Вы, несомненно, находитесь в положении, куда более благоприятном для вынесения точной оценки.

— Нет, — ответил Поль. — Она не разочаровалась. Я не передавал ей эту вещицу. — Покопавшись в ящике стола, он достал маленькую белую коробочку. — Вещь не покидала моего кабинета.

«Он все понял… — подумал Чилдэн. — Тонкий человек. Даже ей ничего не сказал. Вот так-то… остается только надеяться, что он не примется бушевать и заявлять, что его жену пытались

соблазнить».

«Он же меня в порошок стереть может», — подумал Чилдэн, стараясь с тем же выражением безразличия на лице пить чай.

— Вот как, — ответил он мягко. — Занятно.

Поль открыл коробочку, достал оттуда брошку и принялся заново изучать. Подставлял под свет, вертел в руках.

— Я позволил себе показать эту вещь некоторым посетившим меня бизнесменам, — пояснил Казуора. — Людям, разделяющим мои вкусы в отношении к историческим предметам Америки, да и вообще — во всем, что касается искусства и эстетических пристрастий как таковых. — Он внимательно взглянул на Чилдэна. — Никто из них ничего подобного раньше не видел. Собственно, вы же объяснили, что до последнего времени никакого современного американского искусства не существовало. Думаю, вы сами отлично знаете, что являетесь, как посредник, его единственным представителем.

— Да, — кивнул Чилдэн.

— И знаете, какова была их реакция?

Чилдэн слегка поклонился.

— Они… — Казуора выдержал паузу, — они смеялись.

Его гость не проронил ни звука.

— Да я и сам смеялся в тот день, когда вы принесли мне эту вещь. Ну, конечно, чтобы не обидеть вас, я не проявил свои чувства явно и был относительно сдержан.

Чилдэн кивнул.

— Подобная реакция легко объяснима, — продолжал Поль, по-прежнему держа брошку в руках. — Это просто кусочек металла, который расплавили, вылили… и получили просто бесформенную отливку. Она ничего собой не представляет. Даже формы у этого куска металла нет. Он аморфен. Можно сказать даже так, что это содержание, избавившееся от формы.

Чилдэн снова кивнул.

— И все же я изучал этот предмет несколько дней, ощущая — без внятных на то причин — *определенную эмоциональную привязанность к этой вещи.* «Отчего же?» — спрашивал я себя. Нет, я даже не проецирую на эту металлическую кляксу собственные переживания, как поступают в немецких психологических тестах. И я по-прежнему не вижу тут ни линии, ни формы. Но эта вещица каким-то образом связана с дао. — Он взглянул на Чилдэна. — Вы понимаете? Она сбалансирована. Силы, блуждающие внутри этого

предмета, уравновешены, приведены в согласие друг с другом. Иными словами, эта вещица отыскала место во Вселенной, место, принадлежащее именно ей. А раз так, если она отделилась от универсума и находится в равновесии с ним, то у нее есть и форма. Именно та, которой она обладает.

Чилдэн, поглядывая на брошку, еще раз кивнул, но Поль не обращал на него внимания.

— В этой вещи нет, конечно, *ваби*, да и откуда оно могло там взяться. Но, — он коснулся брошки ногтем, — там присутствует нечто другое. Роберт, в этой вещи есть *ву*.

— Думаю, что так оно и есть, — ответил Чилдэн, пытаясь вспомнить, что же такое «ву». Кажется, это слово было не японским, а китайским и означало вроде бы мудрость. Или разумность. В общем, что-то хорошее.

— Руки мастера… — продолжил Казуора, — они обладали ву. И от них *ву* перешло в саму вещь. Возможно, для самого мастера это значит лишь то, что вещь, работа его удовлетворила. Она закончена, по-своему совершенна. Глядя на нее и рассуждая о ней, мы обретаем скрытое в ней *ву* уже сами. Мы приобретаем опыт умиротворения, обыкновенно находящийся в связи не с произведениями искусства, но с церковными

реликвиями, со священными вещами. Я, например, вспомнил усыпальницу в Хиросиме, где можно увидеть нетленные останки одного из средневековых святых, его берцовую кость. Но там — реликвия, а здесь — произведение искусства. Там — лишь останки, а эта вещь жива и посейчас. Размышление, которому я предался в тот раз, привело меня к пониманию, что это качество, присущее вещи, в корне противоречит историчности. И это меня глубоко поразило.

— Да, — машинально ответил Чилдэн.

— Не обладать историчностью, не иметь художественной и эстетической ценности и в то же время нести в себе *ву*, трудноопределимое качество, — это невероятно. Пусть на самом деле, Роберт, это просто металлическая клякса, бессмысленная и никому не нужная, кусок оплывшего металла, но — в ней есть ву. Известно ведь, что *ву* открывает себя в самых неожиданных местах… в точности по христианскому афоризму о том, что краеугольный камень — это тот, который отвергли строители. Присутствие *ву* можно обнаружить в таких вещах, как старая трость, ржавая банка из-под пива на обочине. Но в этих случаях источником *ву* оказывается сам глядящий. И это почти религиозный опыт. А здесь

самому мастеру удалось поместить *ву* в объект, а не оформить *ву*, уже присущее этому предмету. — Он взглянул на Чилдэна. — Я понятно объясняю?

— Да, — кивнул Чилдэн.

— Иными словами, это открывает новый мир. Это не искусство, потому что у этих вещей нет формы. И это не религия. Что же тогда это? Я долго, очень долго изучал эту вещь, но тайну ее разгадать не смог. Похоже, на свете еще нет слов, которые могли бы раскрыть природу этого феномена. Так что, Роберт, вы правы. Это, несомненно, росток нового мира.

«Несомненно, новая, — повторил про себя Чилдэн. — Да, конечно…» Но что касается всего остального?

— Придя к подобному умозаключению, — продолжил Поль, — я позвал к себе бизнесменов. Все тех же. Видимо, эта вещь обладает несомненной властью над человеком и заставляет его выходить даже за пределы благопристойности, дабы донести до слушателей суть дела. Словом, перейдя границы такта, я настоял, чтобы пришедшие выслушали меня со всем вниманием.

Чилдэну было отлично известно, что для любого японца, тем более — человека, занимающего известное положение в обществе, настаивать на

собственном мнении в отношениях с другими людьми невозможно. Подобная ситуация была практически немыслимой.

— Как ни странно, все сошло лучшим образом. Они оказались в состоянии принять мою точку зрения. Поняли меня и разделили мою точку зрения. Так что все кончилось хорошо. Я сделал, что должен был сделать, Роберт. На этом моя миссия закончена. — Он положил брошку обратно в коробочку. — Теперь вся ответственность за эту вещь переходит на вас, Роберт.

И толкнул коробочку по столу к гостю.

— Но, сэр… — пробормотал тот. — Это — ваше…

Он ощутил вдруг навалившийся на него страх. Ситуация выходила за пределы его понимания. Высокопоставленный японец сначала смеется над подарком, потом — превозносит его до небес. И — возвращает. Чилдэн почувствовал, что у него дрожат колени. Он не знал, как себя вести, и, собираясь с силами, теребил рукав.

— Роберт, — холодно, почти резко сказал Поль. — В дальнейшей жизни вам потребуется вся ваша отвага.

— Меня смутило то, что… — пробормотал Чилдэн.

— Поймите. — Поль поднялся и замер, при-

стально глядя на него. — Поймите, это ваша задача. Вы — единственный человек на свете, который отвечает за эту вещь. И ей подобные. Вы — их агент в этом мире. К тому же вы профессионал. Уйдите на время в одиночество. Поразмышляйте, обдумайте все, справьтесь, возможно, с «*Книгой Перемен*». Взгляните потом на собственные витрины. Обдумайте собственные возможности, свой метод ведения дел.

Чилдэн с изумлением уставился на него.

— И вы поймете, что вам следует делать. Поймете, как поступить, чтобы эти вещи стали популярными.

Чилдэн остолбенел. Что же Казуора имеет в виду, что он должен взять на себя *ответственность* за поделки этих ювелиров?

— Искаженный, невротический взгляд на мир: для японца ничто не имеет значения, кроме духовной и физической связи Чилдэна с их продукцией.

«Единственный, кто отвечает…» — горестно повторил он. Такое дело может потребовать всей его жизни, только поддайся. Тогда уж лучше закопать сразу самого себя, да и дело с концом. Поль — к собственному ли его удовольствию или нет — устранился. А Чилдэну, выходит, и деться

некуда.

«Из ума они выжили, вот что», — вздохнул торговец. Они, например, не могут позволить себе вытащить какого угодно человека из грязи — потому, видите ли, что это наложит на них ответственность за всю его последующую жизнь. Как такое назвать? У них вообще загадочные представления об ответственности. Ну, а что еще ожидать от расы, которая после предыдущей войны решила скопировать британский эсминец и умудрилась выполнить работу с такой ответственностью, что воспроизвела даже заплаты на паровом котле…

Казуора не спускал с него глаз. К счастью, долгий опыт общения с японцами научил Чилдэна подавлять естественность чувств. Лицо как приняло выражение невыразительного спокойствия, так его и не меняло. Спокойное, с легкой горечью в уголках губ — вполне соответствовало ситуации. Он словно бы маску надел.

«Катастрофа, — думал между тем Чилдэн. — Полный крах. Лучше бы Полю пришло в голову, что я вознамерился соблазнить его жену».

Бэтти… Теперь не было уже ни малейшего шанса, что она увидит эту вещь, весь его элегантный план потерпел полный крах. Да если б и увиде-

ла… *ву* исключает и намек на сексуальность, это — как сказал Поль — нечто высокое и святое, словно реликвия.

— Каждому из этих людей я дал вашу визитную карточку, — между тем продолжил Поль.

— Простите? — переспросил не понявший его Чилдэн.

— Сообщил им ваш адрес, чтобы они могли взглянуть и на другие образчики.

— Да, — пробормотал Чилдэн.

— И еще, — продолжил Поль. — Один из них желал бы переговорить с вами в своем офисе. Вот его имя и адрес. — Казуора протянул Чилдэну листок бумаги. — Он хочет, чтобы вас выслушали и его коллеги. Он — импортер. Импорт и экспорт, то и другое — в очень крупных партиях. В особенности — в Южную Америку. Радиоприемники, фотокамеры, бинокли, диктофоны и тому подобное.

Чилдэн уставился на листок бумаги.

— Разумеется, он имеет дело только с оптовыми партиями, — продолжал Поль. — С десятками тысяч единиц продукции. Его компания управляет множеством предприятий, производящих для него вещи по низким ценам. Все они расположены на Востоке, где труд дешевле.

— А почему же он… — начал было Чилдэн.

— Вещи вроде этой, — Поль кивнул в сторону брошки, — могут быть использованы в массовом производстве. На основе литья или штамповки. Имеется в виду — из пластика. В любом возможном количестве.

— Но *ву*, — удивился Чилдэн, — что же, оно сохранится в копиях?

Поль промолчал.

— Вы предлагаете мне с ним повидаться? — Чилдэн ничего не понимал.

— Да?

— Но зачем?

— Амулеты.

Чилдэн вытаращил глаза.

— Знаете, амулеты на счастье. Талисманы. Чтобы носить на себе. Для не слишком богатых людей. Такие штучки очень распространены в Южной Америке и на Востоке. Громадные массы людей до сих пор верят в магию, вам же это известно. В заклинания, в порчу, в заговоры. И это, как мне сказали, очень крупный бизнес. — Лицо Поля оставалось бесстрастным, а голос словно бы навсегда лишился интонаций.

— Похоже… — медленно произнес Чилдэн, — такое дело может оказаться очень прибыльным…

Поль кивнул.

— Это ваша идея?

— Нет, — ответил Казуора и замолчал.

«Так вот почему он хочет отдать мне эту вещь обратно, — сообразил Чилдэн. — Он показал эту штуку кому-то из своего начальства, кому-то важному, кто знает этого импортера. А тот заинтересовался, так что Казуора сейчас выполняет лишь волю своего начальника. И ему от этого паршиво. Он — пешка. Потому мне вещицу и вернул. Не хочет иметь ко всему этому ни малейшего отношения. Но он знает то, что знаю и я, — конечно, придется пойти по этому адресу. Я пойду и увижу того человека. Что мне остается? Продам чертежи, вступлю в долю. В любом случае между мною и той лавочкой возникнут какие-то отношения. При явном посредничестве Казуоры. И если отказаться либо начать крутить носом, это будет воспринято как крайняя неблагодарность».

— Так что у вас есть все возможности, — вздохнул Поль, — сделаться чрезвычайно богатым.

Он упорно глядел мимо Чилдэна, куда-то в сторону.

— Меня поразила сама идея, — признался Чилдэн, — делать амулеты из произведений ис-

кусства. Не могу себе этого представить.

— Да, потому что идея выходит за границы привычного вам бизнеса. Вы имеете пристрастие к вещам уникальным, редкостным. Так же как и я. Так же, как и те люди, которые в скором времени посетят ваш магазин.

— Как бы вы поступили на моем месте? — честно спросил Чилдэн.

— Я не стал бы недооценивать выгод, таящихся в отношениях с этим импортером. Он прозорливый человек. Нам с вами не представить гигантского числа невежественных людей, но их миллионы на свете. И они могут получать удовольствие от штамповки, от вещей, которые тиражируются в неограниченном количестве. Нам с вами такая радость чужда. Нам надо обладать чем-то единственным на свете, по крайней мере тем, что доступно немногим. — Он продолжал смотреть мимо Чилдэна. — Чем-то уникальным, подлинным. Настоящим.

«Интересно, — задумался Чилдэн, — уж не закралась ли в его ум мысль, что в магазинах, подобных моему, продают фальшивки? Или о том, что подделки могут оказаться и в его собственной коллекции? Но тут кроется какая-то отгадка, он что-то пытается мне подсказать, сообщить

нечто совсем иное, чем то, что несут его слова. Не разговор, а сплошная двусмысленность… словно Оракул. Видимо, непременное качество восточного ума.

Вот о чем речь! — сообразил Чилдэн. — Он словно бы спрашивает: кто вы, Роберт? Тот, кого „*Ицзин*“ называет „ничтожным человеком“, или же „благородный человек“, которому Оракул и дает советы? Решай, решай немедленно. Третьего не дано. Для тебя настал момент выбора.

По какому пути пошел бы „благородный человек“? По крайней мере, с точки зрения Поля Казуора? Передо мной сейчас не пятитысячелетняя мудрость мудрецов, — усмехнулся Чилдэн, — а всего лишь один молодой японец».

Вот в этом-то все и кроется. «Ву» — как сказал Поль. Но *ву* этой ситуации состоит именно в том, что, несмотря на все личное неприятие подобной сделки, чувством реальности обладает именно импортер. И в том, что сделка вызывает негативное отношение к себе, кроется проблема: надо приспосабливаться, быть гибким — как советует Оракул.

«В конце концов, — рассудил Чилдэн, — оригиналы могут быть проданы в моем магазине. Знатокам. Таким, например, как знакомые По-

ля».

— Вы ведете борьбу с самим собой, — отметил между тем тот. — Не сомневаюсь, в подобном положении лучше остаться одному.

Он встал и, как бы провожая гостя, направился в сторону двери.

— Я уже все решил.

Глаза Поля блеснули.

— Я последую вашему совету. — Чилдэн поклонился. — Немедленно направлюсь по полученному мной адресу.

Он сложил листок бумаги и положил его в карман пиджака.

Странно, но Поль, судя по всему, не обрадовался. Он просто хмыкнул и вернулся к столу. «Держат свои эмоции при себе в любом положении», — подумал Чилдэн.

— Большое спасибо за ваше участие, — сказал он вслух, собираясь уйти. — Когда-нибудь, надеюсь, я буду в состоянии отплатить вам за все, что вы сделали для меня.

Но молодой японец по-прежнему не выказывал никаких чувств.

«Да уж, — пожал плечами Чилдэн. — Верно про них говорят: никогда до конца не раскусишь».

Почти проводив его до двери, Поль остановил-

ся. Он казался полностью погруженным в свои мысли, но неожиданно спросил:

— Скажите, американские художники сделали эту вещь вручную? Собственными руками?

— Да. С начала и до конца. От эскиза до последней полировки.

— А согласятся ли они на подобное использование их работ? Мне кажется, они мечтали о чем-то другом.

— Беру на себя смелость утверждать, что они согласятся. — До художников Чилдэну, по правде, и дела особенного не было.

— Да, — кивнул Поль. — Полагаю, их можно убедить.

Что-то в его тоне показалось Чилдэну странным. Странное ударение на слове «убедить». И тут Чилдэна *осенило.* Пропали сомнения, исчезла двусмысленность.

Здесь происходило не что иное, как целенаправленное и намеренное унижение Америки. Грубо и цинично, а он — ничего не замечал. Заглотил и червяка, и крючок, и грузило. Японец не торопился, двигался маленькими шажками и привел стороны к полному согласию: все, на что способны американские мастера, — это производить шаблоны для потешных амулетиков. Они,

японцы, и управляют так: в белых перчатках. С бесконечным терпением, коварством, искушенностью.

«Боже! Мы по сравнению с ними — варвары! — осознал Чилдэн. — Какие бомбы можно противопоставить этому? Он не стал утверждать, что наше искусство ничего не стоит. Нет, он сделал так, что бы я сам ему это сказал. А теперь, оказывается, ему еще и досадно, что я согласился… Глубокая печаль культурного человека, узнавшего обо мне правду».

«Он меня сломал, — почти вслух сказал Чилдэн, едва сумев удержать эту мысль в своем мозгу. Там она и осталась, одинокая, предназначенная лишь для него. — Он унизил мою расу. И я ничего не могу поделать. Как ему отомстишь? Мы побеждены, разбиты. И все наши поражения похожи на это — нас побеждали так тонко, так искусно, что мы едва это замечали. По правде, чтобы осознать это полностью, нам необходимо совершить скачок в эволюции».

Какие еще доказательства нужны? Японцы управляют Америкой по праву. Чилдэн почувствовал, что сейчас вот-вот расхохочется, так подействовал на него этот вывод. «Да, — подумал он, — как окончание хорошего анекдота

услышать. Все сошлось неожиданно и точно. Запомнить бы этот случай в деталях, чтобы потом рассказать. Но кому? Слишком личная история, чтобы ею делиться».

В углу кабинета Поля стояла корзина для бумаг. Туда! Отправить коробочку с брошкой в мусорник, коробочку с куском металла, заключающим в себе какое-то там *ву*, да и дело с концом.

В самом деле? Выкинуть? Покончить с этой историей на глазах у Поля?

«Даже выкинуть ее не могу, — понял Чилдэн, ощутив, что рука плотно сжала коробочку и не желает с ней расстаться. — Да в общем, и не должен. Иначе никогда уже не встретишься с японским приятелем.

Черт возьми, от этого влияния не освободишься, невозможно создать в себе импульс, необходимый для этого, — мучился Чилдэн. Поль изучал его, не испытывая ни малейшей необходимости что-либо говорить. — Да и зачем ему? Одного присутствия довольно. Он поймал мой разум, заставил его бежать за собой, как на веревочке, словно собачонку.

Кажется, — вздохнул Чилдэн, — я уже слишком долго прожил среди них. Слишком поздно мне их покидать и заново начинать жить как обычный

белый человек».

— Поль, — выдавил из себя Роберт Чилдэн. Голос его хрипел, прозвучал почти как шепот.

— Да, Роберт?

— Поль… я… уязвлен.

Комната закачалась перед ним.

— Чем же, Роберт? — сочувственно, но не вполне искренне осведомился Казуора.

— Погодите, Поль… — Чилдэн достал брошку, и та моментально стала влажной в его руках. — Я горжусь этой работой. Между ней и пластмассовыми амулетами не может быть ничего общего. Я отказываюсь.

Японец вновь никак не отреагировал. Лишь слушал. Сама внимательность.

— Тем не менее я благодарю вас, — слегка поклонился Чилдэн.

Тот поклонился в ответ.

— Люди, сделавшие это, — продолжил Чилдэн, — гордые американские мастера. И я — на их стороне. Поэтому предположить, что все мы будем польщены оттого, что наша работа может быть применена для подобных целей, это предположение — оскорбительно для нас. И я требую извинений.

Невероятно затянувшееся молчание.

Поль внимательно глядел на него. Его брови поползли наверх, губы чуть дрогнули. Он что же, улыбается?

— Я требую, — сказал Чилдэн. Ничего больше он сказать не мог. И не надо, хватит. Оставалось только ждать.

Ничего не происходило.

«Ну помоги, пожалуйста, помоги мне! — взмолился он. — Помоги...»

— Простите мне мое неуместное высокомерие, — произнес наконец японец, протягивая руку.

— Все в порядке, — ответил Чилдэн.

Они обменялись рукопожатием.

Спокойствие снизошло в душу Чилдэна. «Я прошел через это, — понял он. — Все позади. Слава Богу, он не оставил меня в нужный момент. В другое время все могло выйти иначе. Смог бы я еще раз рискнуть? Смог бы поступить так, как поступил? Вряд ли».

Ему стало грустно. Ну вот, на одно-единственное мгновение выплыл на поверхность жизни, сумел освободиться от навязанного ему, сумел стать свободным.

«Жизнь коротка, — вздохнул он. — А искусство или все ему подобное на нее не похоже — знай

себе уходит в бесконечность, извиваясь, как белое бетонное шоссе. Извилистая дорога, и никак ее не выпрямишь, как ни старайся. Я все еще тут, но больше медлить нельзя. Надо идти дальше».

Он положил в карман пиджака коробочку с брошкой фирмы «Ювелирные изделия ЭДФРЭНК» и вышел на улицу.

ГЛАВА XII

— Мистер Тагоми, — сообщил Рэймси, — к вам мистер Ятабе.

Посторонился и дал дорогу невысокому сухопарому старику.

— Рад познакомиться с вами лично, — произнес Тагоми, вставая навстречу гостю и протягивая ему руку.

Легкая, почти невесомая старческая ладошка сухо легла в его руку. Тагоми лишь слегка пожал ее и тут же отпустил. «Надеюсь, ничего не сломал», — подумал он. Затем оглядел пожилого господина и нашел его весьма приятным. Несомненно, в нем еще сохранился твердый и ясный дух. Ни малейших признаков стариковской расслабленности. Прекрасный образчик сохранившихся древних традиций. Трудно себе представить лучшую манеру держаться для стариков… и тут только он осознал, что перед ним стоит не кто иной, как генерал Тедеки, бывший глава Имперского Штаба.

Мистер Тагоми низко поклонился.

— Генерал… — почти беззвучно прошептали губы.

— Где же третья сторона? — осведомился генерал.

— Сейчас прибудет, — ответил Тагоми. — Я позвонил ему лично, в отель.

В голове у Тагоми словно бомба разорвалась, и он никак не мог прийти в себя или хотя бы окончательно распрямиться после поклона.

Генерал сел на предложенный ему стул, который пододвинул ему Рэймси, не понявший, кто этот старик, и державшийся с ним вежливо, но и только. Мистер Тагоми в нерешительности устроился на стуле напротив генерала.

— Мы теряем время, — сказал тот. — Жаль, но что поделать.

— Да, — кивнул мистер Тагоми.

В молчании прошло минут десять.

— Простите, сэр, — сообразил наконец Рэймси. — Если я вам не нужен, то пойду.

— Чаю? — осведомился Тагоми у генерала.

— Нет, сэр.

— Сэр, — продолжил Тагоми, — признаюсь, мне не по себе. В этой встрече мне мерещится оттенок чего-то зловещего.

Генерал согласно наклонил голову.

— Мистер Бэйнс, которого я встретил и которого принимал у себя, — принялся рассказывать

Тагоми, — сообщил о себе, что он швед. Однако же при обнаружении некоторых деталей создалось впечатление, что он скорее некий высокопоставленный немец, занимающийся неизвестным родом деятельности. Заговорил я об этом потому, что…

— Продолжайте.

— Благодарю вас, генерал. Судя по всему, то лихорадочное состояние, в котором пребывал последнее время мистер Бэйнс — о чем я могу судить по его телефонным звонкам, — находится в связи с теми политическими переменами, которые имеют место в Рейхе… — Тагоми не стал говорить о том, что сам генерал не прибыл в установленные сроки.

— Сэр, — легко усмехнулся генерал, — это вы уже гадаете, а не сообщаете факты.

Странно, но замечание не показалось Тагоми обидным: генерал увещевал его скорее по-отечески. Ни злости, ни осуждения в живых глазах гостя не было.

— Сэр, — продолжал Тагоми. — В таком случае мое присутствие на этой встрече является лишь способом отвлечь внимание немецких агентов?

— Разумеется, — кивнул генерал. — Мы стараемся поддерживать определенную легенду.

Мистер Бэйнс представляет концерн «Тор-Ам» из Стокгольма, частный бизнесмен. А я — Шиниро Ятабе.

«А я — Тагоми, — вздохнул Тагоми. — Ив этом-то моя роль».

— Трудно предположить себе, что им неизвестны все перемещения и контакты мистера Бэйнса, — сказал генерал, положив ногу на ногу и сцепив ладони на колене. («Он сидит так ровно и настороженно, — подумал Тагоми, — словно бы ощущает какой-то дальний запах из кухни. Запах мясного бульона, например».) — Все это так, но, чтобы доказать тот факт, что Бэйнса на свете не существует, им придется действовать легально. В рамках закона. В этом и состоит смысл маскарада: он предпринят не для того, чтобы совершенно скрыть происходящее, что, по-видимому, невозможно, но затем, чтобы осложнить задержание. Чтобы схватить мистера Бэйнса, им придется потрудиться… это не просто, как если бы взять и застрелить человека из Рейха. А они бы это сделали, явись он сюда без легенды.

— Понимаю… — сказал Тагоми. «Все это звучит словно игра, — подумал он. — Но они же знают, как устроен ум у немцев, так что, наверное, все это сработает».

Зажужжал интерком. Голос Рэймси:

— Сэр, здесь мистер Бэйнс. Пропустить его?

— Да! — заорал мистер Тагоми.

Дверь открылась, и вошел мистер Бэйнс в безупречном и элегантном костюме, ботинки надраены до блеска.

Генерал Тедеки поднялся ему навстречу. Поднялся со своего места и мистер Тагоми. Все трое церемонно поклонились друг- другу.

— Сэр, — обратился к генералу Бэйнс. — Я — капитан Рудольф Вегенер из контрразведки Военного флота Рейха. Как вы понимаете, представляю здесь лишь самого себя и некоторых частных лиц, имена которых оглашены не будут. И, разумеется, я не представляю здесь какой-либо отдел или подразделение правительства Рейха.

— Я понимаю вас, герр Вегенер, — ответил генерал, — что вы не представляете никаких официальных структур Рейха. Точно так же и я нахожусь здесь как частное лицо, которое, по своим прежним связям с Имперской армией, имеет определенный доступ к некоторым кругам в Токио, которые пожелали выслушать все то, что вы сочтете возможным мне сообщить.

«Странная беседа, — подумал Тагоми. — Но звучит все это довольно приятно. Право же, в

их разговоре есть даже что-то музыкальное. Во всяком случае, это освежит мой взгляд на мир».

Все сели.

— Обойдусь без предисловий, — начал мистер Бэйнс. — Хочу проинформировать вас и те круги, с которыми вы связаны, о том, что в настоящее время в стадии реализации находится проект «Левенциан», «Одуванчик».

— Да, — кивнул генерал с таким видом, словно бы все это он уже слышал раньше, однако же Тагоми показалось, что генерал с превеликим нетерпением ожидает дальнейших слов Бэйнса.

— Проект «Одуванчик», — продолжил тот, — включает в себя в качестве первого шага организацию вооруженного столкновения на границе между Штатами Скалистых Гор и Соединенными Штатами…

Генерал кивнул и мягко улыбнулся.

— Войска Соединенных Штатов будут атакованы, затем, перейдя в контрнаступление, внедрятся на территорию Штатов Скалистых Гор, отвлекая на себя регулярные части их армии, находящиеся поблизости от места возникновения конфликта. Соединенные Штаты располагают всеми необходимыми данными о дислокации войск планируемого противника. Далее после-

дует оценка этого конфликта Германией. На помощь Соединенным Штатам будет направлен корпус добровольцев Вермахта. Но и это лишь камуфляж.

— Да, — кивнул генерал, внимательно слушая Бэйнса.

— Основной целью проекта «Одуванчик» является нанесение превентивного атомного удара по Островам Родины. Крупномасштабного, немотивированного внешне ничем. — Сказав это, Бэйнс сделал паузу.

— С целью уничтожения Императорской семьи, Армии Самообороны, Большей части Имперского флота, гражданского населения, промышленности, ресурсов, — докончил за него Тедеки. — С тем чтобы заморские владения Японии отошли к Рейху.

Мистер Бэйнс молчал.

— Что еще? — осведомился генерал.

Мистер Бэйнс замешкался.

— Дата, сэр, — пояснил Тедеки.

— Все меняется, — ответил Бэйнс. — Все меняется из-за смерти Бормана. По крайней мере, таковы мои предположения. В настоящий момент у меня нет связи с Абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер, — чуть помед-

лив, произнес генерал.

— Могу здесь рекомендовать одно, — сказал тот. — Надо, чтобы японское правительство смогло в тонкостях вникнуть в ситуацию, складывающуюся в самом Рейхе. Или, по крайней мере, обратить особое внимание на те группировки, о которых я вам сейчас сообщу. По отношению к проекту «Одуванчик» политические верхи Рейха раскололись. Одни группировки за реализацию проекта, другие — против. Существовала определенная надежда, что после смерти канцлера Бормана к власти придут противники войны.

— Однако за то время, что вы находитесь в Сан-Франциско, — внимательно посмотрел на него Тедеки, — за это время герр Борман умер. Политическая ситуация, иными словами, изменилась и определилась. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс. Как его фракция относится к данному проекту?

— Доктор Геббельс является сторонником проекта «Одуванчик», — ответил Бэйнс.

Тагоми, на которого никто не обращал внимания, закрыл глаза.

— А кто выступает против?

— Генерал СС Гейдрих, — донесся до Тагоми голос Бэйнса.

— Признаться, я крайне удивлен, — ответил Тедеки. — И весьма сомневаюсь. Но это точка зрения, которую разделяют ваши коллеги, или же действительное положениедел?

— Администрирование Японией, то есть землями, ныне занимаемыми Японией, — издалека начал Бэйнс, — будет осуществляться Министерством иностранных дел. Людьми Розенберга в прямом контакте с Канцелярией. Этот пункт был предметом яростных обсуждений, в которых принимали участие начальники всех ведомств. Происходило это еще в прошлом году. У меня имеются фотокопии их выступлений. Полиция намеревалась стать ведущей силой в этом проекте, но была из него устранена. Им поставили другую задачу — колонизировать пространство. Луна, Марс, Венера. Им отдали эту часть мира. После разделения сфер влияния полиция и принялась с рвением реализовывать космический проект, одновременно тормозя реализацию проекта «Одуванчик».

— Соперники, — кивнул Тедеки. — Группировка против группировки. Потому-то власть вождя никогда не оказывается под угрозой.

— Да, — кивнул Бэйнс. — И вот именно потому-то я послан сюда. Чтобы просить вас о

вмешательстве. Пока новая коалиция еще не обрела законченной формы. Пройдут еще месяцы, прежде чем доктор Геббельс укрепится у власти. Ему потребуется разгромить полицию, устранить, возможно, Гейдриха и других высших руководителей СС и СД. Но как только это будет сделано…

— Вы хотите сказать, что мы должны выступить на стороне СС, — прервал его генерал, — этой наиболее отвратительной и злостной прослойки немецкого общества?

— Да, именно так, — кивнул Бэйнс.

— Император никогда не одобрит подобного маневра, — медленно произнес Тедеки. — Для него все высшие круги Рейха, неважно, в черных они рубахах, с мертвыми головами на рукавах, вся эта «замковая» система — исчадие ада. Воплощение дьявола.

«Да, они само зло, — подумал Тагоми. — Должны ли мы помогать им только для того, чтобы спасти собственные жизни? Какой ужасающий парадокс».

«Я не могу разрешить этой дилеммы, — сказал себе мистер Тагоми, — а этим людям приходится действовать в условиях полнейшей моральной двусмысленности. Как разглядеть верный путь?

Его нет. Сплошное болото, полнейший хаос. Ни света, ни тьмы…»

— Кроме Вермахта, никто в Рейхе не имеет доступа к водородной бомбе, — продолжал Бэйнс. — В случаях, когда ее использовали чернорубашечники, это происходило под строгим контролем армии. При Бормане Канцелярия никогда бы не дала согласия на передачу атомного оружия полиции. Операция «Одуванчик» будет осуществлена высшим руководством Вермахта.

— Я знаю, — поморщился Тедеки.

— Несомненно, что практика чернорубашечников в своей жестокости переходит даже те рамки морали, которые сложились в Рейхе. Однако они располагают гораздо меньшей властью, чем Вермахт. Нам следует опираться исключительно на реальное соотношение сил, оставляя в стороне наши этические пристрастия.

— Да, нам надо быть реалистами. Ничего другого не остается, — неожиданно произнес Тагоми.

И Бэйнс, и Тедеки удивленно взглянули в его сторону.

— Но что вы предлагаете конкретно? — обратился генерал к Бэйнсу. — Нам следует выйти на контакт с СД здесь же, в Тихоокеанских Штатах? Кто здесь шеф СД? Какой-нибудь отвратный тип-

чик невысокого полета?

— Здешнее СД совершенно не в курсе дела, — покачал головой Бэйнс. — Их шеф — Кройц фон Мейер, этакий партиец с опытом. *Айн Альтпартайгеноссе.* Почти имбецил. Ему никто из Берлина ни о чем не сообщит, его роль — заниматься рутинными делами.

— Тогда кто же? — Генерал словно бы начинал сердиться. — Здешний консул? Или посол Рейха в Токио?

«Этот разговор закончится ничем, — подумал Тагоми. — И неважно, какова его ставка. Нам не вместить в собственный ум всю шизофрению, управляющую вождями Германии. Наш разум просто не способен вникнуть во все их интриги».

— Думаю, что действовать следует иначе, — ответил Бэйнс. — Но действовать надо аккуратно и осторожно. Через какого-нибудь представителя нейтральной страны, находящегося, однако, достаточно близко к Гейдриху. Или же с тем, кто постоянно перемещается между Берлином и Токио.

— У вас есть на примете кто-то конкретный?

— Я имею в виду министра иностранных дел Италии, графа Чиано. Он образован, надежен, чрезвычайно храбр и всецело предан делу между-

народного сотрудничества и взаимопонимания. Но у него нет контактов с аппаратом СД. С другой стороны, он мог бы действовать через посредников в самой Германии, используя экономическую заинтересованность Круппа. Или же — через генерала Шпеделя. Или, возможно, даже через людей из «Ваффен-СС». Они менее фанатичны и более соответствуют умонастроениям общества.

— А ваше учреждение, Абвер? Возможен ли выход на Гейдриха через вас?

— Нас чернорубашечники не выносят. Вот уже двадцать лет они пытаются получить согласие Партии на наше полное расформирование.

— Грозит ли вам физическое уничтожение? — осведомился Тедеки. — Со стороны СД. Как я понял, они весьма активны на Тихоокеанском Побережье.

— Активны, да не слишком способны, — ответил Рейс. — Представитель МИДа, консул Рейс, тот — да, способен, однако он находится в оппозиции СД.

— Я хотел бы получить ваши фотокопии, — сказал Тедеки. — Чтобы передать их моему правительству. Любой материал, касающийся дискуссий в Рейхе, и, если возможно… — он задумался, подбирая слова, — доказательства.

Объективного характера.

— Конечно, — кивнул Бэйнс. Достал из кармана пиджака и передал генералу серебряный портсигар. — В каждой сигарете спрятан контейнер с микрофильмом.

— А сам портсигар? — осведомился генерал, разглядывая вещицу. — Он слишком ценный, чтобы отдавать и его. — И принялся извлекать из портсигара сигареты.

— И портсигар — тоже, — улыбнулся мистер Бэйнс.

— Спасибо, — улыбнулся в ответ генерал, засовывая портсигар во внутренний карман пиджака.

Зажужжал интерком. Мистер Тагоми нажал на кнопку.

— Сэр, — донесся взволнованный голос Рэймси. — В вестибюле группа людей из СД, они пытаются ворваться в здание. Служащие «Тайме» сопротивляются. Сюда уже направляются военная полиция и Кемпентай Сан-Франциско.

— Благодарю вас, мистер Рэймси, — сказал Тагоми. — Как достойно и спокойно вы изложили нам обстоятельства дела…

Бэйнс и генерал выслушали доклад не двигаясь с места.

— Господа, — сообщил им Тагоми. — Мы, несомненно, устраним этих молодчиков из СД еще до того, как они достигнут нашего этажа.

И добавил в интерком, для мистера Рэймси:

— Отключите электропитание лифтов.

— Да, мистер Тагоми, — отозвался тот и прервал разговор.

— Ну а мы подождем, — сказал Тагоми, открыл ящик стола и достал коробку тикового дерева. Раскрыл и извлек оттуда мечту любого коллекционера, чудом сохранившийся экземпляр «Кольта-44». Вынул коробочку с порохом, пулями и гильзами. Принялся снаряжать оружие. Мистер Бэйнс и генерал уставились на него широко раскрытыми от изумления глазами.

— Это из моей личной коллекции, — пояснил хозяин кабинета. — Я в свое время угробил массу времени, чтобы научиться заряжать его как можно быстрее. Надо сказать, потратил не зря — я всегда выигрывал у других энтузиастов этого дурацкого занятия. Вот только на практике мне свои навыки до сих пор использовать не доводилось.

Он подготовил оружие и направил его в сторону входной двери. И замер в ожидании.

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк занимался

делом: полировал полузаконченную серебряную серьгу, прижимая ее к шумно вращающемуся полотняному кругу. Шлифовальная паста пачкала пальцы и ногти, отлетающие кусочки массы попадали в стекла очков. Серьга, похожая на спиральку ракушки, нагрелась от трения, но Фринк знай себе прижимал ее к мягкому диску.

— Слишком-то уж блеск не наводи, — буркнул ему Маккарти. — Только самые грубые неровности сними, и ладно. Впадинки пускай остаются.

Фринк хмыкнул.

— На рынке такое серебро лучше идет, — пояснил свою мысль Маккарти. — Серебро должно выглядеть как старое.

«Рынок...» — поморщился Фринк.

Они так ничего и не продали. Один только Чилдэн согласился взять у них вещи на комиссию, а в других пяти магазинах не удалось добиться даже этого.

«Мы делаем все новые и новые украшения, а в деньги они не превращаются... — сказал себе Фринк. — Знай только скапливаются у нас».

Застежка серьги коснулась круга, зацепилась за ткань, и серьга вылетела из пальцев Фринка, стукнулась о вращающуюся поверхность и отлетела куда-то на пол. Фринк выключил станок.

— Не терял бы ты их, — пробурчал Маккарти, возясь с паяльной лампой.

— Не потеряешь тут, — огрызнулся Фринк. — Она же меньше горошины, в пальцах не удержать.

— Ну так отыщи тогда.

«Черт с ней, с этой дрянью», — подумал Фринк.

— Что на тебя нашло? — осведомился Эд, заметив, что компаньон так и сидит возле верстака, а не ищет упавший предмет.

— Мы вбухиваем деньги в пустоту, — сказал тот. — И ничего не можем продать.

— Но мы не можем продавать то, что еще не сделали.

— Мы вообще *ничего* не можем!

— Пять магазинов — сущая ерунда.

— Но тенденция, — взвился Фринк, — тенденция видна!

— Не заводись.

— Я не завожусь, — отмахнулся Фринк. — Но только и дурачить самого себя не хочу.

— Ты о чем это?

— О том, что надо, пока не поздно, сбыть все наше барахло.

— Отлично, — вздохнул Эд. — Значит, даешь деру? — Да.

— Я буду продолжать дело. — Маккарти снова принялся за свое занятие.

— Как мы имущество поделим?

— Не знаю. Да уж сообразим как-нибудь.

— Выкупи мою долю.

— Вот уж нет.

— Заплати мне шестьсот долларов, — подсчитал Фринк.

— Нет уж, бери половину всего, и дело с концом.

— Половину мотора?

Оба замолчали.

— Еще три магазина, — сказал Маккарти. — Потом обо всем поговорим.

Опустив на глаза защитный козырек, он снова включил лампу и принялся возиться с медной секцией браслета.

Фринк слез с табуретки. Отыскал сережку-ракушку и закинул ее в коробочку с недоделанными деталями.

— Пойду курну на улице, — вздохнул он и вышел из подвала на лестницу.

Встал в дверях подъезда, разминая сигарету с травкой.

«С этим покончено, — сказал он сам себе. — Тут даже Оракул не нужен. Я чувствую момент.

Чем он пахнет. Плохо пахнет, очень плохо. Крах близится».

И трудно понять — почему. Допустим, теоретическая возможность прорваться существует. В один магазин, в другой. В другой город. Но что-то во всем этом не в порядке. И никакая настойчивость ничего не даст.

«Я хочу понять почему», — задумался Фринк.

Нет, никогда не узнать.

Ошиблись в выборе момента, вот все и пошло наперекосяк. Отправились вверх по течению. И в результате — распад. Полный упадок.

«Нас поглотит инь, — вздохнул Фринк. — Свет только мелькнул перед нами, плеснул хвостом в темноте и ускользнул по своим делам дальше».

Остается только локти кусать.

Фринк стоял под навесом, втягивал глубокими и быстрыми затяжками в себя сладковатый дымок и глазел напроезжающие мимо машины. И тут к нему подошел человек средних лет. Белый. Одет совершенно обыкновенно.

— Мистер Фринк? Вы ведь Фрэнк Фринк?

— Ну да, — ответил тот.

Человек предъявил удостоверение и папку с документами.

— Я из полицейского управления Сан-Фран-

циско. Вот ордер на ваш арест. — Он уже держал Фринка за руку, как-то моментально все это произошло.

— А за что? — растерялся Фринк.

— Жульничество. Вы ввели в заблуждение мистера Чилдэна из «Американских шедевров». — Полицейский повел Фринка за собой по тротуару. Рядом с ними оказался еще один полицейский, уже в форме. Тот пошел с другой стороны от Фринка. Подвели его к машине безо всяких надписей, припаркованной возле тротуара.

«Вот чем пахло, оказывается, — подумал Фринк, оказавшись внутри машины. По обе стороны от него расселись полицейские. Дверь захлопнулась, третий полицейский, тоже в форме, завел машину и встроился в общий ряд. — И этим сукиным детям мы должны подчиняться…»

— У вас есть адвокат? — осведомился один из полицейских.

— Нет, — ответил Фринк.

— В участке вы получите список с их фамилиями и сможете выбрать того, кто вам понравится.

— Спасибо, — хмыкнул Фринк.

— Ас деньгами-то что сделал? — спросил другой полицейский, когда машина въезжала в гараж

полицейского участка на Керни-стрит.

— Потратил, — вздохнул Фринк.

— Все?

На это он промолчал.

Полицейский покачал головой и расхохотался.

Они вышли из машины, и тут третий полицейский задал ему совершенно неожиданный вопрос:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

Фринк похолодел от ужаса.

— Финк, — повторил полицейский и вытащил большую серую папку. — Ты — жид. Беженец из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Фринк.

— Ты дал деру от наци, — покачал головой полицейский. — Знаешь, чем это пахнет?

Фринк вырвался и бросился бежать через гараж. Полицейские закричали, и он увидел, что в дверях, куда он стремился, появились вооруженные полицейские. В форме. Они ему улыбались, а один был с пистолетом в руке; он достал и защелкнул на запястьях Фринка наручники.

Потянув за цепочку — металл врезался в кожу до самых костей, — полицейский повел Фринка обратно к машине.

— Назад, в Германию, — прокомментировал

один из них, наблюдая за этим зрелищем.

— Я американец, — сказал Фринк.

— Еврей ты, — возразил ему полицейский.

— Ас ним тут разберутся? — спросил другой полицейский, когда вся троица повела Фринка по лестнице наверх.

— Нет, — ответил другой. — Мы его продержим у себя, пока за ним не явится германский консул. Они хотят распространить на него свои законы. Как обычно.

О списке адвокатов речи уже никто не заводил.

Минут двадцать мистер Тагоми оставался недвижимым за столом, держа револьвер направленным на двери. Мистер Бэйнс расхаживал по кабинету. Генерал после некоторого раздумья подошел к телефону и набрал номер японского посольства в Сан-Франциско. К сожалению, барон Калемакуле, как сообщил ему клерк, в городе отсутствовал.

Теперь Тедеки пытался дозвониться в Токио.

— Хочу проконсультироваться с Военной Академией, — пояснил он Бэйнсу. — Они могут связаться с Имперскими военными силами, которые расположены здесь поблизости. — Генерал не выглядел слишком взволнованным.

«Так что освободить их смогут через несколько часов, — подумал Тагоми. — Японские моряки с авианосцев, вооруженные автоматами и гранатометами...»

Действовать через официальные круги весьма эффективно... с точки зрения конечного результата. Увы, с точки зрения времени этот способ не представляется идеальным. Там, внизу, вооруженные бандиты уже добивают секретарш и клерков.

Но что мог сделать Тагоми?

— А не стоит ли связаться с Германским консульством? — вслух подумал Бэйнс.

Мистеру Тагоми отчего-то на ум пришла сценка, когда он надиктовывал мисс Эйфрикян какой-то очередной протест, адресованный герру Г. Рейсу.

— Я могу позвонить консулу, — предложил Тагоми. — Тут есть второй телефон.

— Попробуйте, — кивнул Бэйнс.

По-прежнему не отводя в сторону оружие, Тагоми нажал кнопку на столе. Снизу выехал телефон, предназначенный для конфиденциальных бесед. Телефон не был зарегистрирован, его номер отсутствовал в справочниках.

Тагоми набрал номер Германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — раздался в трубке официальный и сухой голос какого-то не слишком важного служащего.

— Его Превосходительство герра Рейса. Срочно. Звонит мистер Тагоми из Японских Промышленных Миссий. Главная резиденция. — Тагоми использовал жесткий, не терпящий возражений тон.

— Да, сэр, один момент, обождите…

«Долгий момент, однако же… Но в телефоне не слышно никаких звуков, даже потрескивания. Похоже, он просто стоит рядом и ухмыляется, — подумал Тагоми. — Типичная дипломатическая хитрость».

Он взглянул на генерала, ожидающего вызова по другому телефону, и на Бэйнса, по-прежнему расхаживающего по комнате, и сказал:

— От меня, конечно же, отделаются.

— Извините, что заставил вас долго ждать, мистер Тагоми, — возник наконец голос все того же консульского служаки.

— Нет, ничего…

— К сожалению, в настоящий момент консул находится на совещании, однако…

Тагоми положил трубку.

— Пустая трата времени, — прокомментиро-

вал он, ощущая тем не менее себя достаточно неловко.

Кому бы позвонить еще? Токкока проинформирована, то же самое — части военной полиции порта, туда звонить уже смысла нет. Прямой звонок в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? На аэродром Имперских ВВС в Напе — и попросить у них поддержку с воздуха?

— Вот что, — решил Тагоми вслух. — Позвоню-ка я лично шефу СД Кройцу фон Мейеру. И скажу все, что я о нем думаю. Не стану особенно сдерживаться. — Тагоми принялся набирать номер, зарегистрированный в телефонной книге Сан-Франциско как номер Охранного отдела особо важных авиаотправлений «Люфтганзы». — Устрою им порядочную взбучку.

— Кто там? — гаркнул в ухо Тагоми грубый мужской голос. Да, похоже, этот господин еще меньше терпел возражения, нежели сам Тагоми. Но что делать, раз уж взялся…

— Я прикажу арестовать и отдать под суд всю вашу банду! — с места в карьер взвился Тагоми. — Всю вашу банду дегенератов, которые суются куда не просили. Вы там что, с ума окончательно посходили, бестии белокурые?! Вы меня знаете, герр? Нет? Это Тагоми говорит, консультант Им-

перского правительства. Даю вам пять секунд, и чтобы духу ваших ублюдков не было! Иначе — прикажу морским пехотинцам, и они поджарят ваших пацанов из огнемета! Стыд потеряли!

Человек на другом конце провода что-то бессвязно бормотал.

Тагоми подмигнул Бэйнсу.

— …Ничего не знаем… — сообщил невидимый собеседник.

— Лжете! — вновь взвился Тагоми. — Ну что ж, тем лучше. Значит, у меня нет выбора. — И грохнул трубку на аппарат. — Разумеется, все это не более чем жест, — спокойно пояснил Бэйнсу и Тедеки. — Во всяком случае не повредит. На нервы СД всегда подействовать приятно.

Генерал наконец дозвонился до Токио и уже начал было разговор, когда возле дверей возник шум. Тедеки замолчал. Двери распахнулись.

Их взорам предстали два плотных белокурых субъекта, вооруженные пистолетами с глушителями. Они огляделись и тут же кинулись к Бэйнсу.

— *Дас ист ер,* — произнес один из них.

Тагоми чуть повел дулом своего кольта и нажал на курок. Один из вошедших рухнул на пол. Другой направил свой пистолет на Тагоми и вы-

стрелил. Тагоми выстрела не услышал, заметил лишь дымок возле дула. Пуля просвистела у него над ухом. С поразительной скоростью он отводил боек своего оружия и снова и снова нажимал на курок.

Челюсть эсдэшника разлетелась на кусочки. Кровь, осколки кости, лохмотья мяса покрыли пол. «В рот попал», — понял Тагоми. Жуткий эффект, особенно когда пуля идет на взлет. Оставшийся без челюсти человек еще какое-то время оставался на ногах, в глазах его еще блуждало живое выражение. «Он меня еще видит», — понял Тагоми. Но глаза закатились, человек из СД согнулся, выронил оружие и с нечеловеческим стоном рухнул на пол.

— Меня тошнит, — произнес Тагоми.

Больше в дверях никого видно не было.

— Похоже, на этот раз все закончилось, — после паузы констатировал генерал.

Тагоми, занятый торопливым делом по перезарядке кольта, покончил со своим делом и нажал на кнопку интеркома.

— Срочную медицинскую помощь, — сказал он. — Здесь тяжелораненый бандит.

Ответа не было, только равномерное гудение.

Бэйнс подошел к лежащим и взял оба писто-

лета бандитов. Один передал генералу, второй оставил себе.

— Ну, теперь-то мы их запросто разделаем, — сказал Тагоми, снова направляя кольт в сторону дверей. — Для такого небольшого помещения вполне убедительный триумвират.

— Сдавайсь, германьский бандита, — донеслись на ломаном немецком голоса из холла.

— С ними уже поладили! — крикнул в ту сторону Тагоми. — Мертвы и умирают. Заходите и убедитесь лично.

Небольшая группка работников «Ниппон таймс» осторожно заглянула в двери. Некоторые из них были вооружены топорами, винтовками и гранатами со слезоточивым газом.

— Вполне подходящий повод, дабы правительство ТША в Сакраменто могло безо всякого предупреждения объявить войну Рейху, — сказал мистер Тагоми, разряжая оружие. — Да, на сегодня с ними покончено.

— Они будут отрицать свою причастность, — сказал Бэйнс. — Это их обычная манера. — Он положил пистолет бандита на стол мистеру Тагоми. — Видите, сделано в Японии!

Он не шутил. Это действительно был японский спортивный пистолет превосходного качества.

Тагоми принялся внимательно исследовать оружие.

— К тому же они вовсе не немцы, — добавил Бэйнс, разглядывая содержимое бумажника одного из лежащих. — Гражданин ТША, живет в Сан-Хосе. Что его с СД связывает? А зовут его, между прочим, Джек Сандерс. — Бэнс кинул бумажник на пол.

— Налет, — кивнул Тагоми. — Они, видимо, хотели добраться до нашего погреба, но ошиблись этажом. Какая уж тут политика.

Пошатываясь, Тагоми поднялся с кресла.

В любом случае попытка покушения или похищения сорвалась. По крайней мере, первая. Но совершенно ясно, что им известно, кто такой мистер Бэйнс. И нет сомнений, что приходили именно за ним.

— Будущее видится нам достаточно мрачным, — пробурчал Тагоми.

Он отошел в сторону и задумался о том, поможет ли в данной ситуации Оракул. Поможет уберечь этих двоих? Сохранит их своим благословлением?

Все еще покачиваясь от пережитого, он принялся перебирать сорок девять стебельков. Ситуация была аномальна по сути, несла с собой отчаяние

и смятение. Человеческий разум не в силах ее выдержать, тут потребна пятитысячелетняя мудрость… Германское государство напоминает собой больного, является искаженной формой жизни. Несет ужас всему естественному. Совокупность бессмыслиц, которую представить себе нельзя.

«Странно, — подумал он. — Люди из СД ведут себя здесь совершенно вразрез с той политикой, какая проводится в Берлине. Что это? Где смысл? Что такое вообще сама Германия? И чем она была раньше? Это все — словно с утра пытаться доискаться до смысла ночного кошмара, который больше всего похож на пародию, на вывернутое представление проблем, с которыми встретился в действительности».

Ничего, Оракул пробьется сквозь этот бред. Даже в этом скопище бессмыслиц, каким является Рейх, «*Ицзин*» отыщет стержень.

Глядя на то, как мистер Тагоми отрешенно манипулирует стебельками, Бэйнс понял, что этот человек глубоко потрясен, и неясно, что именно может вывести его из недр отчаяния. «Убивать и быть посредником в подобных переговорах, — подумал Бэйнс, — для него это не просто ужасно. Противоестественно, непостижимо.

Что ему сказать, чтобы хотя бы отчасти утешить? Он стрелял, защищая меня, — вздохнул Бэйнс, — так что моральная ответственность за смерть тех двоих лежит на мне. И я принимаю эту ответственность. Так я это вижу».

Подойдя к Бэйнсу, генерал Тедеки сказал тихим голосом:

— Вы видите отчаяние этого человека. Несомненно, по воспитанию он буддист, даже если формально и не принадлежит к этой религии. А это религия, которая ставит категорический запрет на убийство любого живого существа. Все жизни — святые.

Бэйнс кивнул.

— Ему придется разрешить для себя дилемму, восстановить равновесие, — продолжал Тедеки. — Он это сделает, но не сразу, со временем. Сейчас ему не за что зацепиться, чтобы обрести новый взгляд на вещи, чтобы оценить собственные действия. Эта книга поможет ему, поскольку предоставляет подобную систему отсчета. Внешнюю, не связанную с его личным взглядом на мир.

— Да, — кивнул Бэйнс и добавил: — Другой такой точкой отсчета для него могла бы стать идея первородного греха. Но сомневаюсь, что он

слышал о ней. — «Нам всем суждено совершать акты жестокости, — додумал он про себя. — Мы погрязли в насилии, злобе. Это наше проклятие от сотворения мира. Наша карма».

Чтобы спасти одну жизнь, мистер Тагоми уничтожил две. Логичный ум не отыщет для себя в этом ни малейшей опоры. Такой мягкий человек, как Тагоми, может сойти с ума оттого, что в его жизнь вошел этот ужас.

«Тем не менее, — размышлял Бэйнс, — главное здесь не моя смерть, не смерть этих двоих. Речь идет о будущем. Все, что произошло здесь, окажется или не окажется оправданным дальнейшим ходом событий. А ну как мы спасли жизнь миллионам, спасли Японию?»

Но человек, перебирающий теперь стебельки сухого растения, не может задуматься об этом. Слишком осязаема реальность. Слишком ужасен вид двух мертвецов на полу кабинета.

Генерал Тедеки прав — время вернет мистеру Тагоми перспективу, чувство реальности. Или же… или же разум его не выдержит и он уйдет в пучины безумия, навсегда отвернувшись от ошеломляющей сложности жизни.

«Но и мы не слишком отличаемся от него, — вздохнул Бэйнс. — И мы испытываем подобные

же трудности. Так что от нас помощи мистеру Тагоми не дождаться. Остается лишь ждать, надеяться, что ему удастся справиться, выдержать».

ГЛАВА XIII

Магазины Денвера оказались шикарными и современными. Обувь, одежда — они заходили во все попадающиеся по дороге. Джулиана была в восторге от каждой обновки, но Джо, казалось, не обращал на это никакого внимания. Просто платил за то, что она выбрала, и они шли в следующий магазин.

Главное же ее приобретение — что потребовало многочисленных примерок и долгих раздумий — было осуществлено уже во второй половине дня. Голубое итальянское платье с короткими рукавами-буфами и очень глубоким декольте. В европейском журнале мод Джулиана видела точь-в-точь такое же, там эта модель превозносилась как самая лучшая модель года. Платье обошлось Джо почти в две сотни долларов.

Ну, а к платью потребовались: три пары туфель, несколько пар нейлоновых чулок и новехонькая сумочка ручной работы. К тому же, как обнаружила Джулиана, платье требовало специального лифчика — без бретелек. Взглянув в зеркало, она ощутила себя выставленной на всеобщее обозрение и весьма усомнилась в надежности всей

этой конструкции. Но продавщица заверила ее, что новый бюстгальтер встал совершенно точно на место и держится прочно, хотя у него и нет бретелек.

«Одни только соски и прикрывает, — вздохнула Джулиана, изучая себя в кабинке для примерок. — Только их и на миллиметр выше». Бюстгальтер стоил тоже недешево, продавщица объяснила, что это тоже — ручная работа, тоже импортный. Еще продавщица предложила ей спортивный костюм, шорты, купальник и пляжный махровый халат, но Джо начал нервничать, и они ушли.

— Правда я буду выглядеть потрясающе? — спросила она у Джо, загружавшего в машину пакеты и сумки.

— Да, — согласился он несколько озабоченным голосом. — Особенно в голубом платье. Ты наденешь его, когда мы отправимся к Абендсену, да? — Окончание фразы он выговорил почему-то резко, словно приказ, и этот тон удивил Джулиану.

— Мой размер — двенадцать-четырнадцать, — сообщила она продавщице в следующем магазине. Та улыбнулась Джулиане и повела ее к стеллажам с одеждой. «Что мне еще нужно?» — задумалась она. Лучше бы, пока есть такая воз-

можность, накупить всего побольше… Глаза ее обшаривали все уголки магазина: блузки, юбки, свитера, широкие брюки, пальто. Да, пальто.

— Джо, — сказала она, — мне нужно что-то верхнее и длинное. Вроде пальто, но не матерчатое.

В конце концов они сговорились на легкой синтетической немецкой шубке — более практичной и не такой дорогой, как настоящие. Джулиана, однако, осталась разочарованной и, чтобы избавиться от этого чувства, принялась изучать прилавки с ювелирными украшениями. Увы, все тут представленное было кошмарной дешевкой и барахлом. Ни тени оригинальности, ни намека на вкус.

— Мне нужны какие-нибудь украшения, — пожаловалась она Джо. — Хотя бы серьги. Или брошка к голубому платью. Но это потом, сейчас надо тебя приодеть… — неожиданно сообразила она, почувствовав себя виноватой. — Пойдем же скорей.

И тут она только взглянула на Джо и обомлела: за те полчаса, что она потратила на разглядывание безделушек, Джо успел сходить к парикмахеру. Но он не только подстригся настолько коротко, насколько это вообще возможно, но еще и обесцветил волосы! Сделался самым на-

стоящим блондином. «Господи, — ошарашенно подумала Джулиана, — с чего бы это он?»

— Надоело мне быть итальяшкой, — пожал плечами Джо. Других комментариев не последовало, и они отправились в магазин мужской одежды.

Они купили ему костюм, замечательно сшитый из новейшей, изобретенной Дюпоном ткани — дакрона. Купили носки, нижнее белье и пару остроносых модных туфель. «Что еще?» — подумала Джулиана. Рубашки. И галстуки. Вместе с продавцом она подобрала две белые сорочки с манжетами на французский манер — без пуговиц, серебряные запонки к ним и пару французских же галстуков. Все это заняло не более сорока минут, Джулиана поразилась, насколько быстро они управились с экипировкой Джо, в отличие от ее собственной.

Костюм, по правде, не мешало бы подогнать, но Джо снова сделался беспокойным и немедленно расплатился прямо рейхсбанковским чеком. «Вот еще что, — сообразила Джулиана. — Бумажник». Они подобрали черный бумажник из крокодиловой кожи, и на этом с покупками было покончено — по крайней мере, по мнению Джо. Они вышли из магазина и вернулись к машине. Часы показывали половину пятого.

— А ты все же не хочешь заузить пиджак в талии? — спросила Джулиана, когда машина влилась в общий поток, движущийся по денверским улицам.

— Нет. — Резкий тон Джо ее озадачил.

«Что случилось? Ну да, я накупила всего слишком много, — призналась она себе. — Можно было бы вернуть пару юбок».

— Поехали обедать, — сказал он.

— О господи! — воскликнула она. — Вот что мы забыли. Ночную рубашку.

Он свирепо взглянул на нее.

— Ты не хочешь купить мне парочку чудесных пижамок? — удивилась она. — Чтобы я выглядела свеженькой и…

— Нет, — покачал он головой. — И забудь об этом. Давай лучше отыщем, где пообедать.

— Нет, сначала давай поселимся в отеле, — твердо возразила она. — И там переоденемся. И только тогда уж — обедать.

«Только надо, чтобы это оказался действительно шикарный отель, — подумала она. — Иначе все веселье пойдет прахом. Если уже не пошло. А там, в отеле, мы у них и узнаем, где лучше всего в Денвере пообедать. И еще узнаем, где есть ночной клуб, в котором можно было бы повеселиться

на полную катушку. Хотя бы раз в жизни. Такой, в котором выступают не местные, а звезды из Европы вроде Элеоноры Перетц или Вилли Бека. Я знаю, что звезды с киностудии «УФА» бывают в Денвере, по радио объявления слышала. Ни на что меньшее я не согласна».

Пока они петляли по улицам Денвера, пытаясь отыскать себе отель поприличней, Джулиана искоса поглядывала на спутника. Такой — коротко стриженный, в своем новом костюме, который как надел в магазине, так и не стал снимать, — он казался уже иным. «Больше он мне теперь нравится или нет? — задумалась Джулиана. — Трудно сказать. По себе знаю, когда сделаешь новую прическу, то делаешься совсем другим человеком. Совершенно другим. Да и мне ведь тоже надо что-то со своими волосами сделать».

В центре города они отыскали наконец шикарный отель. У входа стоял швейцар в униформе, тот сразу принял на себя заботу об их машине. Да, именно таким хорошее место Джулиана и представляла. Посыльный — взрослый мужчина, однако в каком-то мальчишеском прикиде — немедленно выскочил из дверей и подхватил все сумки и свертки, так что осталось лишь медленно и гордо подняться по устланным ковром ступень-

кам до стеклянных дверей отеля и войти внутрь.

В вестибюле повсюду были маленькие магазинчики: цветочный, подарочный, кондитерский; бюро «Люфтганзы». Обитатели отеля толпились возле стойки портье, около лифтов. Повсюду стояли громадные растения в кадках, пол устлан толстым мягким ковром… Джулиана вдыхала ароматы отеля, глядела на суету постояльцев, неоновые рекламы сообщали о том, где расположен ресторан, где — коктейль-зал, закусочная, выход к автостоянке. Они подошли к стойке.

Да тут был даже книжный магазинчик.

Пока Джо заполнял бланк, она отошла в сторону и направилась к этой лавочке, чтобы узнать, не продается ли там «*Саранча».* Да, книга лежала на прилавке, даже целая стопка ярких экземпляров, а над ними был прикреплен плакатик, рассказывающий о том, какая эта книга хорошая, популярная, и, разумеется, о том, что она запрещена повсюду, где власть принадлежит немцам. Женщина средних лет, мило и доброжелательно улыбаясь, обслужила Джулиану. Книга стоила почти четыре доллара, которые показались Джулиане слишком уж несуразно большой ценой, но она не стала передумывать и расплатилась купюрой Рейхсбанка, которую достала из своей

новенькой сумочки. И побежала обратно к Джо.

Возглавлявший шествие коридорный привел их к лифту и отвез на второй этаж. Они прошли по коридору — длинному, теплому и тоже покрытому мягким ковром. И вот она, их шикарная, умопомрачительная комната. Коридорный открыл дверь, внес внутрь все пожитки, открыл окно и включил свет, получил чаевые от Джо и вышел, закрыв за собой дверь.

Все выходило именно так, как представляла себе Джулиана.

— Сколько дней мы пробудем в Денвере? — спросила она у Джо, который принялся раскладывать покупки по кровати. — До того как отправимся в Шайенн?

Тот не ответил, занявшись исследованием содержимого своего саквояжа.

— День или два? — переспросила Джулиана, скидывая шубку. — Или, ты полагаешь, мы можем позволить себе пожить здесь целых три дня?

— Мы поедем сегодня же вечером, — ответил Джо.

Сначала она не поняла, что он сказал. А когда поняла, то не поверила. Уставилась на него, а он смотрел на нее с мрачным, высокомерным

выражением, и в лице его была такая напряженность, какую Джулиана никогда в жизни не видела. Джо замер; казалось, его парализовало в тот момент, когда он, наклонившись, доставал из саквояжа вещи.

— Сначала, конечно, мы пообедаем, — произнес наконец он.

Джулиана по-прежнему не могла вымолвить ни слова.

— Так что надевай-ка свое голубое платье, которое стоило черт-те сколько и так тебе понравилось. Нет, оно в самом деле замечательное… Ты слышишь? — Он принялся расстегивать рубашку. — А я пока приму душ и побреюсь. — Голос Джо казался механическим и почему-то идущим откуда-то издалека. Так же, почти механически повернувшись, он на почти негнущихся ногах направился в ванную.

— Поздно уже сегодня… — сумела наконец произнести Джулиана.

— Нет. К половине шестого мы пообедаем, ну — в шесть, самое позднее. Дорога в Шайенн займет часа два с половиной. То есть там мы окажемся в половине девятого — девять. Позвонить мы можем прямо отсюда. Сообщим Абендсену, что едем, объясним ситуацию. На него междугород-

ний звонок должен произвести впечатление. Скажем, что завтра летим на Западное Побережье и в Денвере только на сутки, на ночь. Но нам так понравилась его книга, что мы сегодня же хотим съездить в Шайенн и вернуться обратно, ради того лишь, чтобы…

— Почему? — прервала его Джулиана.

Из ее глаз полились слезы, и она внезапно обнаружила, что утирает их точно так же, как в детстве, — тыльной стороной ладоней. Подбородок трясся от всхлипов и рыданий, а когда она что-то бормотала, разобрать слова было невозможно.

— Я не хочу, не хочу туда сегодня… Я туда вообще не хочу, никогда. Я хочу увидеть тут все представления, ты же мне обещал… — Страх снова охватил ее, страх, который не покидал ее во все время общения с Джо, но теперь этот страх переходил уже в панику… Ее трясло так, что это видно было и со стороны.

— Ничего, вот вернемся — такой кутеж закатим… все места обойдем, — пообещал Джо, но таким рассудительным тоном, словно отвечал заученный урок.

— Нет! — взвизгнула Джулиана.

— Надевай свое голубое платье. — Джо пере-

брал пакеты и обнаружил его в самой большой коробке. Осторожно распаковал и бережно разложил на кровати. Проделал все это медленно, не спеша. — Да, ты будешь в нем совершенно неотразимой. Нам бы еще купить с собой виски, какого-нибудь шикарного. Шотландского, например.

«Фрэнк… — взмолилась она. — Помоги мне. Я ничего не понимаю!»

— Это куда дальше, чем мы думали, — сказала она вслух. — Я посмотрела по карте. Мы доберемся до места только часов в одиннадцать или того позже.

— А ну одевайся немедленно, или я тебя убью! — заорал Джо.

Джулиана прикрыла глаза и нервно захихикала. «Ну да, — пришло ей в голову, — вот теперь-то будет толк от всех моих тренировок. Наконец-то, в первый раз… Что ж, поглядим, сумеет ли он меня убить или это я переломаю ему позвоночник и искалечу навеки. Хотя он ведь тоже дрался с английскими десантниками, сам через все это давно прошел».

— Я знаю, — сказал Джо, чуть успокоившись, — что ты сама можешь меня замочить. А может, и не сможешь.

— Смогу, — кивнула она. — Навеки смогу искалечить. Нет, в самом деле. Я жила на Западном Побережье. Меня японец в Сиэтле учил. Отправляйся в Шайенн сам, а меня оставь тут. И не пытайся силой заставить. Будешь запугивать — я на все пойду. — Ее голос упал. — Только полезь на меня, постараюсь тебя искалечить как можно сильнее.

— Ну послушай! Надень же ты это чертово платье! О чем ты? Заладила: «убью», «искалечу»… потому только, что я хочу съездить с тобой пообедать, а потом отправиться к тому чудаку, написавшему книгу, которая…

Стук в дверь.

Джо открыл. Там стоял мальчик в униформе:

— Я из прачечной. Вы оставили заказ у портье.

— Да, в самом деле, — кивнул Джо, вернулся к кровати, собрал свои новые рубашки и передал их мальчику. — Через полчаса вернете?

— Только складки разгладить… — констатировал тот. — Стирать не надо. Да, успеем, конечно.

Джо закрыл дверь.

— А откуда тебе известно, что новые сорочки нужно сперва гладить? — спросила Джулиана.

Он не ответил, только пожал плечами.

— А я забыла… — продолжила она. — Хотя

женщине такие вещи знать положено… Когда достаешь из целлофана, они же в складках, мятые.

— В молодости я любил приодеться и гульнуть.

— А откуда ты знаешь, что в отеле есть службы, которые их могут погладить? Я вот не знала. Послушай, ты в самом деле подстригся и перекрасился? Мне начинает казаться, что ты всегда был блондином, просто парик носил. Что, не так?

Он лишь снова пожал плечами.

— Ты, наверное, из СД, — вздохнула она. — Выдаешь себя за итальянского шофера. И никогда ты в Северной Африке не воевал. Правда? А приехал сюда, чтобы убить Абендсена, что — нет? Я знаю, за этим… Вот только я слишком туповата, чтобы сразу сообразить. — Она почувствовала себя совершенно опустошенной.

— Нет, — помолчав, ответил Джо. — Я воевал в Северной Африке. Разве что не под командованием Парди. В дивизии «Бранденбург». Это немецкий десант, — пояснил он. — Мы проникали в британские штабы. Но какая разница, на своем веку мы всякое повидали. И в Каире я тоже был. Тогда и Крест получил, и повышение по службе. Стал капралом.

— А та ручка — оружие, да?

Он не ответил.

— Бомба, — сообразила внезапно Джулиана. — Это бомба-ловушка, и ее можно установить так, что она взорвется, если кто-нибудь открутит колпачок.

— Нет. — Он покачал головой. — Это двухваттовый приемник и передатчик. Так что у меня есть радиоконтакт. Потому что планы могут измениться, ведь политическая ситуация в Берлине меняется каждый день.

— И ты свяжешься с ними, перед тем как туда отправиться? Для надежности?

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты — немец.

— Швейцарец.

— Мой муж — еврей, — сказала она.

— Меня совершенно не волнует, кто твой муж. Все, что я от тебя хочу, это чтобы ты оделась и привела себя в порядок. И мы пойдем обедать. Сделай что-нибудь со своими волосами, лучше всего — сходи к парикмахеру. В отеле салон, наверное, еще открыт. Ты успеешь, пока я буду дожидаться рубашек.

— А как ты собираешься его убить?

— Послушай, Джулиана, ну надень свое новое платье! — взмолился Джо. — А я пока узнаю, как обстоят дела с парикмахерской. — Он подошел

к телефону.

— А зачем я тебе понадобилась?

— У нас есть досье на Абендсена, — сказал Джо, набирая номер, — там сказано, что его особенно привлекают девушки определенного типа. Твоего. Темноволосые, чувственные. Что-то вроде средневосточного или средиземноморского типов.

Пока он разговаривал с обслугой отеля, Джулиана добрела до кровати и рухнула на нее. Закрыла глаза и прижала к ним ладони.

— Да, есть у них парикмахер, — сказал Джо, положив трубку. — Тобой могут заняться немедленно. Спускайся в салон, это в бельэтаже. — Он что-то сунул ей в руку, это были кредитки Рейхсбанка, заплатить за стрижку.

— Оставь меня, пожалуйста, — простонала она. — Ну пожалуйста…

Он взглянул на нее с удивлением и тревогой.

— Сиэтл был ужасно похож на Сан-Франциско, — пробормотала она, — если бы еще не было того ужасного пожара. Весь гористый, как Сан-Франциско… старые деревянные здания, совсем немного каменных. Японцы туда задолго до войны приехали. У них там была своя деловая часть, дома, магазины, всякое прочее, и все такое ста-

рое… Там порт есть. Я в городе с одним моряком с торгового судна оказалась… Там один японец жил, я у него уроки и брала. Пока жила в Сиэтле. Его Минора Ишояси звали, он вечно в жилетке ходил и в галстуке. Круглый весь, как йо-йо[3]. Он почти под самой крышей жил, в том доме еще какая-то контора была, а у него на дверях прибита старомодная латунная табличка и приемная, как у дантиста. Повсюду номера «Нэшнл джиогрэфик» разбросаны.

Джо склонился над ней, взял за руку и потянул к себе так, чтобы она села. Потом поддержал ее за спину.

— Да что с тобой? — спросил. — Ты ведешь себя так, словно заболела.

Он пристально вгляделся в ее глаза.

— Я умираю, — пробормотала она.

— Это просто очередной приступ твоей обычной неуверенности, она за тобой тенью ходит. Слушай, я сбегаю в аптеку и куплю тебе что-нибудь успокоительное. Фенобарбитал ты как переносишь? И еще мы с тобой с самого утра не ели. Ты придешь в себя. А когда мы приедем к Абендсену, тебе ничего не придется делать.

---

[3] Примечания: 3

Йо-йо — амулет на цепочке в виде человеческого черепа.

Будешь стоять рядом со мной, вот и все. Я и говорить сам буду. А ты только улыбайся и веди себя с ним дружелюбно — чтобы он от нас никуда не отходил. Когда он тебя увидит, то, черт возьми, конечно же впустит, особенно в этом итальянском платье. Я бы на его месте тебя немедленно впустил.

— Пусти меня в ванную, — простонала Джулиана. — Мне плохо. Пожалуйста… — Она дернула плечами, желая освободиться от него. — Мне очень плохо, я выйду…

Он отпустил ее. Она прошла через комнату и захлопнула за собой дверь.

«Я могу это сделать», — подумала она. Щелкнула выключателем, свет ее ослепил, пришлось сощуриться. Надо найти. Все это должно быть в ящичке: мыло, зубная паста, бритвы. Вот они. Свеженькая пачечка. Надо открыть. Остренькие.

Она включила душ и ступила под шумящие струи. «Боже, — ахнула она, — я же одета. Костюм пропал». Вода стекала по волосам, одежда прилипала к телу. Джулиана в ужасе сделала шаг назад, едва не поскользнувшись на мокром кафеле. Вода стекала по чулкам тоненькими струйками… она зарыдала.

Джо нашел ее склонившейся над умывальни-

ком. Мокрую одежду она с себя стянула, стояла голая, опираясь одной рукой о раковину и раскачиваясь из стороны в сторону.

— Господи, — пожаловалась она, когда поняла, что Джо стоит сзади, — не знаю, что натворила. Костюм пропал. Он же из джерси. — Она ткнула пальцем в сторону мокрой одежды.

— Ничего страшного, — спокойно ответил Джо, но лицо его ^ выглядело перекошенным. — Тебе же все равно надо было переодеваться.

Он вытер ее белым махровым полотенцем, отвел в комнату. В теплую, с мягким ковром под ногами.

— Надень свое белье, пожалуйста. А я пока позвоню парикмахерше — они поднимаются и в номера, если их попросить. — Он подошел к телефону и снова набрал номер парикмахерской.

— Что ты мне за таблетки предлагал? — спросила она, когда Джо положил трубку.

— Я и забыл. Сейчас в аптечный киоск позвоню. Хотя зачем, у меня же у самого есть. Нембутал или еще какая-то дрянь в этом роде. — Он принялся копаться в саквояже.

— Они меня доконают? — спросила Джулиана, принимая от него две желтые пилюли.

— Что? — Он словно бы не понял, хотя лицо

опять перекосилось.

«Сгниет моя плоть, — подумала она, — сгниет, сухой станет».

— Я хочу сказать, что они лишат меня концентрации?

— Нет. Обычное снотворное «И. Г. Фарбена». У нас на каждом углу продаются. Я их сам глотаю, когда заснуть не могу. Дать тебе воды запить? — Он вышел в ванную.

«Бритва, — подумала она. — Я, кажется, бритву проглотила. Теперь она мне все потроха разрежет. Кара такая. За евреем замужем, а с гестаповским убийцей якшаешься. — Джулиана почувствовала, что по щекам вновь текут слезы. Льются. Горячие, как кипяток. — Кара это, кара. За все мои прегрешения. Поделом».

— Пусть идет, — сказала она вслух, — пусть парикмахерша приходит.

— Но ты же не одета! — Он усадил ее снова на кровать и безуспешно попытался надеть на нее трусики.

— Ты должна привести в порядок волосы! — простонал он в отчаянье. — Да куда же запропастилась эта тетка?

— Волосы растут, — медленно, старательно произнося каждое слово, заговорила Джулиа-

на. — Растут себе и растут… если на теле пятна, то они их закроют. Только скрывайся не скрывайся, а на крючок все равно попадешься. Прячься не прячься, а в западне окажешься. Сам Господь тебе ловушку подстроит. А когда волосы растут, их слышно…

Это все пилюли. Наверное, какая-то скипидарная кислота. От нее все внутренности выест. А пока не съест, так и будет жечь, до самых костей.

Джо взглянул на нее и побелел.

Читает у меня в голове. Все мысли. У него есть такая машинка, чтобы это делать. Только не понять, где он ее прячет.

— Это все твои пилюли, — сказала она вслух. — Это от них все. И голову кружат, и с толку сбивают.

— Но ты же их не приняла… — возразил он и указал на ее сжатую ладонь. Она разжала пальцы и увидела, что — да, там они и лежат.

— У тебя с головой не все в порядке. — Джо словно отяжелел, стал медлительным, превратился в какую-то аморфную массу. — Ты очень больна. Мы не сможем ехать.

— Нет, доктор, — ответила она. — Я приободрюсь. — Она попыталась улыбнуться и взглянула в его лицо, чтобы увидеть, как ей это удалось.

Потому что его мозг отражает все мысли, которые в ее мозгу.

— Нет, я не могу взять тебя к Абендсену, — вздохнул он. — Не сегодня, во всяком случае. Может, завтра. К утру тебе, наверное, станет легче. Мы завтра попробуем. Должны.

— А можно я еще раз схожу в ванную?

Он отрешенно кивнул, вряд ли расслышав. Так что она ушла в ванную, закрыла за собой дверь, достала бритвочку, зажала в правой ладони. Вернулась в комнату. Постояла немного и направилась к входной двери.

— Бай-бай, — сказала она, берясь за ручку.

Джо вскочил и ринулся, чтобы ее задержать.

Она отмахнулась от него.

— Какой ужас… — вздохнула она. — Так и рвутся насиловать. Знать бы сразу.

«Зато теперь мне будет проще, — подумала она. — Никого не боюсь. Разберусь с любым ночным воришкой. А этот-то куда подевался? За шею держится, корчится, танцует, что ли?»

— Пусти, дай пройти, — бросила она небрежно. — Не загораживай мне дорогу, а то еще раз проучу. Жаль, что я только женщина. — По-прежнему держа бритву зажатой в пальцах, она открыла дверь и вышла в коридор. Джо сидел на

полу, прижимая руки к шее. «Словно возле забора отдыхает».

— До свидания, — сказала она и закрыла за собой дверь. Теплый ковер коридора.

Навстречу идет женщина в белом халате, толкает перед собой маленькую тележку, то ли напевает что-то, то ли мурлычет себе под нос. Поглядывает на номера комнат. Оказалась прямо перед Джулианой, подняла голову и обмерла.

— Милашка! — Глаза ее расширились. — Да ты с ума сошла?! Парикмахер тебе не поможет, ступай-ка в номер, оденься, а не то тебя отсюда мигом вышвырнут. О господи! — Она открыла дверь номера и подтолкнула Джулиану. — Пусть твой парень тобой займется, а я скажу посыльному, чтобы кофе принес. — Она втолкнула Джулиану внутрь, захлопнула дверь и покатила свою тележку обратно.

«Парикмахерша…» — поняла Джулиана. Взглянув на себя, увидела, что на ней ничегошеньки нет, так что, выходит, женщина права.

— Джо, — пожаловалась она, — они меня не выпускают. — Джулиана обнаружила кровать, одежду на ней, свою сумку. Вытряхнула ее содержимое. Нижнее белье, блузка, юбка… туфли на низком каблуке. Нашла расческу и попыталась

привести в порядок волосы.

— Ну и приключение. Та женщина в коридоре едва в обморок не упала. — Она поднялась и подошла к зеркалу. — Так уже лучше?

Стоя перед зеркальцем в ванной, она разглядывала себя, поднимаясь на цыпочки, поворачиваясь во все стороны.

— Ужасно. — Она повернулась в сторону Джо. — Совершенно не помню, что делала. Ты, наверное, мне что-то тайком подсыпал. Думал, мне поможет, а вышло — наоборот.

Сидя на полу и по-прежнему держась за шею, Джо ответил:

— Послушай, Джу. Ты очень хорошая, но ты перерезала мне аорту. Артерию на шее.

— О господи! — Она хлопнула ладошкой по своим губам. — Ты такой чудак. Ну, то есть я о том, что все слова путаешь. Аорта — это в груди, а ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану и пойду, — сказал Джо, — кровь из меня за две минуты вытечет. Вызови мне врача. Или кого угодно. Ты поняла? Поняла? Позвони или сходи за ними.

— Поняла, — произнесла она после паузы.

— Ну вот, найди их. Пожалуйста. Ради моей жизни.

— Сам сходи.

— Я же не могу зажать ее полностью. — Она видела, что кровь вытекает из-под его пальцев, стекает к запястью, капает на пол. — Я лишнего движения сделать не могу. Мне надо оставаться так.

Джулиана накинула на себя новенькую шубку, закрыла сумочку и взяла столько пакетов, сколько могла захватить, разумеется не забыв про большую коробку с тщательно уложенным голубым платьем. Открыла дверь в коридор и напоследок взглянула на Джо:

— Может, я скажу портье. Внизу.

— Да, — отозвался он.

— Вот и все, — сказала она. — Скажу им. А ты меня потом в Каньон-сити не ищи, туда я не вернусь. И еще у меня осталась большая часть твоих рейхсбанковских бумажек, так что, несмотря на все, я не в таком уж плохом положении. Гудбай. Чао, бамбино, извини. — Она закрыла дверь и как только могла быстро направилась в холл, волоча сумки и свертки.

Возле лифта Джулиана наткнулась на пожилую, отлично одетую пару — какой-то бизнесмен с женой, — они помогли ей, взяв часть пакетов, а внизу подозвали посыльного.

— Спасибо, — сказала она им.

Посыльный отволок сумки и свертки на тротуар перед входом в отель, там же она отыскала служащего, который рассказал ей, где найти машину. Вскоре она оказалась в холодном бетонном гараже, ожидая, пока работники гаража подгонят ей «студебекер». Дав чаевые, она села за руль, и следующее, что помнила, — как выруливает из залитого желтым светом гаража на улицу: темную, сверкающую огнями рекламы, машин, дорожных указателей.

Швейцар загрузил в машину все ее свертки, улыбаясь с таким радушием, что она дала ему гигантские чаевые и — поехала прочь. Странно, никто не попытался ее задержать, и это ее совершенно поразило. Никто даже бровью не повел. Наверное, решили, что заплатит Джо. Или он уже заплатил, сразу вперед.

Остановившись на светофоре, Джулиана вспомнила, что так и не сказала ни слова портье… О Джо, который сгорбившись сидит в комнате отеля и дожидается врача. Сидит и ждет, и прождет так до скончания века или пока его не обнаружит горничная, которая придет утром прибираться в номер. «Надо вернуться, — подумала она. — Или позвонить. Да, это лучше. Остановлюсь возле

телефона».

«Но как все это странно, — думала она, кружа по городу в поисках телефонной будки и места для стоянки, — кто бы еще час назад мог подумать? Когда мы ходили за покупками, когда заселялись в отель… я думала, мы переоденемся и отправимся обедать, а потом — в ночной клуб… — Она снова заплакала, но поняла это, лишь ощутив, как по носу на блузку сбегают слезы. — Почему я не спросила совета у Оракула? Он бы сразу же все рассказал мне, предупредил бы. Его же можно было спросить в любой момент путешествия или даже перед тем, как на него решиться».

Она безотчетно застонала. Стенания, мычание, вырывавшиеся из ее гортани, ужаснули Джулиану. Никогда ранее ей не доводилось слышать подобных звуков, но она ничего не могла поделать с собой, сжала до хруста зубы — воющие, бессвязные причитания вырывались через нос.

Завидев телефонную будку, она подъехала к тротуару, остановилась и принялась рыться в карманах. «Боже, — вздохнула она, — ну да, я понимаю, все в мире происходит именно так». Вышла из машины, но пошла не к будке, а открыла заднюю дверцу, вытряхнула содержимое сумок на заднее сиденье и принялась рыться в

вещах. Наконец извлекла откуда-то из-под обуви два черных томика Оракула. Не заглушая мотора, там же, на заднем сиденье, принялась подкидывать три никелевых рейхсмарки, освещением ей служил свет витрины расположенного рядом магазина. «Что мне делать? — задала вопрос Джулиана. — Скажи, как мне поступить? Ну пожалуйста...»

Гексаграмма сорок два. «И», «Приумножение» с переходящими чертами на второй, третьей, четвертой и верхней позициях. Переход на гексаграмму сорок три «Гуай», «Выход». Джулиана принялась вчитываться в комментарии, относящиеся к переходящим чертам и ко всей гексаграмме. Общий смысл был таков:

Приумножение.

Благоприятно иметь, куда выступить.

Благоприятен брод через великую реку.

Вот вторая линия:

Можно и умножить то, в чем недостаток, черепахой —

Оракулом ценой в 10 000 связок монет.

От его указаний невозможно уклониться.

Вечная стойкость — к счастью.

Царю надо проникнуть — жертвами к богам.

Счастье.

У Джулианы закружилась голова, но она продолжила читать комментарий. Третья позиция:

Приумножай и при посредстве несчастных событий.

Хулы не будет.

Если сам, обладая правдой, пойдешь верным путем, если заявишь об этом князю и поступишь по его мановению, то хулы не будет.

«Князь»… Несомненно, это Абендсен. «Обладая правдой» — это новенькая *«Саранча»,* лежащая рядом с Оракулом. «При посредстве несчастных событий» — Оракул знал все о ней, о Джо, кем бы он там ни был, о том, что произошло с ними. Но что же на четвертой позиции?

Если, идя верным путем, заявишь об этом князю, то все за тобой пойдут.

Кажется, тут говорится о том, что к Абендсену нужно ехать в любом случае, даже если Джо ки-

нется следом. А вот верхняя линия:

Ничего не приумножит это, а пожалуй — разобьет.

«О боже, — подумала она. — Все это означает убийц. Тут, верно, речь о том, что они пошлют еще кого-то вроде Джо. Проникнут и убьют». Она быстро перевернула страницу, чтобы удостовериться, о чем говорит гексаграмма сорок три. Общее заключение:

Поднимешься до царского двора.

Правдиво возглашай.

А если и будет опасность, то говори от своего города.

Неблагоприятно браться за оружие.

Благоприятно иметь, куда выступить.

Нет, она не вернется в отель, не станет о нем заботиться! Бессмысленно, потому что следом за ним будут посланы другие. Оракул настойчиво говорит ей: «Отправляйся в Шайенн и предупреди Абендсена, чего бы тебе это ни стоило. Ты должна сделать это, должна рассказать ему правду».

Она захлопнула томик.

Обошла машину, села за руль и тронулась даль-

ше. Вскоре Джулиана выбралась из центра города и по скоростному автобану направилась на север. Ехала так быстро, как только могла, хотя мотор странно кряхтел, руль вырывался из рук, сиденье тряслось и всю дорогу что-то беспрестанно тарахтело в бардачке.

«Слава Богу и доктору Тодту за чудесную дорогу», — сказала себе Джулиана, видя перед собой лишь кусок шоссе, освещенный фарами «студебекера», да разграничительную линию.

Из-за всей этой тряски и собственной усталости к десяти вечера она поняла, что в Шайенн уже не успевает. Оставалось найти место, где заночевать.

Указатель на обочине сообщил: «Грили, 5 миль». «Вот и славно, — подумала она, — а все остальное завтра». Через несколько минут она уже въехала на улицы городка, и то тут, то там виднелись огни мотелей, так что с ночевкой проблем не было. «Вот что я еще должна сегодня сделать, — сообразила Джулиана, — позвонить Абендсену и договориться, что завтра к нему приеду».

Припарковав машину, она с трудом вылезла на тротуар — затекли ноги. В дороге она провела весь день, с восьми утра. Неподалеку светилась

окошками аптека, и Джулиана, засунув руки в карманы шубки, направилась туда. И тут же зашла в телефонную кабинку и вызвала Шайенн.

К счастью, телефон Абендсена был в справочнике. Джулиана закинула в аппарат четвертак, и оператор соединил ее с Шайенном.

— Алло, — в трубке раздался энергичный приятный женский голос. Женщине, похоже, лет было примерно столько же, сколько Джулиане.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулиана. — Могла бы я поговорить с мистером Абендсеном?

— Кто его спрашивает?

— Знаете… я прочла его книжку и целый день ехала из Каньон-сити, это в Колорадо, — сказала она. — Сейчас я в Грили. Я думала, что еще сегодня сумею до вас добраться, но не выходит. Скажите мне, пожалуйста, удастся ли мне повидаться с ним завтра?

— Да, сегодня, конечно, уже поздно, — ответила после небольшой паузы миссис Абендсен спокойным и приятным голосом, — мы ложимся довольно рано. Но скажите, есть ли какие-то особые причины, по которым вы хотели бы увидеться с моим мужем? У него сейчас такой период, что он очень много работает.

— Я хотела бы переговорить с ним… — пробор-

мотала Джулиана. Собственный голос показался ей пустым и безжизненным. Затекло все тело, горло пересохло, а во рту поселился какой-то отвратительный привкус. Сквозь стекло кабины она видела хозяина аптеки за стойкой, он как раз наливал молочные коктейли четырем подросткам. Джулиана предпочла оказаться там, а не мучительно раздумывать над ответом миссис Абендсен. Ей хотелось выпить что-нибудь холодное и съесть что-нибудь, сэндвич с курицей и салатом, что ли.

— Готторн сейчас очень много работает, — пояснила миссис Абендсен своим милым голосом. — И довольно беспорядочно. Если вы завтра приедете… ничего вам не могу обещать, потому что он может засесть за работу с самого утра и не встать от стола до ночи. Вы поймите, что перед тем, как предпринимать такую поездку…

— Да, — прервала ее Джулиана.

— Я уверена, он будет рад поболтать с вами пару минут, если ему удастся их выкроить, — продолжала собеседница, — но, пожалуйста, не обессудьте, если ему не удастся оторваться от дел, даже чтобы просто повидаться с вами.

— Мы прочли книгу, она нам очень понравилась… — механически сказала Джулиана. — У

меня она с собой.

— Да, — добродушно промолвила миссис Абендсен.

— Мы остановились в Денвере, занялись покупками, на это ушло слишком много времени… — Она подумала, что говорит совсем не то, не о том, все давно уже переменилось. — Послушайте, — произнесла она другим тоном, — это Оракул сказал мне, чтобы я отправилась в Шайенн.

— Боже!.. — воскликнула миссис Абендсен, но так, словно про Оракула отлично знала, а ситуацию всерьез не восприняла.

— Я вам просто прочту, что получилось. — Оракула она прихватила с собой, он лежал в сумочке, перекинутой через плечо. Она достала томик, положила на полочку под аппаратом и быстро зашелестела страницами. Нашла наконец нужное место. — Одну секундочку…

— Вот вторая черта… — Джулиана начала читать. Когда же она дошла до верхней линии, там, где говорилось о том, что ничто не приумножит, а разобьет, в трубке послышалось восклицание миссис Абендсен.

— Извините, — сказала Джулиана и замолчала.

— Продолжайте, — ответила миссис Абендсен,

но Джулиане показалось, что ее тон изменился — стал тревожным, появилась трудноуловимая резкость.

Джулиана прочитала еще общее заключение гексаграммы сорок три, то, где возникло слово «опасность» и шла речь о том, что благоприятно, куда выступить. Наступила тишина, которую не нарушала ни одна из собеседниц.

— Конечно, ждем вас завтра, — произнесла наконец миссис Абендсен. — И скажите, пожалуйста, ваше имя.

— Джулиана Фринк, — ответила она. — Большое вам спасибо, миссис Абендсен.

Как раз в этот момент вмешалась телефонистка, безразличным голосом сообщившая, что время разговора истекло. Джулиана повесила трубку, взяла сумочку и томик Оракула, вышла из кабинки и пошла к стойке.

Лишь только заказав себе сэндвич с кока-колой, закурив и расслабившись, Джулиана с ужасом поняла, что так и не рассказала миссис Абендсен об этом гестаповце, о Джо Чинанделе, который, поди, так и валяется на полу отеля в Денвере. Она не могла в это поверить. «Я забыла! — ахнула она. — Это полностью выпало у меня из головы. Как же могло такое случиться? Я, похоже, совсем

дурой стала. Или заболела чем-то серьезным».

Она снова полезла в сумочку, чтобы отыскать мелочь еще для одного звонка. «Нет, — решила наконец. — Сегодня им звонить уже не стоит. Слишком поздно. Пусть все остается как есть. Я устала, да и они, наверное, уже легли».

Джулиана съела сэндвич с цыпленком, запила его, добралась до ближайшего мотеля, сняла комнату и, мелко дрожа — то ли от усталости, то ли от нервов, — забилась в постель.

ГЛАВА XIV

Мистер Тагоми погрузился в размышления. Увы, они были невеселы: «Ответа не существует. Осознать все это — невозможно. Не поможет даже Оракул. И, несмотря на все, я должен жить и заниматься обычными делами. Изо дня в день, изо дня в день…»

Необходимо отыскать хотя бы намек на опору. Уйти в тень, сделаться почти невидимым для окружающих. Накопить силы, чтобы потом…

В это утро, как обычно, он попрощался с женой и вышел из дома. Вот только не отправился привычным маршрутом в «Ниппон таймс». Не отдохнуть ли раз в жизни? Почему бы не съездить в парк «Золотых Ворот», не поглядеть на тамошних зверей и на рыб в аквариумах? Увидеть существ, наслаждающихся жизнью не рассуждая.

Вот только дорога туда займет много времени. Тут даже не так времени жалко, сколько — весь путь будет сопровождаться мучительными раздумьями. Если, конечно, все это можно назвать раздумьями.

И потом, все эти звери и деревья — они безличны. Нужен кто-то с человеческой душой. Да,

в этом желании присутствует нечто детское, ну так что же? Может, это как раз и неплохо, поможет ему.

Рикша торопился по Керни-стрит, в сторону центра города. «Фуникулер», — внезапно сообразил мистер Тагоми. Прекрасный тихий, размеренный транспорт, которому полагалось исчезнуть еще в начале века, а вот, поди ж ты, по сей день сохранился.

Тагоми отпустил рикшу и направился к ближайшей остановке.

«Конечно, — подумал он, — может статься и так, что я вовсе не вернусь в „Ниппон таймс“, там все пропахло смертью. Моей карьере приходит конец, так что за беда? Совет Миссий подыщет замену. А Тагоми будет по-прежнему жить, ходить по улицам, вспоминая мельчайшие детали произошедшего? Нет, уйдя от дел, ничего не добьешься».

Все равно война, операция «Одуванчик» сметет всех с Земли. И не будет уже никакой разницы, кто из нас о чем думал, чем занимался до ее начала. Нашим врагом сделался союзник по прежней войне. Что нам дало то, что мы были союзниками? Наверное, воевать надо было против Германии. Или просто способствовать их поражению. Под-

держивать их врагов: США, Англию, Россию.

Повсюду безысходность — куда ни глянь.

Оракул — слишком загадочный. Загадочный и не слишком оптимистичный. Верно, составлял его печальный человек. Мудрец, готовящийся покинуть мир.

Что ж, вот и для нас настал момент, когда мы одиноки. Нам теперь уже не найти себе союзников. «Может, это и к лучшему? — подумал Тагоми. — Или может статься, что все повернется к лучшему. Надо пытаться отыскать путь».

Тагоми добрел до остановки «Калифорния-стрит» и, забравшись в вагончик фуникулера, доехал до самого конца. А там даже выскочил и помог развернуть вагончик на деревянном поворотном круге. Странно, но за все время пребывания в этом городе именно этот вагончик больше всего походил на ту реальную жизнь, которую он ощущал где-то в глубине себя.

Конечно, он поехал обратно… Но эффект стал ослабевать, Тагоми вновь почувствовал пустоту. «Все кругом нас подвержено порче, — подумал он, — и все это происходит слишком быстро». Дома, улицы, транспорт, проходящие теперь в обратном направлении мимо него, уже не радовали, как пять минут назад.

Возле «Стоктона» он поднялся, чтобы выйти. Но на самой уже остановке его окликнул кондуктор:

— Вы портфель забыли!

— Спасибо… — Он оставил его возле сиденья. Тагоми подхватил чемоданчик и на ходу выпрыгнул из вагончика. А в портфеле лежал «Кольт-44», мечта любого коллекционера. Тагоми теперь постоянно решил носить его с собой — на случай, если бандиты из СД решат разделаться и с ним. Кто их знает. «Но все же, — подумал он, — это не выход. В результате можно приобрести дурацкую привычку. Сделаться невротиком. Надо от этой штуки просто избавиться. А то выйдет так, что сначала думаешь, что вынужден с ним ходить, потом становишься одержимым этой необходимостью, а потом привыкаешь и ощущаешь страх и угрозу, исходящие отовсюду».

Но взять и просто выкинуть револьвер он не мог.

«Кажется, я уже начал становиться его частью, — грустно вздохнул Тагоми. — Что же со мной случилось? Неужели все мои инстинкты изменились от того, что я сделал вчера? Где моя вечная восторженность, где моя страсть к коллекционированию? А ведь именно этим я жил… Теперь я думаю только об этом злосчастном

предмете...»

Окликнув рикшу, он сказал, чтобы его отвезли на Монтгомери-стрит, к магазину Роберта Чилдэна.

Надо разобраться до конца. Есть линия, соединившая страсть к коллекционированию с преступлением. Вот этот револьвер и все, что с ним связано. «Может быть, я смог бы разорвать эту связь, обменяв его на что угодно другое? На какой-нибудь другой исторический объект? В этом для меня истории уже слишком много... — вздохнул он. — Моей, личной... не слишком привлекательной. Но эта история связана только со мной, только с моей психикой. Она не трогает остальных».

А если револьвер исчезнет из его жизни, то и событие из нее уйдет. Улетучится, как облако. Потому что память о нем содержится не только в мозгу, она зафиксировалась и в этом объекте. Они равны между собой!

Наконец Тагоми добрался до магазина. «Я тут бывал столько раз, — подумал он, расплачиваясь с рикшей. — И по делам Миссий, и по своим личным».

Подхватив портфель, Тагоми вошел внутрь. Там возле кассового аппарата стоял Роберт Чил-

дэн, мягкой тряпочкой протиравший какой-то предмет.

— Мистер Тагоми… — поклонился тот, увидев посетителя.

— Мистер Чилдэн… — поклонился ему в ответ Тагоми.

— Какая приятная неожиданность. Я польщен. — Чилдэн отложил в сторону и вещь, и тряпку, вышел к гостю. Обычный ритуал приветствия. Но сегодня, почувствовал Тагоми, что-то переменилось. Изменился хозяин, более сдержанным выглядел, что ли? «Что же, это к лучшему, — решил Тагоми. — Обычно суетился, болтал без умолку. Знай только все подряд расхваливал». Впрочем, можно ли сказать, что изменения всегда к лучшему? В этом мог крыться и дурной знак.

— Мистер Чилдэн, — начал Тагоми, пристроив портфель на прилавке и раскрыв его. — Я бы хотел обменять одну из вещей, купленных в вашем магазине. Уже довольно давно. Насколько помню, вы не возражаете против подобной практики.

— Да, конечно, — кивнул Чилдэн. — Все зависит лишь от состояния вещи.

Он внимательно взглянул на предмет.

— Это «Кольт-44», — зачем-то пояснил Тагоми.

Они замолчали, разглядывая револьвер, лежащий в раскрытой коробке. Пакетик с гильзами, пулями. Коробочка с порохом. Боеприпасы частично израсходованы.

Тагоми заметил, что по лицу Чилдэна проскользнула тень. Ну что же, так тому и быть.

— Вы не заинтересованы, — сказал он.

— Нет, сэр, — мрачно ответил Чилдэн.

— Не буду настаивать… — Тагоми почувствовал, что его покидают силы. «Я меняюсь, — подумал он, — я размягчаюсь, меня поглощает инь, мягкая темнота, делает меня собой, это ужасно…»

— Простите, мистер Тагоми.

Тагоми поклонился, закрыл коробку, поместил ее в портфель. «Похоже, это проклятие. Мне придется сохранить эту вещь навсегда».

— Вы огорчены? — осведомился мистер Чилдэн.

— Вы заметили… — Тагоми испугался. Неужели внутренние перемены зашли так далеко, что его чувства стали видны окружающим? Похоже, что дела обстоят именно так.

— У вас есть какие-то особенные причины, по которым вам бы хотелось обменять эту вещь?

— Нет, — ответил Тагоми, как можно более беспечно. — Просто она мне надоела.

— Сомневаюсь, — нерешительно произнес Чилдэн, — что эта вещь могла быть куплена в моем магазине. Я не держу у себя подобных предметов.

— У вас, это несомненно, — ответил Тагоми. — Но это не очень важно. Я принимаю ваше решение и ничуть не обижен.

— Сэр, — сказал Чилдэн, — позвольте мне показать вам новые поступления. У вас найдется свободная минута?

— Что-то необычное? — Тагоми взглянул на Чилдэна, внезапно ощутив, что прежняя страсть шевельнулась в душе.

— Пройдемте сюда. — Чилдэн указал ему, куда именно. Тагоми подошел.

За прозрачным стеклом прилавка на черном бархате лежали небольшие предметы, формы которых скорее угадывались, нежели существовали на самом деле. На Тагоми они произвели странное впечатление, заставившее его вглядеться в них пристальнее.

— Я показываю это всем посетителям, — добавил Чилдэн. — Вы понимаете, что это такое?

— Ювелирные изделия, судя по всему, — ответил Тагоми; больше всего ему понравилась одна брошка.

— Но все это сделано в Америке. Вы правы, сэр, все эти вещи совершенно новые.

Тагоми пригляделся еще внимательнее.

— Новые, — повторил Чилдэн, а его лицо побелело от возбуждения. — Понимаете, это новая жизнь моей страны. Начало новой жизни, новых форм. Скромное начало в виде маленьких, но вечных семян красоты.

Тагоми принялся вертеть в руках некоторые из вещиц. Да, в них, безусловно, кроется новизна, что-то одушевляет этот металл. Дао присутствует в них… когда повсюду властвует инь, в беспросветной тьме оживает первый лучик света… мы все знакомы с этим, помним, как происходило раньше, вот и теперь — то же самое. «И все же, — вздохнул Тагоми, — для меня это только кусочки, осколки, металлический хлам. Не могу почувствовать того, что, кажется, ощущает мистер Чилдэн. К сожалению. К сожалению для нас обоих. Но дело обстоит именно так».

— Симпатичные вещицы, — сказал он, возвращая их на место.

— Сэр, это происходит не сразу, — настойчиво произнес мистер Чилдэн.

— Что?

— Сердце не может мгновенно принять изме-

нившийся мир.

— Вы словно новообращенный, — пробормотал Тагоми. — Хотел бы я оказаться на вашем месте. Не получается. — Он поклонился.

— На это требуется время, может быть, в другой раз… — сказал ему Чилдэн, провожая до выхода из магазина. «А на другие предметы он совершенно не обращал моего внимания», — сообразил Тагоми.

— Увы, ваш выбор не кажется мне проявлением безукоризненного вкуса, — сказал он на прощанье. — Боюсь, вы заблуждаетесь.

— Простите меня, — ответил Чилдэн без малейшего раболепия в голосе. — Но я прав. Эти предметы содержат в себе зародыш будущего. Крохотный, но живой.

— Дай вам бог, — вздохнул Тагоми. — Но ваш англосаксонский фанатизм не слишком привычен для меня. — Тем не менее в душе его шевельнулась надежда. — Всего доброго.

Он поклонился и добавил:

— Я навещу вас в ближайшие дни. Надеюсь, к тому времени я смогу лучше понять суть ваших пророчеств.

Чилдэн поклонился, ничего не ответив.

Мистер Тагоми удалился с портфелем, в ко-

тором по-прежнему лежал кольт. «Ухожу с тем же, с чем пришел, — резюмировал он. — Все еще чего-то ищу. Не могу найти то, что поможет мне вернуться в мир».

А если все же купить одну из этих несуразных вещиц? Хранить ее, глядеть на нее снова и снова, размышлять… и если делать это постоянно, то, кто знает, может быть, удастся найти путь к самому себе? Вряд ли.

«Они — для него, не для меня», — вздохнул еще раз Тагоми.

И все же, если один человек находит этот путь… значит — путь существует. Даже если другому человеку никак не удается его отыскать.

«Я завидую ему», — понял Тагоми.

Повернувшись, он направился в магазин. Чилдэн все еще стоял в дверях, внутрь не заходил.

— Знаете, сэр, я все же куплю одну из этих вещиц. На ваш выбор. Я в них не верю, но сейчас готов испробовать любые пути. — Следом за Чилдэном он вновь направился к прилавку. — Буду носить эту вещь с собой, время от времени на нее поглядывать. Раз в день хотя бы. Если же и через месяц я не почувствую…

— Вы вернете ее мне, а я верну ваши деньги, — кивнул Чилдэн.

— Спасибо, — сказал Тагоми. Он почувствовал себя лучше. «Иной раз надо попробовать все что угодно, — решил он. — И в этом нет ничего такого… Наоборот, мудрость состоит в том, чтобы распознать ситуацию, увидеть посылаемые тебе знаки».

— Вот эта вещица вас успокоит, — сказал Чилдэн. Он положил на стекло прилавка небольшой серебряный треугольник, украшенный полыми капельками. Черный внизу, яркий, заполненный светом — сверху.

— Благодарю вас, — сказал Тагоми.

На рикше Тагоми отправился в сторону Портсмутской площади — небольшого парка на холме, над Керни-стрит, неподалеку от полицейского участка. Вошел в парк, устроился на лавочке. Светило солнце, кругом сновали голуби. На соседних лавках сидели обтрепанные люди, которые либо читали газеты, либо дремали. Кое-кто, чуть поодаль, спал прямо на траве.

Тагоми достал из кармана маленькую коробочку с названием магазина Роберта Чилдэна и принялся разворачивать упаковку. Открыл коробочку и достал оттуда свое приобретение. Ну что же, сейчас, в одиночестве, среди тишины парка он попытается выяснить, что это за вещь.

Маленький серебряный треугольник… Блестящий, словно крышка кастрюли. Или все же не так… Тагоми пристально вгляделся в предмет. «ОМ» — так это называется у браминов. Маленькое световое пятнышко, в котором заключено все. Что же, здесь, по крайней мере, можно искать подсказку. И Тагоми с еще большим рвением принялся изучать предмет.

Поймет ли он то, о чем говорил мистер Чилдэн? Пять минут, десять… «Буду сидеть и смотреть на эту вещь сколько вытерплю, — решил Тагоми. — Жаль, времени всегда не хватает. Но что же такое я держу в руках, если для меня по-прежнему существует время? Пустышку?»

«Извини, — обратился он к лежащему на ладони кусочку металла, — нам всегда приходится бежать куда-то. А все вещи, которые нас интересуют, они возвращаются в свои норки». Принявшись было запихивать вещичку обратно в коробочку, он все же еще раз взглянул на нее — вдруг все же скрытый в ней смысл откроется ему напоследок. «Как ребенок, в самом деле, — подумал Тагоми. — Имитирую невинность и веру. Это как на берегу моря: найдешь пустую раковину — прижми к уху и услышишь, как море шумит».

Хотелось бы так же. Только не через уши, а

через глаза: пусть эта вещь расскажет, покажет все, что произошло, что означало. Разве не может так случиться, что все произошедшее вошло, хранится в этом кусочке металла?

Но если слишком много хотеть, то ничего не добьешься. Много вопросов задаешь — ни на один ответа не получишь.

— Послушай, — Тагоми вслух обратился к вещице, — когда я тебя покупал, мне сказали, что ты очень многое умеешь.

Может, ее надо встряхнуть, как уставшие наручные часы? Тагоми зажал кусочек металла в кулаке и потряс. Точно так же, как перед решающим броском долго-долго трясут в ладонях кости. Надо же как-то разбудить уснувшее внутри вещи божество. Если, конечно, оно заснуло, а не отправилось в какое-нибудь таинственное путешествие. Как пророк Илия. Тагоми раскрыл кулак и вперился взглядом в серебристую поверхность.

«Послушай, маленькая штуковинка, — подумал он, — да ты просто пустышка».

«Испугай ее, испугай!» — посоветовал он сам себе.

— Мое терпение подходит к концу, — сказал он самым серьезным голосом.

А что дальше? В канаву закинуть? Подышать на

нее, еще раз потрясти? Погладить? Как заставить ее ожить?

«Что за ерунда!» — рассмеялся он. На солнцепеке, посреди огромного города. Можно себе представить, что подумали те, кто проходил мимо. Тагоми стыдливо огляделся, но никто на него внимания не обращал. Сидящий на соседней лавочке старик тихо посапывал. Ну что же, хоть это пускай успокаивает.

«Я перепробовал все, что мог, — понял он. — Заискивал, угрожал. Философствовал даже. Что еще сделать?

Если бы я мог тут остаться… В этот раз она меня отвергла. Но удачный момент может настать через некоторое время, разве нет? Она начала было раскрываться и отступила. Кто знает, захочет ли она снова пойти мне навстречу?

Когда я был ребенком, то и рассуждал, как ребенок. Но теперь детские мысли неуместны. Мне положено мыслить в иных понятиях. Как подобает человеку взрослому и образованному.

Надо стремиться к научному взгляду на мир. Логически исследовать все возможности. Систематизировать их в лучших традициях Аристотелевой школы».

Тагоми зажал пальцем правой руки ухо так,

чтобы не был слышен шум машин, и поднес вещицу к другому уху.

Нет, никакого звука. Нет даже того шума, который возникает в ракушке, напоминая собой об океане. Даже шум крови не слышен.

Что же, может быть, тайну раскроют другие органы чувств? Слух тут, похоже, не помощник. Тагоми прикрыл глаза и начал осторожно ощупывать предмет кончиками пальцев. Нет, и осязание не помогает — пальцы не открыли ему ничего нового. А что запах? Он поднес пластинку к носу, вдохнул. Приятный металлический запах, но и только. А вкус? Открыв рот, он прикусил вещицу, провел по ней языком. Да нет, никакого смысла. Горькое что-то, твердое и прохладное.

Вещица снова лежала у него на ладони.

Ну что же, остается вернуться к зрению. Высшее из органов чувств, если использовать греческую меру ценностей. Тагоми чуть отодвинул руку и взглянул на серебряный треугольник так, словно бы тот находился от него на расстоянии в тысячи миль.

«Что же я вижу? — спросил он себя. — Вижу ли я хотя бы намек на ту правду, чье присутствие в этой вещице необходимо для меня?»

Ну открой свою тайну, открой…

«Я словно лягушка, выкинутая на песок из влажных недр, — подумал он. — Если ее взять в руку, то она только бьется и не отвечает, не рассказывает о тайнах, таящихся в глубинах водоема. А эта лягушка даже не мучается, тихо задыхается, превращается в камень, минерал, глину. Она инертная, она снова хочет стать ничем».

«Ведь металл рожден землей? — подумал Тагоми, углубившись в рассуждения. — Он приходит снизу, из наиболее плотных и неподвижных пределов. Там мир трупов, страна троллей и пещер, вечно сырая и мрачная. Это сам мир инь — в наиболее скорбном виде. Мир упадка и распада. Туда, слой за слоем, погружается все, что умерло. Потусторонний неизменяемый мир. Там лежит время, которое прошло».

Но все же свет, которым блистает треугольничек… «Он отражает солнце, он сам — огонь, — размышлял Тагоми. — Не просто сырой и темный предмет, но пульсирующий вошедшей в него жизнью. Вот она, высшая реальность, сторона ян — эфирная, эфемерная. Как и положено произведению искусства. Да, в этом и состоит задача художника: взять минерал, частицу безмолвной костной тверди и превратить его в сияющий

небесным светом объект.

Они превращают смерть в жизнь. Возвращают к жизни трупы. Прошлое преобразуют в будущее.

«Кто ты? — спросил он у серебряного треугольничка. — Ты темный инь или блистающий ян?» Кусочек серебра лежал у него на ладони, блик плясал на нем и ослеплял Тагоми, который сощурился и видел лишь игру света.

Тело инь, душа ян. Металл и огонь объединились. Внутреннее и внешнее сделалось одним и… лежало у Тагоми на ладони.

Из каких миров он говорит сейчас? Где его пространство? Оно уходит вверх, несомненно. К небесам. Из какого оно времени? Из вечно переменчивого времени дыхания и света. Да, эта вещь приковала его дух своим огнем. Она проявила свой дух: свет. И приковала к себе внимание — от нее глаз отвести невозможно. Загипнотизировала, по собственной воле от нее оторваться уже нельзя.

«Так заговори же, заговори со мной, — попросил Тагоми. — Ты меня заполучила, да. Но я хочу услышать твой голос изнутри слепящего, чистого и белого света. Такой голос, о каком можно прочитать лишь в „Бардо Тодол“, в „Тибетской

книге мертвых“. Мне не надо ждать смерти, потому что душе моей уже теперь необходимо новое пристанище. И не нужны мне их жуткие божества — обойдусь пока без них и без тусклого, дымного света тоже. И без сливающихся воедино любовных пар. Пусть будет только белый огонь. Я готов глядеть на него без страха. Видишь, я не отвожу глаз.

Я чувствую, как горячий ветер кармы лечит мою душу, зовет меня за собой. Но я — остаюсь. Я был готов к этому: мне нельзя убежать от чистого белого огня, потому что иначе я вновь войду в цикл рождения и смертей и никогда не узнаю свободы. Не достигну освобождения. Покрывало Майи снова опустится на меня, если я…»

Свет померк.

В ладони Тагоми лежал лишь тусклый металлический треугольник. Чья-то тень отрезала от него солнце. Тагоми поднял взгляд.

Рядом со скамейкой стоял высокий полицейский и улыбался.

— Что? — переспросил Тагоми, вздрогнув.

— Да я просто глядел, как вы с этой головоломкой возитесь. — Полицейский снова улыбнулся и двинулся дальше по дорожке.

— Головоломка, — машинально повторил Таго-

ми. — Это не головоломка.

— Что, разве это не одна из тех штуковин, которые надо разобрать на детальки? У моего парня их целая куча. Некоторые очень сложные. — Полицейский удивленно покачал головой и ушел.

«Все испорчено, — подумал Тагоми. — Я утратил свой шанс нирваны. Вывалился на полпути. И все этот белый варвар, неандерталец. Этот американский недоумок решил, что я развлекаюсь с головоломкой».

Он поднялся со скамейки и сделал несколько тяжелых шагов. Надо успокоиться, раз уж в голову лезут совершенно несвойственные мне расовые предрассудки, на которые ловятся только люди из низших классов.

«Две не находящие искупления и отмщения страсти столкнулись в моей груди, — подумал Тагоми, двинувшись к выходу из парка. — Двигайся, двигайся, ходьба тебе поможет».

Он вышел на окраину парка. Тротуар. Кернистрит. Тяжелый городской шум. Тагоми огляделся, желая отыскать среди потока машин рикшу.

Ни одного рикши. Он прошелся по тротуару, дошел до угла, слился с толпой, ожидающей сигнала светофора. Никогда рикшу не отыскать, когда те нужны.

Боже, а это еще что? Тагоми замер, в остолбенении глядя на гигантскую уродливую конструкцию, нависающую над землей. Какой-то ночной кошмар: подвешенный к небу желоб, бочки по нему скатывать собрались, что ли? Жуткая конструкция из железа и бетона, совершенно закрывающая весь вид.

— Что это? — обратился Тагоми к проходившему мимо худощавому мужчине в костюме не первой свежести.

— Жуткое дело, да? — ухмыльнулся тот. — Это «Магистраль Эмбаркадеро», портовый виадук. Почти все считают, что она испохабила город.

— Никогда раньше не видел… — пробормотал Тагоми.

— Ваше счастье, — хмыкнул прохожий и заторопился дальше.

«Нет, это кошмарный сон, — понял Тагоми. — Надо проснуться, и куда же сегодня подевались все рикши?» Он прибавил шагу.

Перспективу словно бы заволакивал туман или дым. День казался тусклым, потусторонним. Пахло гарью. Мутно-серые здания, тротуар, странный ритм идущих по нему людей. Слишком быстрый. И по-прежнему ни одного рикши?!

— Рикша! — крикнул он наудачу в сторону

дороги.

Безнадежно. Только машины и автобусы. Да и машины выглядели как-то странно — мрачные, агрессивные, никогда таких раньше он не видел. Нет, лучше уж глядеть прямо перед собой. Что-то случилось со зрением, что-то очень болезненное. Какое-то нарушение в организме повлекло за собой изменение восприятия. Горизонт, например, не хотел быть прямой линией, все время изгибался. Какой-то фатальный приступ астигматии, навалившийся без всякого предупреждения.

Нужна передышка. Впереди виднелась какая-то забегаловка. Внутри только белые, жуют. Мистер Тагоми толкнул деревянную звякнувшую дверь. Пахнет кофе. В углу нелепый музыкальный автомат. Тагоми огляделся и пошел к стойке. Все места заняты белыми. Тагоми воскликнул что-то. Некоторые белые обернулись в его сторону. Но никто из них не встал со своего места, никто не уступил место ему! Они продолжали есть.

— Я настаиваю! — крикнул он в ухо ближайшему к нему человеку.

Тот отставил свою чашку с кофе и сказал ему:

— Потише-ка, япошка.

Тагоми оглядел остальных белых: все они смотрели в его сторону весьма недружелюбно. Никто

из них и не думал шевельнуться.

«Это все тот же опыт „Книги мертвых“, — решил Тагоми. — Жаркие ветры занесли меня бог весть куда. Это видение — но какое? Выдержит ли его душа? Да, „Книга мертвых“ сообщает нам, что после смерти мы на своем пути встретим многих, кто окажется нам враждебен. И каждый останется в одиночестве. Каждому придется выбираться в одиночку. Жуткое путешествие, приносящее одни только страдания. В надежде на успех. Деморализация, заблуждения, галлюцинации».

Он отскочил от стойки, кинулся к выходу. Двери хлопнули за ним, он снова стоял на тротуаре.

«Где я? Я выкинут из моего мира, из моего пространства и времени.

Меня дезориентировал серебряный треугольник. Я повел себя не так, как обычно веду себя по утрам, и вот — я здесь. Вот и все, чего мне удалось добиться сегодня. Я здесь, то есть — нигде. Урок на будущее. Стараться уйти от себя, от своих привычек, привязанностей, и вот что в результате. Где же оно, внутреннее руководство? Его не существует».

Это какой-то гипноз. Внимание к окружающему ослаблено, оттого мир погружается в сумерки, выталкивает из себя какую-то архаичную со-

ставленность. Он перестает быть миром живых существ, становится миром архетипов, заполняется бессознательным. Я не по городу хожу, по своему подсознанию. Типичный случай сомнамбулизма, вызванного самогипнозом. Немедленно прекратить это блуждание среди теней, немедленно восстановить концентрацию, вернуться к собственному „я“».

Он пошарил в карманах, желая достать серебряный треугольник. Пусто. Пропал. Остался в парке. Да, там же и его портфель. Катастрофа.

Застонав, он опрометью кинулся в парк, к лавочке.

Дюжина пьянчуг с изумлением глядела на то, как он неумело бежал по дорожке. Вот она, скамейка. А вот рядом с ней так и стоит портфель. Да, но где же треугольничек? Тагоми стал искать. Вот же он — лежит в траве. Он его туда, верно, в злобе кинул.

Тагоми сел на лавочку и перевел дух.

«Снова внимательно вгляжусь в треугольник, — сказал он себе, едва перевел дыхание. — Старательно изучай его и считай. До десяти хотя бы, но вслух».

«Сны наяву, что за глупость, — подумал он. — И к чему это привело? Вовсе не вернуло меня в

состояние детской неги и чистоты, вытолкнуло на поверхность самые муторные воспоминания взросления. Совсем не то, к чему стремился.

Но виноват я сам. Не мистер Чилдэн, не его мастера. Силой понимание не приведешь, уж это можно было понять».

Он медленно просчитал вслух и резко вскочил на ноги.

— Что за проклятая тупость!

Туман рассеивается?

Он огляделся. Да, кажется, мир вокруг него начал проясняться. Тут только Тагоми оценил выражение апостола Павла о том, что теперь мы видим словно бы через мутное стекло… Он понял, что это вовсе не метафора, а точная отсылка к оптическому несовершенству человеческого глаза. И в самом деле: и пространство, и время — не что иное, как продукты нашей собственной психики. А если что-то случается с психикой, тогда ощущения начинают подводить. Ну как при остром расстройстве среднего уха.

И тогда мы ощущаем, что чувство равновесия нас оставило.

Тагоми вновь сел, положил серебряный треугольник в карман пиджака. Поставил на колени портфель. «Что же мне теперь делать? — спросил

сам себя. — Надо пойти и взглянуть на этот чудовищный виадук. Как тот человек его назвал? Портовой эстакадой? Ну, если, конечно, эта штука еще существует».

Но он очень опасался, что ее нет.

«И все же… — вздохнул он. — Я же не могу просидеть тут всю жизнь. Пора и делами заняться».

Как быть?

По дорожке, шумно распугивая голубей, неслись два китайских мальчугана.

— Эй, молодые люди, — окликнул их Тагоми и полез в карман. — Идите сюда.

Они остановились и настороженно приблизились к лавочке.

— Вот вам десять центов. — Тагоми кинул им монетку, и они принялись толкаться, чтобы ее подобрать. — Сходите-ка на Керни-стрит и взгляните, есть ли там рикши. Вернитесь и скажите мне.

— А вы нам потом дадите еще десять центов? — спросил один из них. — Когда вернемся?

— Да, — кивнул Тагоми. — Только, чур, не врать.

Мальчики сорвались и побежали.

«Если их там не окажется, — подумал Тагоми, — мне следует удалиться в укромное место

и покончить с собой». Он хлопнул по портфелю — оружие все еще у него, так что хоть с этим проблем не будет.

— Шесть! — крича, возвращались мальчишки. — Я шесть насчитал.

— А я — пять! — орал другой.

— А вы уверены, что это рикши? — спросил Тагоми. — Вы точно видели людей, которые крутят педали?

— Да, сэр! — в один голос отвечали мальчики.

Он дал каждому по десятицентовику. Они поблагодарили его и умчались.

«На работу и за дела, — скомандовал себе Тагоми, взявшись за ручку портфеля. — Служба зовет, рабочий день сегодня все же».

Той же дорогой дошел до тротуара.

— Рикша!

Из транспортного потока моментально вынырнул рикша, подъехал к тротуару. Лицо его было влажным от пота, он тяжело переводил дыхание.

— Да, сэр.

— В «Ниппон таймс», — скомандовал мистер Тагоми, взгромоздился на сиденье и сразу почувствовал себя легко и уютно.

Старательно нажимая на педали, рикша вкли-

нился в поток машин и других рикш.

К полудню мистер Тагоми добрался до «Ниппон таймс». Не поднимаясь, попросил из вестибюля главную дежурную связать его с мистером Рэймси.

— Здесь Тагоми, — сообщил он, когда их соединили.

— Сэр! Доброе утро! Как я рад, что вы отыскались! Когда вас не было утром, я позвонил вам домой, но ваша жена сказала, что вы вышли из дома в десять утра. Неизвестно куда.

— Там все убрано? — прервал его Тагоми.

— И следа не осталось.

— В самом деле?

— Клянусь, сэр!

Более или менее успокоенный, Тагоми положил трубку и направился к лифту.

Поднялся наверх и, войдя в кабинет, позволил себе моментально оглядеться. Да, действительно, ни малейших следов. Если кто не видел, то и не догадается. Вся историчность впиталась в нейлоновый бобрик ковра на полу…

Мистер Рэймси встретил его на пороге.

— Ваша храбрость была темой для панегирика, опубликованного сегодня в «Тайме», — начал он, — в статье описывается, как… — Он замолчал,

увидев выражение лица Тагоми.

— Отчитайтесь о текущих делах, — сказал тот. — Что с генералом Тедеки? То есть я спутал. С тем, кого зовут мистер Ятабе?

— Мистер Ятабе летит в Токио. На рейсе вне расписания. Повсюду распущены ложные слухи, никто не догадается, как обстоят дела в действительности. — Мистер Рэймси скрестил пальцы, чтобы не сглазить.

— А мистер Бэйнс?

— Точно не знаю. В ваше отсутствие он зашел на минуту, можно сказать — на секунду, но передавать ничего не стал. — Рэймси замолчал в нерешительности. — Видимо, он возвращается в Германию.

— Лучше бы ему было отправиться на Острова Родины, — проворчал Тагоми, обращаясь в основном к самому себе. Но в любом случае их встреча с генералом состоялась, а именно генерал является в настоящее время основной заботой Тагоми. «Впрочем, — подумал он, — оба они уже вне моей компетенции. Они использовали меня, мою контору как прикрытие, и я рад, что мог послужить доброму делу. Как это у них еще называется? Я был их… крышей?»

Был их маской, легендой, скрывшей дей-

ствительность. «За мной, — сформулировал Тагоми, — скрываясь от докучливых соглядатаев, происходила настоящая жизнь».

«Как странно, — подумал он. — Оказывается, иногда очень важно сыграть роль ширмы, прикрытия. Несомненно, я сподобился бы сатори, если б сумел точно уловить мгновение просветления. Но сколь многоводна жизнь! Ничего в ней не теряется. Даже нереальность, выдумка идут ей впрок!»

Появилась чем-то взволнованная мисс Эйфрикян.

— Мистер Тагоми, мне позвонили с коммутатора…

— Успокойтесь, мисс, — сказал Тагоми. «Похоже, поток времени несет нас дальше», — подумал он про себя.

— Сэр, здесь германский консул. Он хочет с вами говорить. — Она перевела взгляд на мистера Рэймси, лицо ее было неестественно бледным. — Он сказал, что сегодня он уже заходил, но…

Мистер Тагоми подал ей знак замолчать.

— Мистер Рэймси, напомните, как его зовут?

— Барон Гуго Рейс.

— Теперь припоминаю. «Ну что же, — усмехнулся он про себя, — кажется, мистер Чилдэн

весьма мне удружил, отказавшись забрать револьвер обратно».

Он взял портфель и вышел из кабинета.

Там, в конце коридора, стоял превосходно одетый белый человек. Коротко стриженные рыжие волосы, блестящие европейские кожаные полуботинки, изысканный мундштук из черного дерева. Несомненно, тот самый.

— Герр Рейс? — осведомился Тагоми.

Немец поклонился.

— Мы регулярно имели между собой отношения посредством почты, телефона и тому подобного, — произнес Тагоми. — Но лицом к лицу мы еще не встречались.

— Считаю честью, — сделал шаг навстречу герр Рейс. — Даже принимая во внимание некоторые крайне прискорбные обстоятельства.

— Простите? — сделал удивленный вид Тагоми.

Немец поднял бровь.

— Простите меня, — продолжал Тагоми. — Я об этих «крайне прискорбных обстоятельствах». Ваши слова не то чтобы выглядят загадочными, сколько похожи на малоаппетитную выдумку.

— Это ужасно, — кивнул герр Рейс, — когда я впервые…

— Подождите, герр Рейс, начинать молебен. Я сначала доскажу сам.

— Ну конечно, конечно.

— Я лично, вот этими руками, пристрелил двух ваших людей из СД, — сообщил Тагоми.

— Полицейское управление Сан-Франциско проинформировало меня о случившемся, — сказал консул, обдавая присутствующих дымом своей довольно вонючей сигареты. — Несколько часов назад я посетил полицейское управление на Керн-стрит. Побывал и в морге, а также прочел отчет ваших людей по поводу данного происшествия. У полицейского инспектора. Все это совершенно ужасно, с начала и до конца.

Тагоми промолчал.

— Тем не менее, — продолжил консул, — предположение о том, что эти бандиты каким-то образом связаны с Рейхом, не подтвердилось. Насколько я понял, в данном случае речь может идти об обыкновенном помешательстве. О нападении двух безумцев. Несомненно, вы действовали совершенно правильно, мистер Тагори.

— Тагоми.

— Вот вам моя рука. — Консул протянул руку. — Давайте обменяемся рукопожатием и скрепим им тот факт, что все это в прошлом. Этому дей-

ствию цены не будет, особенно если учесть, что в подобные критические времена любой инцидент в состоянии воспламенить умонастроения толп и нанести ущерб интересам наших стран.

— Но на моих руках кровь, — возразил Тагоми. — А ее смыть не так легко, как чернила.

Консул, казалось, был в замешательстве.

— Я жажду прощения, — продолжал Тагоми. — Но вы мне его дать не в состоянии. Может быть, никто не в состоянии. Знаете, хочу прочитать известный труд древнего массачусетского святого Гудмена Мазера. Мне говорили, что он рассуждает о вине, об адском огне и тому подобном.

Консул быстро затягивался сигаретным дымом, пристально глядя в лицо Тагоми.

— Позвольте мне высказать вам свое убеждение, — продолжал Тагоми, — что ваша страна стоит на грани еще большей низости. Знаете ли вы гексаграмму «Бездна»? Говоря как частное лицо, а не как официальный представитель японского государства, скажу вам так: обладателю правды — только в сердце свершение, но сердце — поражено ужасом. Впереди нас поджидает кровавая баня, не имеющая себе аналогов. А вы еще стремитесь к достижению каких-то эгоистических целей. Одержать верх над какой-

либо из враждебных вам группировок, над СД например. Устроить Кройцу фон Мейеру холодный душ… — Тагоми не мог продолжать. Так бывало в детстве, когда он начинал злиться на бабушку. — Я страдаю от болезни, развивавшейся все предыдущее время, но теперь принявшей смертельно опасный характер. С того дня, как я услышал о продолжении эскапад ваших вождей, я боюсь, что никакая терапия уже не поможет. И вам тоже, сэр. Так что, говоря словами преподобного Мазера, если я, конечно, процитирую верно: покайтесь!

— Да, вы процитировали верно, — хрипло произнес консул, закуривая следующую сигарету.

Из кабинета появился мистер Рэймси, несший шефу кипу бланков и бумаг.

— Пока консул здесь… — обратился он к Тагоми, приходящему в себя после своей вспышки, — вот деловые бумаги, связанные с германским консулатом.

Тагоми машинально взял листок. Форма 20–50. Запрос Рейха в лице его представителя в ТША, консула барона Гуго Рейса, касательно выдачи человека, содержащегося в данный момент в отделении полиции города Сан-Франциско. Еврея по имени Фрэнк Финк, гражданина — согласно

германским законам — Германии, разыскиваемого с июня 1900 года. Для передачи означенного Финка под юрисдикцию Рейха. И так далее. Тагоми пробежал взглядом всю бумагу.

— Ручка, сэр, — сказал Рэймси. — И тогда на сегодня с германским консульством будет покончено. — Он неодобрительно взглянул на консула и подал ручку мистеру Тагоми.

— Нет, — покачал головой Тагоми и вернул было форму 20–50 мистеру Рэймси, но передумал, взял бумагу обратно и наложил визу: «Освободить. Главные Промышленные Миссии Японии, Сан-Франциссское отделение. Согласно двустороннему военному протоколу от 194. года. Тагоми». Один бланк запроса вернул консулу, а остальное — отдал мистеру Рэймси.

— До свидания, герр Рейс, — поклонился он.

Германский консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на то, что написано на бумаге.

— В будущем прошу вас обращаться к нам, как прежде — посредством телефона и почты, — сказал Тагоми. — Не лично.

— Вы пытаетесь упрекнуть меня в том, что находится вне сферы моей компетенции, — вздохнул консул.

— Дерьмо собачье, — спокойно ответил Таго-

ми. — Да, я именно это и хотел сказать.

— Это не тот способ, каким ведут дела цивилизованные люди, — поморщился консул. — Вами руководят обида и желание мести, в то время как речь идет об обычной формальности, не предусматривающей участия личных чувств. — Он швырнул сигарету на пол, повернулся и пошел прочь.

— Подберите свою вонючую гадость! — слабо крикнул ему вслед Тагоми, но консул уже завернул за угол.

— Детское поведение, — вздохнул Тагоми и, обернувшись к Рэймси, добавил: — Вы были свидетелем типичной инфантильной реакции.

Нетвердой походкой он направился в сторону своего кабинета. Не хватало воздуха. Боль внезапно пронзила левое предплечье, пошла вниз, и в тот момент, когда добралась до кончиков пальцев, кто-то словно бы схватил его грудную клетку гигантской ладонью и сжал. «Ох», — только и успел он сказать, но вслух ли, нет — не понял. Перед ним лежал уже не ковер, но какой-то сноп разноцветных огней, искр. Красных, ярких, брызжущих во все стороны.

«Помогите, мистер Рэймси, — он попытался крикнуть, но звука не получилось. — Ну пожа-

луйста…» Он споткнулся, стал валиться вперед. Никто не поддержит.

Пока он падал, успел нашарить в кармане серебряный треугольничек, навязанный ему мистером Чилдэном. «Не спас он меня! Не помог».

Рухнул на пол. Больно ударился коленями и локтями, почувствовал, как пахнет ковер. Рэймси наконец кинулся к нему, что-то бормоча. «Это он для душевного равновесия».

— Небольшой сердечный приступ, — с трудом прохрипел Тагоми.

К нему подбежали люди, подняли, понесли на кушетку.

— Не волнуйтесь, сэр, — сказал кто-то из них.

— Сообщите, пожалуйста, жене, — попросил Тагоми.

Он слышал завывание «скорой помощи». И уличный шум. Какие-то люди входили и выходили, его накрыли одеялом. Сняли галстук, расстегнули воротник.

— Теперь лучше, — произнес он. Он лежал удобно, не пытаясь пошевелиться. «Все одно — карьере конец, — решил он. — Немецкий консул поднимет шум. Примется рассуждать о цивилизованных манерах. Видимо, имеет на то право».

В любом случае дело сделано. По крайней мере,

что касается его, Тагоми, части. А об остальном пусть договариваются Токио и группировки в Германии. А он вышел из игры.

«А я-то думал, что речь пойдет о пластмассах… — еще раз усмехнулся он. — Серьезный торговец пресс-формами. Оракул-то угадал, предупреждал меня, а я…»

— Снимите с него костюм, — раздался чей-то голос. «Тон вполне уверенный, — улыбнулся Тагоми. — Для врача уверенность — это все. И не только для врача».

«Может ли это быть ответом? То, что со мной сейчас произошло? — подумал он. — Организм лучше меня знает, что требуется? Время отдохнуть, отойти от игры. Хотя бы на время отдохнуть. Ничего не поделаешь, приходится соглашаться.

А что мне сказал Оракул, когда я спрашивал его в последний раз? В кабинете, когда на полу лежали два покойника? Шестьдесят один. „Чжун Фу“, „Внутренняя правда“. „Даже вепрям и рыбам — счастье“. Даже им — потому что они самые глупые среди всех тварей, слишком упрямы, ничем их не убедишь. Как я сам. Оракул имел в виду меня. И то, что я никогда до конца ничего не пойму, такова уж моя натура. Или то, что происходит со мной, и есть внутренняя правда? Какое из двух

этих мнений истинное?»

Я подожду. Потом пойму которое.

Возможно, сразу оба.

В тот же день к вечеру полицейский офицер, гремя ключами, открыл камеру Фрэнка Фринка и сказал, чтобы тот собирал вещички.

Вскоре Фринк обнаружил, что стоит на тротуаре, неподалеку от остановки «Керн-стрит», кругом снуют толпы пешеходов, а по улице носятся автобусы, сигналящие машины и орущие что-то рикши. Вечерело, воздух был прохладен. Фринк постоял-постоял да и пошел заодно с другими через перекресток.

«Непонятно, как арестовали, — подумал он. — И почему, без всякой причины… А теперь точно так же выпустили».

В участке ему не сказали ничего, просто отдали сверточек с вещами, бумажник, очки, прочую мелочь и вернулись к своим делам, а именно — продолжили возиться с каким-то подобранным на улице пьянчужкой.

«Чудеса, да и только, — подумал Фринк. — Отпустили… Меня давно уже были должны везти на самолете в Германию, навстречу гибели».

Он все еще не мог поверить в случившееся. И в арест, и в освобождение. Совершенно нереальное.

Он свернул на небольшую улочку, шел, глядя на закрытые лавки, переступал мусор, разносимый по тротуару ветром.

«Это что же, новая жизнь? — сказал он сам себе. — Словно заново родился. Вот же черт…»

Кому спасибо сказать? За кого помолиться?

Кому?

«Хотел бы я во всем этом разобраться. — Он шел вдоль запруженного гуляющими тротуара, вдоль неоновых улиц, хлопающих дверей баров на Гранд-авеню. — Хотел бы я все это осознать. Мне надо это сделать».

Но он знал, что никогда это ему не удастся.

Надо просто радоваться. И двигаться вперед.

Что-то подсказало ему, что надо возвращаться в мастерскую, к Эду. Возвращаться в подвал. Заняться тем, чем занимался. Использовать свои умения, делать украшения. Работать, а не рассуждать, не пялиться по сторонам, не строить предположения. Занять себя делом. Работать.

Квартал за кварталом Фринк пересекал темнеющий город. Скорей бы вернуться в привычную, знакомую обстановку. Туда, где он чувствует себя нормально.

Добравшись, он застал Эда Маккарти сидящим возле верстака и занятым обедом. Два сэндвича,

термос с чаем, банан, несколько булочек. Фринк замер в дверях и пытался отдышаться.

Эд наконец почувствовал его присутствие и обернулся.

— Я уж думал, тебя прикончили, — сказал он. Он знай себе жевал, глотал куски и откусывал следующие.

Возле верстака стоял теперь небольшой калорифер. Фрэнк подошел поближе и, сев на корточки, протянул к раскаленным спиралькам озябшие руки.

— Хорошо, что ты вернулся, — произнес Эд. Потянулся, хлопнул Фринка пару раз по спине и вернулся к своей трапезе. Больше он не сказал ничего, в помещении слышны были только пощелкивания электронагревателя да чавканье Маккарти.

Фрэнк захватил горсточку полузаконченных деталек, сел к верстаку и принялся за работу. Насадил на ось войлочный круг, смазал его полировальной пастой, надвинул на лицо маску и принялся снимать с кусочков металла окалину. С одного, с другого…

ГЛАВА XV

Капитан Рудольф Вегенер, в этот раз путешествующий уже под именем Конрада Гольца (оптовая торговля медикаментами), поглядывал в иллюминатор «Люфтганзы ME9-E». Внизу проплывала Европа. «Как все-таки быстро, — подумал он. — Минут через семь приземлимся в Темпельхоффе.

Интересно, — вздохнул он, — что же мне в результате всего этого удалось сделать? Теперь все в руках генерала Тедеки. Все зависит от того, что ему удастся осуществить на своих островах. По крайней мере, мы передали ему информацию. Сделали, что могли».

Впрочем, особых причин для оптимизма нет. Вполне вероятно, что японцам не удастся изменить курс германской политики ни на йоту. Правительство Геббельса у власти и, похоже, удержится надолго. Они приберут к рукам всех остальных и вплотную займутся «Одуванчиком». И громадная часть планеты окажется уничтоженной — ради того только, чтобы удовлетворить мечты дегенератов.

Судя по всему, наци идут к тому, чтобы уничто-

жить вообще всю планету. Оставить после себя стерильный камень без малейшей органической грязи. Что же, они смогут — водородная бомба у них есть, а их взгляд на мир не просто подготавливает, а наталкивает-таки на осуществление следующей операции: «Гибель богов». Что им стоит произвести всеобщее уничтожение ради того только, чтобы почувствовать себя этими самыми богами?

Что останется после них? После затяжного безумия? Наступит ли конец всякой жизни? И мы собственными же руками умертвим свою планету? Жизнь как таковую?

В это Вегенер поверить не мог. Даже если на Земле жизнь и прекратится, то должна же она существовать еще где-то, пусть даже мы о ней и не знаем. Не может такого быть, чтобы мы оказались одиноки. Должны быть и другие миры, пускай лежащие даже в невидимых нам измерениях.

«Даже если я не могу это доказать, даже если мысль о их существовании нелогична, — сказал себе он, — я все равно верю в их существование».

— Майне дамен унд херрен. Ахтунг, битте, — сообщил громкоговоритель.

«Итак, садимся, — вздохнул капитан Вегенер. — Несомненно, меня встретят люди из СД. Но вот

вопрос-то в чем: какую группировку они будут представлять? Геббельса? Гейдриха? Предположим, что генерал СС Гейдрих еще жив. Хотя пока я входил в корабль и летел, его вполне могли арестовать, застрелить. Когда в подобных государствах меняются правительства, ни за что ручаться нельзя. Все происходит очень быстро. В Германии прахом моментально становятся даже имена, еще вчера боготворимые всеми».

Несколькими минутами позже, когда ракета приземлилась и к ней подвели трап, Вегенер встал и, перекинув плащ через руку, двинулся в толпе возбужденных пассажиров к выходу. «Нет среди них нациста-художника, — вспомнил он. — Не докучал мне в этот раз своим идиотизмом молодой психопат Лотце».

Служащие авиакомпании, одетые, как не без удивления обнаружил Вегенер, в точное подобие рейхсмаршальской формы, помогали пассажирам сойти вниз. А там, возле входа в аэропорт, уже стояла небольшая группа чернорубашечников.

«За мной?» Вегенер медленно пошел в их сторону. Из группы, стоявшей чуть поодаль, махали прилетевшим, звали их, улыбались… мужчины, женщины, несколько детей.

Один из чернорубашечников, широкоскулый, с

остановившимся, мертвецким взглядом, блондин со значком «Ваффен-СС», вышел ему навстречу, отсалютовал, щелкнул каблуками и произнес:

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitan Rudolf Wegener, von der Abwehr?[4]

— Извините, — ответил Вегенер, — я Гольц. Конрад Гольц. Представляю фармакологический отдел «А. Г. Хемикален».

И попытался пройти мимо.

К нему подошли двое других, тоже со значками «Ваффен-СС». Вся троица шествовала за Вегенером на отдалении, но тем не менее надежно отсекала его от остальных пассажиров. У двоих из эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал один из громил, когда они вошли в здание аэропорта.

Он не ответил.

— У нас машина, — продолжал эсэсовец. — И приказ — встретить вас, войти в контакт и немедленно отвезти к генералу СС Гейдриху. Генерал в настоящий момент вместе с Зеппом Дитрихом находится в штабе одной из дивизий Гражданской обороны. И мы должны исключить любой контакт с вами со стороны представителей Вер-

---

[4] Примечания: 4
Прошу простить, вы не капитан Рудольф Вегенер из Абвера? (нем.)

махта или партии.

«Так что, похоже, не расстреляют, — сказал себе Вегенер. — Гейдрих жив, он в надежном месте и собирает силы, чтобы схлестнуться с Геббельсом».

«Что же, Геббельс может и проиграть», — подумал он, забираясь в эсэсовский «даймлер»-седан. Части «Ваффен-СС» ночью входят в город, сменяют всю охрану рейхсканцелярии. Берлинские вокзалы внезапно оказываются запруженными вооруженными людьми из СД, которые расходятся по городу. Отключаются радиостанция, электростанция, Темпельхофф закрыт. Грохот тяжелых орудий на темных и пустынных улицах.

Но что это изменит? Даже если Геббельс проигрывает и операция «Одуванчик» уходит в небытие? Чернорубашечники все равно останутся существовать. Партия останется. Снова появятся безумные планы, которые еще сработают — не на Востоке, так на Западе. На Марсе, на Венере.

«Не удивительно, что мистер Тагоми не смог всего этого вынести, — подумал он. — Что бы ни произошло, получившееся зло окажется не сравнимым ни с чем доселе виданным. К чему же тогда борьба? Зачем делать выбор? В любом

случае произойдет одно и то же…»

Судя по всему, все пойдет, как и шло. Изо дня в день. Сегодня мы противостоим операции «Одуванчик». Ну что же, в следующий раз придется противостоять полиции. Бесконечный процесс. И каждый раз, на каждом шагу нам придется делать свой выбор.

«Остается только надеяться, — подумал он. — И пытаться…»

В каком-нибудь ином мире все, возможно, куда лучше. Там существует добро — самостоятельно, а не в качестве альтернативы какому-то особенному ужасному злу. Нет вечных двусмысленностей, нет путаницы. Все ясно.

Но у нас нет никакого другого мира, нет такого мира, который бы нам подошел как нельзя лучше. Такого, в котором мы могли бы делать добро, не опасаясь, что в результате оно обернется злом.

«Даймлер» тронулся с места, увозя с собой капитана Вегенера, по обоим бокам которого устроились чернорубашечники. На коленях у каждого автомат. Третий чернорубашечник — за рулем.

«Предположим, это обман, — прикинул Вегенер, пока седан мчался по запруженным берлинским улицам. — Они, скажем, вовсе не везут меня

к генералу Гейдриху, а доставят в партийную тюрьму, где примутся допрашивать и в конце концов убьют. Ну что же, я сам вернулся в Германию. И этот выбор был сопряжен с риском — не успеть оказаться под защитой людей из Абвера».

Смерть возможна в любой момент. И это единственная и несомненная для всех нас свобода. И мы, конечно, выбираем свободу. Или поддаемся обстоятельствам, выбирая ее подневольно, либо, отказавшись от себя, становимся на этот путь осознанно.

Вегенер глядел в окно, на берлинские улицы и дома. «Ну что же, мой Volk, — улыбнулся он. — Вот мы и снова вместе».

— А как тут идут дела? — спросил он у своего сопровождения. — Как развивается политическая ситуация? Меня не было несколько недель, я уехал еще до смерти Бормана.

— Сплошные истерические восторги по поводу маленького Доктора, — откликнулся тот, что сидел справа. — Толпа, собственно, его и вознесла на вершину. Вот только непохоже, что, когда восторг схлынет и станет слышен голос здравого разума, люди захотят слушать этого демагога, который опирается лишь на то, что дурит людям головы своей ложью и заклинаниями.

— Да, — кивнул Вегенер.

«Все продолжается, — подумал он. — Междоусобицы. В этом, видимо, семена любого зла. Они будут пожирать друг друга, пока не сдохнут и не освободят мир от своего присутствия. Что же, надеюсь, нас останется еще достаточно, чтобы отстроить все заново и заняться простой жизнью, не изобретая грандиозных планов».

К часу пополудни Джулиана добралась до Шайенна, штат Вайоминг. Остановилась в центре, неподалеку от депо старинных гигантских паровозов, зашла в табачную лавочку и купила пару свежих газет. Вернулась в машину и принялась изучать страницы, пока не отыскала то, что хотела.

ОТПУСК
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КРОВОПРОЛИТИЕМ

«В связи с нанесением своему мужу раны, повлекшей за собой его мучительную смерть, разыскивается миссис Чинандела. Трагедия произошла в роскошном номере отеля „Президент Гарднер“, в Денвере. По сведениям, полученным от служащих, миссис Чинандела покинула

отель сразу же после кровавой развязки супружеской ссоры. В номере были обнаружены лезвия безопасной бритвы, которыми администрация отеля снабжает своих постояльцев. Судя по всему, одно из этих лезвий и было использовано миссис Чинанделой. Ее описывают как привлекательную темноволосую женщину в возрасте примерно тридцати лет. Она стройна и прекрасно одета. Именно такое лезвие было ею использовано, чтобы перерезать горло своему мужу, чье тело обнаружил служащий отеля Теодор Феррис, который вернул в номер выглаженные рубашки мистера Чинандела и таким образом оказался первым свидетелем ужасной сцены. Мистер Чинандела отдавал рубашки в глажку за полчаса до этого. Значит, именно в эти полчаса и произошла трагедия. По словам полиции, обстановка номера свидетельствует о происходившей там борьбе, последним аргументом в которой…»

«Значит, он умер, — сказала себе Джулиана, отложив газету. — Но важно не только это. Они

не знают моего настоящего имени. Они вообще не знают, кто я такая. Откуда… не знают обо мне совершенно ничего».

Успокоившись, она продолжила путь, пока не отыскала себе подходящую гостиничку. Зарегистрировалась, отнесла в номер пожитки. «Кажется, теперь мне уже некуда спешить, — поняла она. — Надо спокойно дождаться вечера, когда можно будет отправиться к Абендсенам. Надену новое платье. Днем в таком на люди показываться не стоит — такие вещи надевают только в торжественных случаях».

И еще книгу дочитать надо.

Она уютно устроилась в номере, выключила радио, заказала в комнату кофе, легла на старательно застеленную кровать и раскрыла купленный в Денвере свеженький экземпляр «Саранчи».

К четверти седьмого книгу она дочитала. «Интересно, — подумала она, — а Джо дочитать успел? Там ведь куда больше смысла, чем смог уловить он. Что же хотел сказать Абендсен? Он же говорил вовсе не о своем выдуманном мире… Интересно, одна ли я это поняла? Похоже, остальным только кажется, что они поняли книгу…»

Ее все еще немного покачивало, когда она от-

ложила книгу, надела шубку и отправилась в город перекусить. Воздух был прохладен, пахло начинающейся осенью, и огни Шайенна казались чрезвычайно милыми.

Возле бара ссорились две симпатичные темноволосые индианки-проститутки — Джулиана замедлила шаг, чтобы досмотреть сценку до конца. Множество машин, блестящих, сияющих, разъезжало по улицам, на тротуарах разворачивался настоящий спектакль вечерней жизни, яркий и заполненный предвкушениями радости. Казалось, сама жизнь глядела вперед, ожидая, что произойдет какое-то важное и хорошее событие, прошлое эту жизнь не интересовало… «И правильно, — подумала Джулиана. — Что у нас позади? Запустение, печаль, удрученность».

Человек в белом возле дорогого французского ресторана отводил на стоянку машин посетителей, а на каждом столике стояла в гигантском бокале горящая свеча. Скатерти были белоснежными, а масло подавали в круглых мраморных масленках. Джулиана съела обед, который ей очень понравился, и медленно, не торопясь, пошла в мотель. Рейхсбанковских купюр у нее почти не осталось, но это ее заботило не слишком. Неважно. «Он рассказал нам о нашем собствен-

ном мире, — поняла она, открывая дверь в свой номер. — О том, что нас окружает».

Включила радио.

«Он хочет, чтобы мы увидели то, что происходит вокруг нас, — сказала она себе. — И я это вижу. И другие, наверное, тоже начинают видеть».

Достав из коробки голубое итальянское платье, она аккуратно разложила его на кровати. С платьем было все в порядке, разве что надо слегка пройтись щеткой, чтобы снять приставшие пылинки. Но когда она распаковала остальные вещи, то обнаружила, что оставила в Денвере все свои новые бюстгальтеры.

— Черт побери! — Она откинулась в кресле. Закурила сигарету.

Может, удастся надеть платье с обычным? Она скинула юбку и блузку и влезла в платье. Нет, невозможно… видны бретельки, да и верхние края. Может, без этой штуки можно вообще обойтись? Когда-то она так и ходила, в юности, когда грудки никак не хотели расти, она даже беспокоилась по этому поводу. Но потом, когда повзрослела — а то и уроки дзюдо помогли, — все пришло в порядок.

Она надела платье на голое тело и, поставив стул перед зеркалом в ванной, взглянула на себя.

Платье сидело на ней великолепно, но — о боже! — слишком уж это рискованно! Стоит только слегка нагнуться вперед, чтобы закурить или взять бокал, — не миновать беды.

Брошка! Она сможет надеть платье и без лифчика, если слегка заберет его спереди. Она высыпала на кровать содержимое своей коробочки с безделушками и принялась рыться среди них. Тут были заколки, брошки, прочая дребедень, оставшаяся ей с прошлых лет. Часть вещей ей дарил Фрэнк, что-то еще — другие мужчины, еще до свадьбы. А вот брошка в форме лошадиной головы может сгодиться. Мексиканская, немного грубоватая, но сойдет. Джулиана нашла точное место, где ее пристегнуть. Так что теперь с платьем проблем нет.

«Я уже чему угодно радуюсь, — вздохнула она. — Вот и все, что осталось от моих прекрасных планов».

Она принялась старательно причесываться — искры так и трещали. Теперь осталось подобрать обувь и серьги. Потом она надела новенькую шубку, взяла сумочку и вышла.

Вместо того чтобы отправиться на своем дребезжащем «студебекере», она попросила хозяина мотеля вызвать ей такси. Пока дожидалась

машины, неожиданно для самой себя решила позвонить Фрэнку. Почему эта мысль пришла ей на ум, она не поняла, но тем не менее… «Почему бы и нет? — спросила она себя. — Можно даже за звонок не платить — Фрэнк обрадуется, услышав ее голос, и возьмет оплату на себя».

Сидя в холле с трубкой возле уха, она с удовольствием слушала, как между собой переговариваются телефонистки, озабоченные тем, как соединить ее с Сан-Франциско. Был слышен голос тамошнего оператора, потом раздались гудки вызова. Джулиана поглядывала в окно — такси могло подойти в любой момент. Ничего, подождет.

— Ваш номер не отвечает, — сообщила ей наконец телефонистка из Шайенна. — Мы повторим звонок чуть позже и…

— Нет, — покачала головой Джулиана. Поговорить ей только сейчас захотелось. Откуда она знает, что будет потом. — Я уже отсюда уеду. Спасибо.

Она положила трубку. Хозяин мотеля стоял неподалеку, поглядывая в ее сторону — беспокоился, чтобы по ошибке разговор не записали на его счет. Джулиана вышла на тротуар и стала дожидаться такси там.

Из потока машин вырулил автомобиль и затормозил возле дверей мотеля. Таксист выпрыгнул навстречу Джулиане.

Чуть позже Джулиана подъезжала к дому Абендсена.

Во всех окнах горел свет, доносились музыка и гул голосов. Дом оказался одноэтажным, оштукатуренным, а вокруг него — живая изгородь. Довольно большой сад с многочисленными кустами вьющихся роз. Джулиана вступила на дорожку и подумала: «А я не ошиблась? Это же „Неприступный замок“! А как насчет всех слухов? Совершенно обычный дом, прекрасно ухоженный, и сад замечательный». На длинной бетонной дорожке стоял даже детский велосипедик.

Или это какой-то другой Абендсен? Но ведь адрес она списала из телефонного справочника Шайенна, и этот номер совпадал с тем, по которому она звонила из Грили.

Она взошла на крыльцо, огороженное коваными чугунными перильцами, и нажала на кнопку звонка. Сквозь полуоткрытую дверь была видна часть гостиной, там, столпившись, стояли люди. Подъемные жалюзи на окнах, пианино, камин, книжные полки… хорошо обставлено. Что же там

— вечеринка? Но тогда одеты они все не слишком торжественно.

Взъерошенный мальчишка лет тринадцати, в футболке и джинсах, широко распахнул дверь.

— Да?

— Это дом мистера Абендсена? — спросила она. — Он занят?

— Ма! — крикнул мальчик в глубину комнаты. — Она папу видеть хочет.

Рядом с мальчиком появилась женщина с рыжевато-каштановыми волосами, лет тридцати пяти. У нее были серые глаза, твердый взгляд и настолько умная улыбка, что Джулиана немедленно поняла — перед ней Каролина Абендсен.

— Я вам звонила вчера, — сказала Джулиана.

— Да, конечно. — Улыбка стала дружелюбной. У женщины были прекрасные зубы. «Она ирландка», — решила Джулиана. Только ирландская кровь может придать такую женственность линии подбородка.

— Давайте вашу шубу и сумочку, — сказала женщина. — Вам повезло, к нам нагрянули приятели. Какое чудесное платье… от Черубини, да?

Она провела Джулиану через гостиную, в спальню, где положила вещи Джулианы к вещам остальных гостей, на кровать.

— Мой муж слоняется где-то среди гостей. Ищите высокого человека в очках, пьющего как в добрые старые времена… — В ее глазах вспыхнул огонек, губы мягко изогнулись. «Между нами так много общего, столько понимания… — подумала Джулиана. — Разве это не восхитительно?»

— Я приехала издалека, — произнесла она.

— Да, конечно. А, вот я его вижу. — Каролина Абендсен повела Джулиану обратно в гостиную.

— Дорогой, подойди сюда, — сказала она. — Тут одна из твоих читательниц, которой ужасно хочется перемолвиться с тобой парой слов.

От группы людей отделился человек с бокалом в руке. Джулиана обнаружила перед собой невероятно высокого мужчину с черными вьющимися волосами, кожа его была немного смугловата, а глаза казались карими, хотя их точный цвет нельзя было понять из-за слегка затемненных очков. Одет он был в очень дорогой костюм из натуральной ткани, наверное из английской шерсти. Костюм, несомненно, был сшит вручную, на заказ, и сидел великолепно, без малейших морщин, и лишь подчеркивал ширину плеч хозяина. Джулиана за всю свою жизнь не видела подобного костюма, просто загляделась на него.

— Миссис Фринк, — прервала затянувшуюся

паузу Каролина, — проделала долгий путь из Каньон-сити в Колорадо, чтобы поговорить с тобой о «Саранче».

— А я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулиана.

Чуть наклонившись вперед, чтобы лучше ее разглядеть, Абендсен отрешенно улыбнулся.

— Да, мы жили. Конечно. Но когда живешь в крепости на самой вершине скалы, то все время приходится пользоваться лифтом. А у меня возникла жуткая фобия. Понимаете, однажды я хорошо набрался, сам не помню, мне остальное рассказали, так вот, зашел в лифт, и мне показалось, что трос наверх тянет сам Иисус Христос. Я подумал-подумал и вышел из лифта.

Джулиана ничегошеньки не поняла.

— Ну, насколько я разбираюсь в том, что говорит Готти, — пришла ей на помощь Каролина, — он имеет в виду, что если бы он увидел лично Христа, то ни за что не остался бы стоять в его присутствии. Немедленно бы сел. А в лифте сидеть не на чем.

«Это он, кажется, какой-то церковный гимн переврал», — смутно сообразила Джулиана.

— Так вы, значит, оставили «Неприступный замок» и переселились сюда? — перевела она

разговор на конкретную тему.

— Послушайте, — поморщился хозяин. — Давайте я лучше сотворю вам выпивку. Что будете?

— Что-нибудь не слишком сложное. — Она взглянула на буфет, на котором громоздились бутылки виски прекрасного качества, настойки, ликеры, бокалы, лед. Абендсен повел ее туда.

— Просто «Харпер» со льдом, — заказала она. — Мне это всегда нравилось. Вы с Оракулом знакомы?

— Нет, — покачал головой Абендсен, занимаясь ее заказом.

— С «Книгой Перемен»? — изумленно переспросила она.

— В жизни не слышал, — вытаращил глаза Абендсен, протягивая бокал.

— Да не дурачь ты ее, — поморщилась Каролина.

— Я прочла вашу книгу, — сказала Джулиана. — По правде, дочитала только сегодня к вечеру. Откуда вы узнали все о том мире, который описали?

Готторн не ответил ничего, лишь нахмурил брови, уставился в пространство и потер пальцем верхнюю губу.

— Вы же использовали Оракула! — настаивала

Джулиана.

Готторн взглянул на нее.

— Не изворачивайтесь, пожалуйста, — попросила Джулиана. — Ответьте просто, не сочиняйте.

Покусывая губу, Абендсен уставился в пол, обхватил себя за плечи руками и принялся раскачиваться. Находившиеся в комнате неподалеку замолчали, и Джулиана заметила, что их поведение изменилось. Похоже, им не слишком пришлись по душе ее вопросы. Но она совершенно не собиралась брать свои слова обратно. И замалчивать их не будет, и на другую тему не перейдет. Слишком все это важно. И потом, вся эта история стоила ей диких усилий, чтобы теперь удовольствоваться меньшим, чем правда.

— Очень сложный вопрос, — ответил наконец Абендсен.

— Да нет же, очень простой, — возразила Джулиана.

Теперь замолчали уже все находившиеся в гостиной. Все смотрели на них троих.

— Простите, — сказал Абендсен. — Сразу я ответить не могу. Удовольствуйтесь этим.

— Но тогда почему вы написали эту книгу? — не унималась Джулиана.

Глядя на напиток в бокале, Абендсен ответил:

— А почему на вашем платье эта брошка? Она что, отгоняет злых духов или же просто охраняет целомудрие?

— Зачем вы уходите от ответа? — настаивала Джулиана. — Почему не можете ответить на простой вопрос? Это же как-то по-детски.

— Знаете, у каждого свои секреты ремесла, — покачал головой Абендсен. — У вас есть ваши секреты, у меня — свои. Читайте книгу и воспринимайте ее как факт. Как данность. Точно так же, как я воспринимаю вас. — Он повел рукой с бокалом в ее сторону. — Я же совершенно не собираюсь выяснять, что там у вас под платьем — настоящее тело или же какая-то хитроумная конструкция из винтиков, мягкой резины и разных каркасов. Мы ведь верим в то, что видим вокруг себя, разве не так? — Джулиане показалось, что Абендсен расстроился, на него накатило раздражение, и он уже не выглядел радушным и гостеприимным хозяином, как за минуту до этого. Да и Каролина явно недовольна: с лица исчезла улыбка, а губы плотно сжались.

— В вашей книге вы пишете о том, что существует выход, — вздохнула Джулиана. — Вы же об этом написали?

— Выход… — с иронией в голосе повторил

Абендсен.

— Вы сделали для меня очень многое, — произнесла Джулиана. — Теперь я знаю, что не стоит ничего бояться, что не надо ничего ненавидеть, опасаться, убегать. И преследовать тоже никого не надо.

Абендсен взглянул на нее, вертя в руке бокал.

— Мне просто-напросто кажется, что на этом свете очень многое стоит свеч, — ответил он.

— Я понимаю, о чем вы, — кивнула Джулиана. Она поняла, что именно он имел в виду. Ей было знакомо выражение, появившееся на его лице. Она часто видела подобное на лицах разговаривающих с ней мужчин. Но вот здесь она такого варианта не ожидала, и это ее расстроило.

— Да, в деле, которое на вас завело Гестапо, сказано, что женщины моего типа вас привлекают, — вздохнула она.

— Гестапо не существует с сорок седьмого года, — ответил Абендсен, но выражение его лица слегка изменилось.

— Ну, тогда СД или еще что-то в этом роде.

— Объясните, пожалуйста, о чем вы? — жестко потребовала Каролина.

— Я и хочу это сделать, — пожала плечами Джулиана. — В Денвер я приехала с одним из них.

Он собирался сюда. Со временем они все равно сюда доберутся. Знаете, найдите себе местечко, где вас будет сложно отыскать, а не держите двери нараспашку, пуская внутрь кого попало. Когда они пошлют следующего… сомневаюсь, что ему попадется кто-нибудь вроде меня, чтобы его остановить.

— Вы сказали «следующего», — произнес после паузы Абендсен. — Но что же стряслось с тем, кто привез вас в Денвер? Почему он не пришел?

— Потому что я перерезала ему горло, — выдохнула Джулиана.

— Да… это уже нечто… — покачал головой Готторн. — Чтобы девушка сказала тебе то, чего не говорила еще ни одна девушка на свете…

— Вы не верите?

— Верю, — кивнул он и улыбнулся ей мягкой, застенчивой, какой-то очень одинокой улыбкой. Сомневаться в сказанном ему и в голову не пришло. — Спасибо.

— Спрячьтесь, пожалуйста, от них, — попросила она.

— Ну, допустим, — поморщился он. — Мы же пытались, как вы читали. На обложке… Обо всем этом оружии и колючей проволоке. Написали специально для того, чтобы всем казалось, будто

мы колоссально окопались. — Голос Абендсена стал сухим и усталым.

— Ты хотя бы оружие с собой носил, — вздохнула его жена. — Уверена, в один прекрасный день тебя пригласят поболтать да и пристрелят. Отплатит тебе за все какой-нибудь нацистский профессионал, а ты будешь до последнего момента философствовать.

— Они доберутся до кого угодно, если только захотят, — покачал головой Готторн. — Окружай ты себя рвами, закутывайся в колючую проволоку, строй свой неприступный замок…

«Что за фатализм?! — изумилась Джулиана. — Просто так и рвется к собственному уничтожению. Да знает ли он сам, что написал?»

— Так, значит, эту книгу написал все же Оракул, — вновь сказала она.

— Сказать вам правду? — рассердился он.

— Да, я хочу ее знать. И, по справедливости, за все свои старания заслужила. Разве нет? Вы же понимаете, что заслужила.

— Оракул, — начал Абендсен, — все то время, пока я строчил книжку, дрых в углу комнаты. Только посапывал… — Лицо его стало вытянутым, скорбным. Из глаз исчезла веселость.

— Да скажи же ты ей, — не выдержала Каро-

лина. — Она права, она это заслужила. Тем, что сделала для тебя. — Она повернулась к Джулиане. — Я сама расскажу вам, миссис Фринк. Да, Готти проверил тысячи вариантов. Вникал в смысл всех линий. Исторический период. Фабула. Сюжет. Персонажи. Заняло это годы. Он даже спрашивал у Оракула, будет ли книга иметь успех. И тот ответил ему, что успех будет, да такой, что… первый настоящий успех во всей его карьере. Так что вы правы. Похоже, вы сами часто пользуетесь Оракулом, раз понимаете такие вещи.

— Но меня интересует совершенно другое, — покачала головой Джулиана. — С какой целью Оракул написал эту книгу? Разве об этом вы его спросили? Почему именно о том, как немцы с японцами проиграли войну? Разве же нельзя было просто написать про нашу жизнь? Но получилось бы что-то совершенно другое, не так ли?

Ни Готторн, ни Каролина не ответили.

— Мы с ним давно уже пришли к соглашению, — сказал все же Абендсен. — На самом высшем уровне. Не выяснять это. Понимаете, если я его спрошу о том, почему он написал «Саранчу», то выходит, что сам я выхожу из дела, отдавая ему всю свою долю. Сам вопрос заключал

бы в себе признание того, что я работал обыкновеннейшей машинисткой. А это и неправда, да и не слишком с моей стороны скромно.

— Я могу спросить, — сказала Каролина. — Если ты не можешь, то я-то могу?

— Но это не твой вопрос, — возразил Готторн. — Пусть она сама и спросит. — И, обратившись к Джулиане, добавил: — Знаете, у вас совершенно бесчеловечный склад ума.

— Где ваш экземпляр? — спросила Джулиана. — Мой остался в машине, но она возле мотеля. Могу съездить, если не дадите свой.

Готторн повернулся и вышел. Джулиана и Каролина последовали за ним. Прошли сквозь заполненную людьми гостиную, подошли к двери кабинета. Готторн зашел внутрь и вернулся с двумя черными томиками.

— Я стебли тысячелистника не использую, — сказал он Джулиане. — Они вечно теряются, а потом не отыщешь.

— Мне нужны карандаш и бумага, — сказала, усаживаясь за кофейный столик, Джулиана.

Кто-то из гостей подал ей и то, и другое. Все, кто находился в комнате, обступили ее плотным кольцом.

— Задавайте вопрос вслух, — сказал Абенд-

сен. — В этом доме секретов друг от друга не держат.

— Оракул, зачем явилась на свет книга «Саранча застилает небо»? — спросила Джулиана. — Что должны были мы постичь с помощью этой книги?

— У вас довольно странный способ постановки вопроса, — пожал плечами Абендсен. — Это немного смущает. Обычно я пользуюсь вот этими. — Он передал ей три китайские монетки с дырочками в середке. — Валяйте.

Она почувствовала себя спокойной, на своем месте, и принялась подбрасывать монеты. Готторн записывал за ней получающиеся линии. Она подбросила их в последний раз.

— «Сунь» наверху, «дуй» внизу, — произнес немедленно Абендсен. — Пустота в середке.

— А вы знаете, что это за гексаграмма? — спросила она. — Без книжки?

— Конечно, — ответил Готторн.

— «Чжун фу», «Внутренняя правда». Я тоже знаю без таблицы. И знаю, что она означает.

Готторн поднял голову от бумаги и взглянул ей в лицо. Теперь взгляд его был жестким.

— Означает ли это, что моя книга — правда? Что в ней пребывает истина?

— Да, — ответила она.

— Германия и Япония проигрывают войну? — почти со злостью спросил он.

— Да.

Абендсен, ни слова не говоря, взял в руки оба тома. Встал.

— Даже вы не можете это принять, — усмехнулась Джулиана.

Какое-то время он раздумывал. Взгляд его сделался пустым.

«Он смотрит внутрь себя, — поняла Джулиана. — Занят собой…» И тут его глаза снова стали ясными, взгляд ожил. Он прокашлялся и сказал:

— Я уже ни в чем не уверен.

— А вы поверьте, — ответила Джулиана.

Он покачал головой.

— Не можете?! — Она дернула плечом. — Но в этом вы тоже уверены?

— А вы не хотите, чтобы я оставил автограф на вашем экземпляре «Саранчи»? — поглядел на нее Абендсен.

Она тоже встала.

— Думаю, мне пора. Большое вам спасибо. Жаль, что я расстроила вам весь вечер. И так мило с вашей стороны, что вы впустили меня в свой дом.

Когда она надела шубку, в дверях появились Каролина и Готторн.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану. Потом повернулся к Каролине и обратился к ней: — Ты знаешь, кто эта девушка? Она демон. Маленький дух, который без устали рыщет по земле. — Он поднял руку и, сдвинув очки на лоб, потер брови… — Без устали по всей земле… — Водрузил очки на место. — Она делает то, что для нее естественно, то, что выражает ее сущность. Она совершенно не намеревалась появиться здесь, чтобы принести этим какой-то вред. Да и вообще, она появилась просто потому, что появилась. Это случилось с нею, с нами. Точно так же, как случается именно такая погода. Я рад, что она пришла к нам. И меня совершенно не огорчило откровение, которое принесла ей книга. Она, пожалуй, даже и не предполагала раньше, что собиралась сделать тут, что выяснить. Нет, я считаю, что нам с ней очень повезло. Так что не сердись на нее, ладно?

— Но она несет с собой ужасную разрушительность…

— Что же, такова и сама реальность, — ответил Готторн и, протянув руку Джулиане, добавил: — И спасибо за то, что вы сделали для меня в

Денвере.

Она пожала его руку.

— Всего доброго, слушайтесь жену. Носите, по крайней мере, с собой оружие.

— Нет, — покачал головой Абендсен. — Я уже давно так решил. Запугать себя я им не дам. Ну а если на меня ужас когда-нибудь ночью и навалится, то я всегда могу спросить совета у Оракула. Видите, как все славно устраивается? — Он улыбнулся.

— На самом-то деле, — продолжил он, — единственное, что меня сейчас волнует, так это то, что все эти пропойцы, ходившие вокруг нас кругами, вылакают, пока мы тут болтаем, все спиртное в доме.

Он повернулся и быстрыми шагами направился в гостиную, чтобы восполнить содержимое своего бокала.

— А куда вы направляетесь теперь? — спросила Каролина.

— Не знаю… — Вот уж что совершенно не волновало Джулиану. «Наверное, я на него в чем-то похожа, — подумала она. — Совершенно не обращаю внимания на серьезные вещи». — Может быть, вернусь к своему мужу. Я уже пыталась ему сегодня вечером дозвониться. Наверное, попро-

бую еще раз. Как обстоятельства сложатся.

— Знаете, несмотря на все то, что вы сделали для нас… или говорите, что сделали…

— Вы хотите, чтобы я больше никогда не появлялась в вашем доме? — докончила за нее Джулиана.

— Понимаете, если вы действительно спасли жизнь Готторну, то это ужасно. Это совершенно потрясло меня, я даже не могла сообразить, о чем вы с Готторном говорили и к чему пришли.

— Странно, — ответила Джулиана. — Никогда бы не подумала, что правда может так расстроить… — «Правда, — подумала она, — чем она милосерднее смерти? Вот только отыскать ее сложней. Мне просто повезло». — Странно, я было подумала, что вас обрадует правда. Как меня. Нелепо, да? — Она улыбнулась, и после паузы миссис Абендсен попыталась улыбнуться в ответ. — Ну что же, в любом случае спокойной вам ночи.

Вышла на крыльцо, спустилась на бетонную дорожку, ступая по теплым пятнам света, льющегося из горящих окон, добралась до живой изгороди.

Вышла на улицу и зашагала прочь, не оглядываясь на освещенные окна Абендсенов. Глядела

по сторонам: не покажется ли наконец автобус, такси или рикша — все равно. Что-нибудь уютное, на чем она могла бы вернуться в гостиницу.

Информация о книге

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6
Д 45

PHILIP K. DICK

Eye in the Sky (1957)

Time Out of Joint (1959)

The Man in the High Castle (1962)

Перевод с английского языка

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Дик Ф.
Д 45 Вне времени: Око небесное. Распалась связь времен. Человек в Высоком замке: [романы] / Филип Дик; [пер. с англ.]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 733 с.

ISBN 978-5-367-00814-2

В первый том трехтомника Филипа Дика вошли романы, условно объединенные темой «Вне

времени», — романы, уже давно существующие «вне» чего бы то ни было. А потому вечные, навсегда.

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6

© Philip K. Dick, 1957
© Белов Г., перевод на русский язык, 2008
© Philip K. Dick, 1959
© Беньковский В., перевод на русский язык, 2008
© Philip K. Dick, 1962
© Левкин А., перевод на русский язык, 2008
© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2008

ISBN 978-5-367-00814-2